

Я ТЕБЯ

ПРЕДУПРЕЖДАЛ

Скандальная

Никогда не думала, что одно простое сообщение способно перевернуть всю мою жизнь с ног на голову. Просто не та фраза, просто не тот получатель, просто не те чувства. — Ты сама виновата, — ухмыльнулся он, скользнув носом по моей шее. — Я тебя предупреждал, Малая. Я очень много раз тебя предупреждал.

Я тебя предупреждал

Глава 1

Порой, взирая на прошлое с высоты своего совершеннолетия, я задумываюсь о том, как могла бы сложиться моя жизнь, не будь я столь глупой и дерзкой. Не признавайся я при каждом удобном случае парню, который старше меня на четыре года, в своих чувствах. Это сейчас разница несущественна, а когда тебе тринадцать, а ему семнадцать, объект любви довольно холодно воспринимает подобную информацию.

Тем более, если ты делаешь это не в первый раз, и тем более, если делаешь на глазах у его сверстников.

Подумать только, в последний раз, когда это случилось, Картер поступил так ужасно, что мне до сих пор страшно хоть кому-то признаться в своих симпатиях. А ведь мне восемнадцать. А ведь я даже не целовалась ещё ни с кем, несмотря на то, что после Макса в моём поле зрения появлялись мальчики, которые были мне интересны, и которые так же по началу обращали своё внимание на меня. Да только после пары попыток со мной познакомится они удручённо запикивали свой интерес обратно за пазуху и пропадали. Потому что выражать симпатию как должно я не умею. Потому что общение с Картером научило меня вырабатывать яд, которым я просто брызжу на всех, кто хоть чуточку задевает моё сердце.

Сегодня я намеревалась исправить это положение. Познакомится с кем-то, попробовать пообщаться без лишнего злословия и, может, встретить уже того, кто скрасит моё одиночество. В конце концов, в кругу своих сверстниц я одна без парня. Как белая ворона.

Вздыхнула, стаскивая с себя полотенце и рассматривая самое красивое бельё из того, что разложила на кровати до похода в душ. Выбрать не успела, поскольку зазвонил смартфон.

— Да?

— Кать, ну ты где? Мы уже полчаса как приехали. Как-то не комильфо отмечать днюху без виновницы торжества.

— Минут через тридцать буду, Нэль. Без меня не начинайте.

— Торопись давай, а то самое веселье пропустишь! — рассмеялась в трубку подруга и сбросила вызов.

Не то чтобы я очень хотела принимать участие в очередном поводе напиться, но это мой день рождения и не пить на нём будет странным для друзей.

Выбрав наконец чёрное кружевное бельё, я отложила его в сторону и принялась растирать лосьон для тела с некогда любимым маминым ароматом. Когда-то мне в наследство досталась от неё вся косметика и духи, которые я начала использовать уже в одиннадцать лет. Мне безумно нравился запах инжира, включённый почти в каждый состав того или иного средства.

После была стандартная процедура нанесения сыворотки на волосы, и, расправившись со всем, оделась, повернулась к зеркалу, чтобы оценить свой внешний вид, и тут же замерла, потрясённая представшей моему взгляду картиной.

Зеркало в моей комнате находится напротив окна, которое выходит на дорогу, пролежавшую между нашим и соседским коттеджем. Дорога эта очень узкая, две машины не разминутся, а дома стоят очень близко к ней. И вот в большом оконном проёме чужого коттеджа, где не горел свет последние несколько месяцев, я видела тлеющий уголёк

сигареты. Просто физически ощутила на себетежёлый взгляд, пробежавшийся по мне от макушки до босых ног, и покрылась привычными мурашками, которые появлялись всякий раз, стоило мне ощутить на коже нестерпимую жгучую изморозь.

О, боже!

Мгновенно воспламенившись, я подошла к окну, продемонстрировала сыну дьявола средний палец и задёрнула шторы. Кипяток плеснул на щёки, активируя во мне режим паники, и я просто замельтешила по комнате, не зная, что делать. Господи, как же стыдно!

Когда он успел вернуться? Почему я не видела машины и не слышала скрипа гравия под её колёсами?

Мать моя женщина!

Села на кровать и нервно растёрла щёки. Боже, он наверняка снова высмеял меня, ведь я почти не изменилась со времён своего семнадцатилетия, когда Костик брал меня с собой в их компанию на озеро. Всё та же маленькая грудь, те же худые руки и ноги, та же небольшая попа.

Зажмурилась, вспомнив, как он подшучивал тогда над моими неуместными попытками продемонстрировать ему себя. Господи, мне не пережить эту ночь. Я сгорю от стыда, точно говорю!

К моменту, когда истерика улеглась, я уже садилась в прибывшее такси. Машина Картера действительно стояла у ворот его дома. Похоже, он приехал, пока я была в душе. Досадливо цокнув языком, залезла в ватсапп и написала Маше сообщение о том, что произошло. Подруга отреагировала мгновенным:

“Ты уверена, что это был именно он? Может, отец?”

“Уверена. У дома стоит его машина *раздражена*”

“А почему твой брат не предупредил тебя, что он явится? О. о”

“Костя мог не знать. Они с отцом ещё вчера уехали по каким-то делам в Москву и вернутся только завтра”

“Хороши родственнички. Дочь и сестру в такой день одну оставляют *фыркнула*”

Я улыбнулась. Эта невозможная женщина вечно брюзжит.

“То была инициатива Кости. Он хотел, чтобы я устроила с вами вечеринку дома, но вы почему-то решили, что нужно идти в клуб”

“Потому что твоё приглашение звучало как “Приходите ко мне, посмотрим фильм, пива попьём”. Нет уж, дорогая моя, так совершеннолетие никто не отмечает! И твой брат молодец, раз сам это прекрасно понимает!”

“Мой брат молодец? *скептически* Мне кажется, что ты его с кем-то путаешь”

Маша не ответила. Вместо этого скинула фотку столика в ночном клубе, установленного коктейлями и подписала: *“Тебе не отвертеться”*

Идти на попятную я не собиралась, а вот за попытку отвлечь меня от его приезда я была благодарна. Этот мерзавец вечно выбивает меня из колеи, как только появляется в поле моего зрения. И нет, ему ничего не нужно делать, просто бросить на меня свой холодный взгляд, в котором трескается лёд. А в этот раз я его даже не видела, но прекрасно ощутила пристальное внимание.

Выдохнула и прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания. До клуба ехать ещё минут пятнадцать, и мне бы думать о чём-то другом, но нет. Картер всегда занимал все мои мысли, потому что ненависть к нему проистекает с самой первой встречи. Она душит и не даёт

свободы. Она меня сжигает. И никакие месяцы без его присутствия не помогают справиться с этим чувством, потому что ненависть моя рождена из...

***

— Малая, прекращай ходить за мной по пятам, пойди поиграй с Широю! — рыкнул Костик, увидев, что я иду за ним.

— Широ болеет! — возмутилась я, насупив брови и продолжая топтать едва ли не след в след, прекрасно понимая, что то место, куда направляется брат, всяко интереснее, чем сидеть дома после школы.

Костя остановился и посмотрел на меня своим фирменным убийственным взглядом, но делать ничего не стал. От меня отделаться — это только если сбежать. Знает. Плавал.

— Кать, иди домой, а? У меня вот нет ни малейшего желания присматривать за тобой, — поморщился он.

— А ты и не присматривай! Занимайся своими делами, я просто рядом посижу. Тем более, папы нет, а я давно уже засматриваюсь на его коллекцию ракушек.

— И чо? — нахмурился он, прекрасно понимая, к чему я клоню.

Улыбнулась нагло, как всегда делала.

— Ну влетит-то тебе.

Костик стиснул зубы и вздохнул, после чего развернулся и пошел дальше, понимая, что я всё равно пойду за ним. А направлялся он не далее, чем во дворы многоэтажек, где его уже ожидала компания мальчишек из четырёх человек. Увидев меня, они все нахмурились, не понимая, зачем мой брат притащил с собой шмакодявку.

— Прицепилась, — развёл тот руками. — Она тихо посидит, пока играем, — после чего с долей здравого сомнения посмотрел на меня, потому что я и “тихо посидит” были не сочетаемы.

Высокий коротко стриженный мальчишка крутанул мяч на пальце и бросил на меня косой взгляд:

— Так может, она с нами поиграет? Чего девчонку на лавке-то держать?

Они дружно посмотрели на него, потом на меня и вдруг заулыбались, рождая во мне нехорошее предчувствие. Чуть позже выяснилось, что очень даже не зря мне эти их улыбочки не понравились.

С чего-то вдруг поменяли правила. Если я соглашаюсь играть, то за каждый гол выполняю простенькое желание забившего. И если я сначала заартачилась, то позднее мне стало слишком скучно. В итоге я, то кукарекала, то крутилась, как волчок, то кричала на весь двор, что принц-лягушка мой лучший друг. Чувство юмора у пятнадцатилетних мальчишек странное и несмешное. Нет, там были варианты желаний, которые вгоняли меня в краску, но Костя хмурился и качал головой, после чего подбирались самые безобидные.

Уже начинало темнеть, когда возле баскетбольной площадки появился ещё один мальчишка. Он смотрел за тем, как мы играли и веселились минут пять, пока Костя не позвал его к нам. Тогда он медленно, словно опасаясь, приблизился, только после этого мне удалось нормально его рассмотреть. Короткие тёмные волосы растрепаны, уголки губ чуть опущены, на подбородке ямочка. Но лучше всего я запомнила глаза. Серые, холодные, со льдом на дне.

Он обвёл всех нас взглядом и задержался на мне, после чего приподнял бровь.

— Она тоже играет? — у него был странный... акцент.

У нас так не говорят, поэтому я присмотрелась к нему более внимательно. Фасон

одежды тоже непривычный. Белая футболка с треугольным вырезом, сверху джинсовая рубашка с короткими рукавами, чёрные джинсы, белые кеды. Аккуратно, но не то. А ещё на шее был виден кричащий белый прямоугольник с мелким рисунком черепов и чего-то ещё.

— Нет, мы просто её развлекаем, — ответил брат, после чего бросил ему мяч. — Меня зовут Костя, его Даня, — показал он на мальчишку, который предложил взять меня в игру, — Это Саня, Рома и Игорь, — перечислил остальных, потом посмотрел на меня. — А её зовут Катя.

— Кэти, — задумчиво повторил он, прищурился взгляд.

— Екатерина, — поправила я, уже понимая, что парень не то, что не местный, он чужестранец.

Он улыбнулся краешком губ и посмотрел на мальчишек.

— Меня зовут Картер. Макс Картер.

Я вспомнила про Бонда, фыркнула в кулак, но промолчала. Парни заржали и пригласили начать игру без “посторонних”, в смысле меня пытались усадить на лавку, но Макс отмахнулся и сказал, что не против играть по тем же правилам. Вот только играл он в разы лучше, значит, голов забивал больше и желания загадывал чаще. И если у всех были безобидные кукарекания или ещё что-то в этом духе, то Картер натуральным образом издевался, заставляя то бегать кругами по площадке, пока они играют, то приседать, то залезать на забор и оттуда орать что-то в духе “Я — пету-у-у-ух! Я — лечу-у-у-у!”

Я в тот вечер вымоталась как не знаю кто и под конец уже просто засыпала. К тому же, на улице стало темно, единственное освещение исходило от уличных фонарей, и трое мальчишек уже ушли домой. Мы остались вчетвером.

— Давай, Катюнь, ещё пару раз перепрыгнешь и всё. Домой пойдём, — смеялся Костя, когда я в очередной раз за вечер перескакивала через летящий мне под ноги мяч.

— Я не хочу больше! — ныла я в ответ, но стояла там, куда поставили. — В последний раз и всё.

Макс размахнулся и со всей силы бросил мяч, вот только я не смогла перепрыгнуть невзирая на то, что мы договаривались. Жесткий удар в живот сбил меня с ног и повалил на колени. Боль прострелила суставы, воздух из лёгких выдавило, а в животе, казалось, всё разорвалось.

Я даже крикнуть не смогла. Стояла на коленях и задыхалась.

— Ка-а-а-ать? — позвал Костик откуда-то сбоку. На плечи легли его руки и потрепали. — Нормально?

— Нормально, — прохрипела я, из всех сил пытаюсь сдерживать льющиеся по щекам слёзы.

Не любила плакать. Мама просила никогда не плакать, как бы больно ни было. Особенно когда больно.

“Плакать можно от лёгкой обиды, когда хочется. От счастья, когда можется. Но никогда не плач от боли. Не показывай слабости, милая”

И я не плакала даже на её похоронах, когда бросала горсть земли на деревянную крышку гроба. Потому что она просила.

Лицо неожиданно приподняли за подбородок, и я встретился серыми глазами, на дне которых стыл лёд. Он ничего не сказал, просто посмотрел, после чего прихватил меня за талию и поднял на ноги. А секундой позже принялся стряхивать грязь с разбитых коленок.

Достал из кармана такие же пластыри, как у него на шее, и стал лепить на разбитую кожу.

А я смотрела на его действия и понимала, что бесит! Зарядил мячом в живот и заставил разреваться, как слабачку какую! Но я молча стояла и следила за его движениями, пока Костя с Даней переговаривались насчет завтра.

— Извини, Кэти, — тихо произнёс он.

— Засунь свои извинения себе в... — я поджала губы и вытерла мокрые щёки. — Не нужны они мне.

Закончив, Картер поднялся и посмотрел в мои глаза, убирая пачку с пластырями в карман рубашки.

— Ты не любишь, когда извиняются? — спросил спокойно, будто говорил о погоде. — Хорошо, я больше не буду.

После этих слов он развернулся и пошел к мальчикам, оставив меня всё в той же злости. Я не хотела реветь! Но как не реветь, когда такое чувство, что тебе мешают внутренности калёной кочергой.

***

И Картер действительно больше никогда не извинялся. Ни разу с первой встречи. И это тоже было причиной моей ненависти к нему.

Вдохнула и потёрла виски, заметив, что уже подъезжаю к зданию клуба. Неоновая вывеска пестрела танцующей парочкой и названием заведения, в котором к этому часу уже было не протолкнуться. И это неудивительно, ведь сейчас последние выходные перед началом учебного года. Студенты отрывались как могли.

Расплатившись с таксистом, я поспешила внутрь, где с трудом, но всё же отыскала девчонок на верхнем зале. Народу было нереально много и девочки уже сидели в компании незнакомых мне парней. И это при том, что каждая из них состоит в серьёзных отношениях!

— Ма-а-а-ась, — протянула я, хлопнув воркующую с каким-то парнем брюнетку по плечу.

— А? — она обернулась и заулыбалась во весь рот. — Катюха-а-а-а!!! Девчонки, Катюха приехала!

После этих слов на меня обратили внимание абсолютно все. Даже парни, которые облепили подруг. Нэля сидела в обнимку с нашим одноклассником. Женя Петровичев всегда к ней неровно дышал, но почему-то подкатить осмелился только сейчас. Вот только им ничего не светит, ведь каждую из этих девчонок ночью будет сопровождать собственный парень.

Я посмотрела в глаза Маси и сделала вывод, что пить они начали сразу, потому что они у неё были невероятно пьяными.

— Мальчики, это наша именинница, Катюша! — Начала представлять меня Ксения, которая, к слову, почему-то была пьянее всех, хотя алкоголь её обычно так быстро не берёт. — Катюша, это Женя, его ты знаешь, — ткнула она пальцем в рыжего невысокого парня с примечательными веснушками на лице. — Это Дамир, — парень сидевший рядом с ней был массивным, смуглым и грозным. И взгляд, которым он меня окинул, мне не понравился, но я всё же приветливо улыбнулась.

— А это Саша и Серёжа, — перебила Ксению Оля, обратив моё внимание на их троицу.

Саша и Серёжа оказались близнецами. Причём очень симпатичными близнецами. Типичные блондины с голубыми глазами и обаятельными улыбками и Оля между ними казалась мелкой и простоватой мышкой.

Мася же продолжила щебетать с Брюнетом, внимание которого целиком было приковано к ней. Не стала ждать, пока оторвётся. Протянула руку так, чтобы он её увидел, а когда он заметил, то не пожал, а взял аккуратно и поцеловал тыльную сторону ладони, что невероятно меня смутило.

— Николай, — представился он, окидывая меня взглядом.

— Катя, — коротко ответила я и отобрала ладонь из мягкого захвата.

Свободных мест на диванчиках не было, поэтому мне пришлось протиснуться между Колей и Серёжей. Встретилась взглядом с большим парнем по имени Дамир и снова приветливо улыбнулась.

— Ты чего так долго, Катюш? — спросила Нэля, забрав со стола бокал с голубым коктейлем. Тоже захотелось чего-то такого.

— Немного задержалась за просмотром фильма.

Я протянула руку к столику, но Дамир наклонился, взял какой-то мутный белый коктейль с кусочком ананаса и протянул мне.

— Пина колада, — возвестил он.

Подумав, что это, наверное, один из любимых напитков каждой девушки, я с благодарностью взяла его и принялась потягивать, краем уха вслушиваясь в щебет Маси. И меня ее голос вообще удивил. Он был странным, с придыханием. Нэля, Оля и Ксения тоже покраснелись и поглядывали на своих спутников с отчётливым интересом.

И я до определённого момента не обращала на них никакого внимания, увлекшись разговором об учёбе. Как раз тема коснулась поступления в институт.

— Я вообще не понимаю, зачем ехать в такую даль, поступать на вышку, когда и у нас колледжей полно, — недовольно пробубнила Нэля.

Я с ней уже неоднократно обсуждала этот момент, потому что мы с девчонками собираемся разъехаться кто куда. Позже, конечно, выяснилось, что она просто не хотела расставаться. Девушка действительно очень плохо переносила разлуку с близкими людьми, но это жизнь, чего уж тут.

Я как раз допила свою Пину коладу и взяла в руки второй бокал, но уже с другим напитком, как услышала вздох, а за ним:

— О, Картер приехал! — воскликнула Оля, на что я немедленно отреагировала сжатием пальцев на пузатом бокале.

Нет, сил раздавить его у меня бы не хватило, но посуда дрогнула, и несколько капель упали на платье, оставляя уродливые пятна.

Твою мать!

Принялась вытирать их салфеткой и краем глаза выцепила его массивную фигуру. Он был одет в неизменно чёрную футболку, подчёркивающую рельеф его спортивного телосложения и чёрные джинсы. Похорошел за лето, гад!

— И Тамилова, как обычно, Тарзаном на нём, — хихикнула Ксения, как и я увидев, что девушка, на год старше нас и учившаяся с нами в одной школе, мгновенно прилипла к диванчику, на котором разместился Макс. — Вот она, кстати, говорила в прошлом году, что за Картером поступит в институт.

— Поступила? — с деланным равнодушием спросила я.

— Насколько знаю, да. Не зря же хвасталась чуть ли не на каждом углу.

— Рада за неё, — ответила спокойно, несмотря на то, что меня не слабо так приложило

этой новостью.

Раньше я думала, что последую за ним на край света. Я умела прилипать так, что не отлепишь, да только самого Макса это никак не устраивало. И если изначально хорошее отношение было как нечто естественное, то через пару лет я поняла, что он относился ко мне просто как к сестре друга, стараясь не обижать и вообще серьёзно не воспринимать.

Но до той поры я действительно считала, что буду ходить за ним по пятам, последую в тот же институт, пойду работать в ту же организацию... Сейчас плевать. Плевать, потому что я уже давно вычеркнула Макса из своей жизни. Он уже давно не номер один в моём списке ценностей.

Да, мне неприятно, что какой-то Тамиловой он позволяет подобные вещи, а меня считает малолеткой, неспособной разобраться в собственных чувствах. Это делает больно. Раньше я бы, наверное, разревелась и умчалась куда подальше, проклиная его и себя за свою слабость, но сейчас всё иначе.

Больно, но не цепляет. Давно плевать на эти чувства. Они лишь отголосками воют глубоко внутри, но я давно закрыла ту область своей души на амбарный замок. Единственное, что я позволяю себе — ненавидеть Картера. Ненавидеть всей душой, потому что он всё ещё пробуждает во мне воспоминания о каждой пролитой мною слезинке.

Осушив бокал, почувствовала жар и странный озноб. Вряд ли температура, ведь не может же быть такого прилива сил от неё. И чувствовала я себя уже изрядно пьяной.

— Ма-а-ась? — протянула, начав потягивать третий коктейль с лаймом. — Вы уже много выпили?

— Всего по несколько бокалов, — улыбнулся Николай, повернувшись ко мне. — И тебе рекомендую поторопиться, чтобы не отставать от своих подруг.

Что-то мне в его словах не понравилось. Я внимательно посмотрела на Ксеню. Не могло её так развезти. Дамир, перехватив мой взгляд, склонился, поманив пальцем, чтобы я приблизилась, а когда сделала, то услышала проникновенное:

— Потанцуем?

По телу внезапно прокатились сладкие мурашки. Я отстранилась и посмотрела в искрящиеся карие глаза. И да, мне действительно хотелось танцевать. Ему с Ксеньей всё равно ничего не светит, поэтому подруга вряд ли обидится, если я уведу у неё кавалера.

Кивнула ему и поднялась с диванчика, мгновенно ощутив изморозь на коже от взгляда того, на кого решила не обращать внимания. В конце концов, я взрослая девочка. Караулить, как раньше, по просьбе Кости меня не надо.

Дамир подал мне руку и повёл на танцпол, а я обратила внимание на Нэлю, которая уткнулась в плечо довольного Петровичева. Ксения, опустив голову, что-то смотрела в телефоне, Максим, прикрыв глаза, слушала, что говорил Николай, а Олю за широкой спиной одного из близнецов мне было не видно.

Мы вышли из зоны столиков и парень сразу приобнял меня за талию и прижал к себе. И всё бы ничего, но это был какой-то медленный танец. Казалось, парню было всё равно, что звучит ритмичная тяжелая музыка, достающая басами до сердца. Он держал крепко, властно. Рисовал пальцами узоры на тонкой ткани платья и заставлял раз за разом покрываться мурашками.

В какой-то момент, я ощутила, как между ног всё сокращается от возбуждения, трусики стали невероятно влажными, соски напряженными, а голова шла кругом от частого дыхания.

— Тебе хорошо? — спросил Дамир на ухо. — Не хочешь уединиться?

Я была не в состоянии отвечать. Ткнулась лбом парню в плечо и замерла, покачиваемая его плавными движениями. Внешний мир перестал существовать, я уже не слышала громкой музыки, но чувствовала, как под кожу проникают вибрации звука. Ощущала, как сильные пальцы сминают талию, как затвердевшие соски прижимаются к твёрдой груди.

Господи, что это?

Нашла в себе силы, отстранится и поискать девчонок, но диванчики, на которых мы сидели, уже были пустыми. Низ живота резко стянуло сладким спазмом, и я, закусив губу и застонав, снова уткнулась в плечо парню, вцепилась в его руки ногтями и попыталась оттолкнуть, понимая, что, скорее всего, если он отпустит, просто рухну на пол.

— Что вы подсыпали? Где девочки? — выдавила сипло.

— Ш-ш-ш... Всё хорошо, Катя. И девочкам твоим тоже хорошо.

А дальше всё как в тумане. Медленно осела, но так и не достигла пола, оказавшись у него на руках. Он понёс меня куда-то мимо танцующей толпы. Мелькали лица и свет, в какой-то момент затихла музыка, а затем раздался хлопок двери.

Дамир уложил меня на что-то прохладное, его лицо появилось в поле моего зрения, парень взял мои руки и вздёрнул над головой, после чего привязал их куском ткани. Я вяло трепыхнулась, но даже это движение отдало в низ живота, заставив застонать.

— Полежи пока, сладкая. Я сейчас вернусь.

И он вышел из тускло освещённого помещения. Я не понимала, где нахожусь. Не понимала, почему не могу пошевелить ни руками, ни ногами. Не понимала, почему так часто дышу и почему с моих губ срываются стоны, а в животе разгорается нестерпимый пожар. Я до боли хотела прикосновений, до ужаса хотела ласк. Абсолютно вся покрылась испариной, казалось, даже платье насквозь промокло.

Дамир не появлялся долго, пока не потух свет в помещении. После я услышала его тяжёлые шаги, но он не торопился ко мне приближаться. Я даже засомневалась на секунду, а он ли это? Сел рядом, включил какую-то видеозапись с болтающей о возбудителях девушкой на телефоне и экраном ко мне поставил на столик, на котором, как оказалось, сидел. Он закурил сигарету и молча следил за тем, как я сгораю не имея возможности даже самой к себе прикоснуться там, где это было необходимо.

— Хватит, — молила я, желая это прекратить. — Пожалуйста отпусти.

Но он никак не отреагировал. Один уголёк разжег другой, а первый отправился рядом на столик. Света от сигареты мне не хватило, что разглядеть выражение лица Дамира.

— Пожа-а-а-алуйста... — заскулила, сходя с ума от того, что чувствовала.

Ещё минут пятнадцать он молча наблюдал за моими стенаниями, прислушиваясь к фразам о последствиях применения каких-то препаратов и неудовлетворённости, которая может стать причиной гибели, а после... После положил телефон экраном вниз, коснулся бедра и принялся медленно задирать моё платье, лаская кожу пальцами.

Я заскулила пуще прежнего, потому что моё тело охотно отзывалась на его действия. На то, как сильные пальцы сжимают соски, на то, как поглаживают живот и проникают под влажные трусики, чтобы несколькими круговыми движениями по клитору вырвать из меня протяжные стоны.

Я была девственницей, но не девочкой. Прекрасно знала о кисках и членах, о том, как можно ублажать мужчину, о том, что такое минет и анальный секс. Бывало, что и сама себя ублажала в моменты сильного возбуждения, но я ни разу не состояла с парнем в интимных

отношениях. Я же говорила, что даже не целовалась ни разу?

Парень властно сжал мою грудь и пальцем начал скользить ещё глубже в трусики. Когда он добрался до плевры и растянул её, я вскрикнула от боли, дёрнулась. Он сразу же вернулся к моему клитору и начал осторожно катать возбуждённую горошину.

Это продолжалось бесчисленное количество минут. В темноте, под лаской умелых рук, связанная и абсолютно незащищенная, умоляющая прекратить это всё. Я дрожала, пытаюсь свести ноги, я хрипела от напряжения, я скулила...

В какой-то момент, парень рыкнул и оставил меня без внимания. Послышался хруст и шорох одежды, а через мгновение он накрыл меня собой и прихватил губами сосок. Пискнула от острого удовольствия, стрельнувшего низ живота, попыталась свести ноги, но у меня бы ничего не вышло, ведь он был между ними.

Рваное горячее дыхание обжигало кожу, пока он с наслаждением ласкал меня, запустил руку в трусики и нежно, но ритмично принялся потирать клитор, каждым новым движением воздвигая меня на вершину удовольствия. И в какой-то момент я кончила под ним, заскулив во весь голос и закусив губу. Не могла выдержать острого удовольствия, скрутившего каждую мышцу.

Дамир встал, зашуршал чем-то и щёлкнул, после чего в помещении вспыхнул тусклый свет. Я хотела посмотреть на парня, но он прикуривал стоя ко мне спиной, а когда развернулся, огонёк зажигалки уже был потушен.

— Зачем? — спросила хрипло, прекрасно понимая, что он не взял от меня ничего, хотя мог.

Дамир промолчал, сев на столик. Смартфон давно умолк, время тянулось, и в помещении отчётливо было слышно только моё прерывистое дыхание. Ведь оргазм был мощным, ярким... но кратковременным.

Уже через пару минут я снова начала глубоко дышать и пытаться унять нехватку прикосновений за счёт движений. Стискивала связанные ноги, ёрзала попой по тугой обивке, что липла к разгорячённой коже.

В этот раз парень не сидел. Затушив сигарету об столешницу, он перебрался ко мне и вновь принялся ласкать твёрдые соски. Опять запустил пальцы в трусики, но... мне было определённно мало. Моя киска саднила и жаждала проникновения, ритмичных толчков и острого наслаждения.

От очередной накатившей волны желания я взвыла:

— Ты импотент, что ли?! Хватит меня мучить...

Дамир рыкнул, вытащил руку из трусиков и закрыл мой рот влажными пальцами, остро пахнувшими желанием, и вжался в меня бёдрами, позволяя ощутить силу своего желания сквозь ткань грубых штанов.

Застонала, выгнулась, желая ощутить его внутри себя и захныкала, когда киска снова заныла от нехватки ласки. После этого парень одним рывком сорвал с меня трусики, проложил обжигающую дорожку от поцелуев и лизнул напряжённый клитор. Выгнулась под ним и снова заскулила.

— Господи, только не останавливайся...

Я прекрасно ощутила короткий смешок, дыхание от которого опалило нежную кожу, но промолчала, понимая, что не хочу его отвлекать от этого процесса.

Эта ночь была безумной. Я кончала от его губ и языка десятки раз, я так кричала, что сорвала голос... и я совершенно не помню, как очередной оргазм перешел в сон. Когда

открыла глаза, почувствовала, что развязана. Поднялась, поправила платье, волосы и в потёмках, по стеночке, добралась до двери. Та спокойно поддалась, и я вышла наружу, окунаясь в приглушенные звуки ночного клуба.

Думать о том, что произошло, я не хотела. Важной задачей было сейчас выбраться отсюда и отправиться домой. С трудом выйдя в зал, потому что у меня всё дрожало, я направилась к столику, за которым мы сидели. Не была уверена, что моя сумочка оставалась на месте, но очень на это надеялась. Ведь в ней деньги и телефон. На радость, её никто не тронул, что меня немало удивило. Проверив содержимое, я случайно наткнулась взглядом на свои запястья и зависла, увидев синяки от верёвок...

Меня мгновенно затопило чувствами обиды, безысходности и отвращения к себе. Стало больно, что какой-то урод так запросто получил доступ к моему телу. И он же мог сделать всё, что угодно. Причём я бы с радостью это приняла в тот момент.

Твою мать!

Закусила губу и зажмурилась, сдерживая подступившие слёзы. Горло непривычно саднило, но я продолжала делать вид, что всё в порядке.

Телефон на месте, кошелёк на месте...

— Держи, — слух обожгло знакомым глубоким голосом, а мне в лицо ткнулся белый платок.

Я резко развернулась и уставилась на Картера, что смотрел на меня своей ледяной бездной, в которой не было эмоций, там плескались лишь жидкий лёд и безразличие.

И от того, что всё произошло, когда мы находились в одном здании... Когда он был так близко, но так далеко...

“Он не рыцарь моего романа” — привычно повторила я в своих мыслях, выхватывая неизменно белый платок из его пальцев. Кто вообще в двадцать первом веке носит платки? И почему я опять реву, как слабачка последняя?!

Так и не сказав “спасибо”, я развернулась и ушла, стараясь удержаться на своих трясущихся ногах. Я прекрасно знала, что Макс смотрит мне в спину. Вот только, сейчас мне было плевать, как на него, так и на собственные чувства. Отчего-то моя ненависть троекратно возросла и полыхала в груди, жадно облизывая стенки души, хоть я и понимала, что на этот раз в моих слезах нет его вины.

Смартфон показывал четыре часа утра. То есть, с того момента, когда Дамир унёс меня на руках в чилаут зону, прошло примерно пять часов. Меня до сих пор потряхивало, а по коже скатывались мурашки. Воздействие препарата всё ещё не сошло на нет, но...

Я сжала смартфон и зажмурилась, когда меня на мгновение ослепило светом фар подъехавшей машины. Номера соответствовали информации в сообщении от такси.

Выдохнула, садясь в автомобиль и набирая телефон Маси. Я очень переживала за девочек и боялась, что они всё ещё где-то в клубе. А ещё было страшно, что те парни могли поступить с ними гораздо хуже, чем Дамир со мной. Но на звонок всё же ответили. Парень Маси зло прошипел в трубку, что она только-только уснула. Он ничего не пояснял, да оно и не требовалось.

Сейчас не стоит ни о чём думать. Дом, душ, кровать. Вот три моих кита на ближайший час.

Глава 2

Утро вспыхнуло резким звуком задёрнутой шторы, ярким солнечным светом и острой болью в висках. Поморщившись, я попыталась перевернуться на другой бок, но Костик был бы не Костиком, если бы так просто закончил своё утреннее издевательство.

— Доброе утро, сестрёнка! — пророкотал, хватая меня за ноги поверх тонкого одеяла.

Его донельзя довольный голос вызывал яростное желание зашвырнуть подушку в ту сторону и желательно размозжить источник этого отвратительного звука по стене. Вот только вряд ли несчастное изделие на подобное способно.

— Исчезни туда, откуда взялся, — простонала я, накрываясь той самой подушкой.

— Тебе исполнилось восемнадцать и теперь ты взрослая девочка! — всё тем же радостным тоном продолжил, медленно стаскивая меня с кровати. Извернувшись, я попыталась всё же зарядить пуховым снарядом ему в голову, но братец умело избежал попадания. — С сегодняшнего дня тебе официально можно делать всё! Пить, курить, материться, гулять до утра с плохими парнями... — я недоумённо замерла, позволяя всё же стащить свою тушку с кровати и поставить её, в смысле меня, на ноги. — Можно не слушать брата и даже... — он сделал страшные глаза и уже издевательским шепотом закончил: — И даже не отзваниваться!

— Серьёзно? — сдула я прядь волос, скептически заглядывая в ясные глаза братца.

— Конечно, — хмыкнул он. — Особенно если очень хочешь оказаться под домашним арестом.

Я вздёрнула бровь, искренне удивляясь столь вопиющей угрозе.

— В среду я уезжаю отсюда. На учёбу. Собрался со мной?

Костик расплылся в довольной улыбке.

— А мне не надо, Кать, за тобой никуда ехать. За тобой присмотрят. Даже лучше, чем я сам.

— Что за бред? — фыркнула я и пихнула его в плечо, чтобы дал пройти. — Вечно у тебя какой-то пунктик на моей безопасности. Если бы ты реально что-то мог, то я бы... — я резко прикусила язык, боясь вымолвить хоть слово о событиях прошедшей ночи. Если узнает, то начнёт землю носом рыть, чтобы найти Петровичева и его дружков. Не то чтобы мне их жалко. Просто брат за подобный проступок может наломать дров, и я не хочу, чтобы у него были неприятности.

К моему удивлению, Костик никак не отреагировал на внезапное молчание.

— Пижама прикольная, — вот то единственное, что выдал, глядя на нарисованных на ткани зайцев.

Пожала плечами и направилась в ванную, чтобы привести себя в порядок. С такой головной болью всё равно уже не уснуть.

Чуть позже, стоя у плиты, я переписывалась в чате с девчонками, которые особо не желали комментировать прошедшую ночь. Оказалось, что какие-то мужчины выволокли опойщиков из клуба, а девочек вытащили на свежий воздух, где передали на руки их парням. На вопрос, что произошло со мной, я отвечать не стала. Мне до боли в горле было обидно за себя. За то, что я не оказалась в момент спасения рядом с ними.

Страшно подумать, что случилось бы, если бы Дамир решил пойти до конца и забрать мою девственность. Я бы не смогла молчать. Костя бы узнал и перевернул бы весь город,

чтобы найти этого уroda. Сколько девушек они уже опоили и использовали? Не удивительно, что всегда робкий Женя Петровичев так внезапно почувствовал в себе уверенность.

Из размышлений вырвал звонок. Отложив телефон и выключив плиту, на которой варилось кофе, я подошла к входной двери и, не беспокоясь, о том, чтобы заглянуть в глазок, открыла её.

Ощущение, что впустила в дом стужу, едва не снесло меня с ног. Холодный взгляд гостя скользнул от моих глаз вниз по пижаме с забавными зайцами, отчего появилось нестерпимое желание прикрыться, и остановился на босых ногах.

— Привет, Кэти, — выдал тихим глубоким голосом и снова посмотрел в мои глаза.

Не знаю, как смогла свободно вдохнуть. Наверное, окрик Костика помог вернуться в реальность, а не стоять замерзшей скульптурой на пороге.

— Это Макс? Заходи, братан!

Я развернулась и отправилась обратно на кухню, чтобы налить себе свежесваренный кофе и свалить обратно в комнату, где смогу спокойно подумать о том, что меня ждёт в другом городе, где нет никого с таким же взглядом.

— Нам нальёшь, Кать?

Чуть не выронила турку, когда услышала это из-за спины. Обернулась и посмотрела, как парни располагаются за кухонным столом.

— Я прислуга, что ли? — нахмурилась, строго глядя на брата. — Разбудил, поднял, ещё и кофе просишь.

— Ой, не ворчи. Я тебя поднял только из-за него, — и он одарил меня щенячьим взглядом, от которого на губы сама по себе полезла улыбка. Потому что Костик всегда был крепким парнем, а учитывая, что они с Картером с пятнадцати лет занимаются борьбой и ходят в качалку, так и вообще сейчас выглядит, как Рембо с соской во рту. Комично, в смысле.

Зло прищурившись, я поставила турку обратно на плиту, взяла пульт и включила телевизор, чтобы не делать всё в молчании. Наличие Картера на нашей кухне меня сильно нервировало, а по телеку как раз показывали утреннюю сводку новостей, которую часто просматриваю за завтраком. Достала три кружки, краем уха вслушиваясь в то, что вещает диктор, налила себе ароматный напиток со сливками и принялась варить новые порции парням.

— ... а на центральной улице откроется новый фонтан. А теперь перейдем к другим новостям. Прошлой ночью неизвестные избили сына районного депутата. Дамира Яцушко нашли в критическом состоянии за зданием популярного у молодежи ночного клуба "Инферно". Помимо многочисленных ран, у потерпевшего черепно-мозговая травма, из-за которой он находится в коме. Началось расследование...

Звонкий голос ведущей прошелся по моим нервам, словно острейшее лезвие. Я вздрогнула, чуть ли не уронив чашку на пол. Машинально повернулась в сторону Кости и Макса, но те сидели, общаясь о чем-то своем и не обращая внимание на передачу.

Что еще произошло вчера?

Нет, я не жалела этого ублюдка, просто... Не знаю, но что-то мне очень не нравилось в этой истории, только догадка ускользала от меня каждый раз, когда я пыталась ее поймать.

Дрожащими руками засыпала в джезvu кофе, сахар, добавила воду и поставила на огонь,

а сама взялась за телефон.

— Маша, — выдохнула я в трубку торопливо, — скажи, а что... что ты еще помнишь?

— Ты о чем? — удивленно отозвалась подруга.

— О моем дне рождения. Как вы с девочками познакомились вчера с...

— Теми уродами? — почти выплюнула Максим. — Это все Петровичев. Сначала прицепился ко мне, угостил какой-то супермодной фигней. Боже... И я, как дура, повелась!

— Маша, поподробнее, остальное потом выслушаю, — попросила девушку.

— Дальше все в тумане, Катя. Мы с девочками оказались за столиком, а затем... пили. После нас вытащили, а мой Дима рассказывал, что хотел этим ублюдкам дать по заслугам. Но знаешь... там бить уже некуда, в общем. У того Николая, что со мной сидел, почти все зубы выбиты.

Я вдруг вспомнила, как он поцеловал мою руку. Слишком интимно для простого приветствия, даже сейчас передёргивает. Пару секунд я молчала, разглядывая собирающуюся пенку на поверхности кофе, а затем спросила:

— Видела сегодняшние новости?

— Нет. А что там?

— Дамира тоже избили, — напряженно думая, ответила я. Что-то подозрительно это все... — И еще он, оказывается, не нашего полета птичка.

Усмешка вышла горькой.

— Сын чиновника, Маша.

Я же говорила, что узнаю его взгляд из множества других? Даже в толпе. Картер смотрел по-иному. Тяжело, настолько холодно, что по коже проходил озноб. И мне казалось, что на месте, где задерживался его взор, торчат стрелы из льда. Сейчас внимание Макса было пристальным. Не нужно быть гением, чтобы понять: он слышал разговор.

— Ладно, потом перезвоню, — поспешно завершила вызов я и сняла джезву с огня.

Разлив горячий напиток, поставила две чашки перед парнями.

— Господа больше ничего не желают? — раздраженно поинтересовалась у них.

— Желают. Твоей благосклонности, — хмыкнул брат, делая глоток и с наслаждением прикрывая глаза. — Вот поэтому я люблю, когда кофе варишь ты. Он получается офигенным. Правда вкусный, Макс?

Картер пожал плечами:

— Обычный.

Зря я не добавила в его порцию немного горчицы. Тогда бы точно кофе вышел за рамки нормальности.

— Мог бы просто промолчать. Я пошла, меня не... — я вдруг отметила, что Макс сжимает ручку кружки левой рукой, а правую прячет под столом, хотя точно знаю, что он правша. Странно. — Меня не беспокоить.

И я пошла, ощущая, как в лопатки впиваются невидимые обжигающие холодом стрелы. В комнате я заперлась на ключ и бросилась на еще не застеленную постель. Не хотела ни о чём думать. Особенно о том, что Картер меня невероятно бесит даже самым простым присутствием. Ненавижу!

Ближе к вечеру в комнату постучался отец. Если бы Костика я послала, то главу семейства игнорировать точно не стоит. Пусть у нас и не самые тёплые отношения со дня смерти мамы, но я всё же никогда не отрицала факта его любви ко мне как к дочери.

Открыв дверь, наткнулась взглядом на протянутую коробочку, перевязанную большим желтым бантом.

— С прошедшим, девочка моя!

Владимир Котов был довольно грузным мужчиной в свои сорок семь лет. Некогда русые волосы сейчас выцвели, ясные серые глаза стали блёклыми, а на лице присутствовали явные признаки старости.

— Привет, папа, — улыбнулась я вяло. — Что-то ты припозднился.

Протянула руку и взяла коробочку, после чего взглянула на родителя, в взоре которого было видно разочарование. Очевидно, что реакции он ждал не такой, но и я себя переступить не могу.

— Были дела. Прости.

— Да ничего, — пожалала я плечами. — Я неплохо провела время с подругами.

Отец промолчал, из-за чего в комнате повисла тяжелая пауза, напрягая нас обоих.

— Откроешь? — кивнул он на коробку, которую я теребила в руках.

Честно говоря, не было никакого желания. Я знала, что там очередная дорогая безделушка, купленная на деньги с доходов бизнеса. На те самые деньги, заработанные фирмой построенной на крови дорогого мне человека.

Я посмотрела на отца, но не смогла отказать. Развязала бант, сорвала подарочную упаковку и увидела бархатную коробочку для украшений. Уже усмехнулась, открывая, но моему взору предстал блестящий ключик с известным логотипом.

— Она уже минут тридцать дожидается тебя на улице.

Я подняла взгляд на родителя, не веря собственным ушам.

— Ты даришь мне машину? Мне? После того, что случилось с мамой?

Владимир Котов болезненно улыбнулся, демонстрируя до сих пор незажившие раны.

— Я много об этом думал, Катюша. С тех пор я прикладываю максимум усилий, чтобы обеспечить твою безопасность. А мама...

Он хотел сказать. Я видела, что он очень хотел сказать то, что я жду от него уже много лет, но и в этот раз отец предпочёл промолчать. Да, ему больно. Да, он делает всё, чтобы та история никогда не повторилась. Но это не отменяет того факта, что мамы больше нет. Что её не стало по его вине.

— Спасибо, — равнодушно бросила я, чувствуя, как горло снова сжимается от непролитых слёз. — Это всё? Мне нужно собираться на встречу.

— Да, это всё, — папа бросил на меня долгий задумчивый взгляд и, наконец, ушел оставив наедине с привычным душераздирающим чувством, от коего не было спасения.

Я не любила разговаривать с папой. После таких редких моментов в душе всегда пульсирует болезненной пустотой чёрная дыра, которую мне просто нечем залатать. Посмотрев на ключ, я положила его на комод у двери. Не пойду смотреть. Сейчас мне совсем этого не хочется.

И только я попыталась закрыть дверь, как её толкнули. Костик вновь бесцеремонно вошел внутрь и окинул комнату взглядом.

— Тебе не кажется, что пора сделать ремонт? — завёл он старую пластинку.

Я закатила глаза и сложила руки на груди.

— Мне кажется, нужно сделать уборку. Убрать посторонних из комнаты и будет

идеально, — ответила я, ожидая пока братец скажет, чего пришел.

— Я серьёзно! В этой комнате с момента нашего въезда ничего не менялось.

— Что ты хотел? — нахмурилась я, не желая обсуждать эту тему.

Костик хмыкнул, прошелся по комнате, сцапав розового зайца со стола, подаренного мне им на тринадцать лет, и уселся на стул.

— У нас вечеринка вечером по случаю отъезда. Даник очень просит взять тебя с собой, потому что давненько уже не видел. Соскучился.

— С каких это пор ты нормально относишься к просьбам Дани? — скривилась я припоминая все те разы, когда парень протаскивал меня на их кутёжки.

Костя поднял такие же, как у меня голубые, глаза:

— Ты уже взрослая. Не то, чтобы я за, но решать, идти или нет, тебе.

— Снова шутишь? — скривилась я.

Последний раз, когда он так говорил... Да взять хотя бы сегодняшнее утро! Отзваниваться, если не хочу под домашний арест? Ха!

— Не шучу, — хмыкнул он. — Но да, не совсем честен. Я должен быть уверен, что ты в безопасности.

Они с отцом повернутые на этом. Когда речь заходит обо мне, то отец не жалеет никаких денег. Думаете, под моим окном стоит какая-нибудь пафосная иномарочка? Как бы не так! Я уже знала, что несмотря на знаменитый логотип, машина из класса безопасных. Несомненно новая и начинённая всякими примочками, о которых я и знать ничего не знаю.

А Костик... Костик очень ревностно относится к моей жизни. И дело вовсе не в парнях, он просто, как и я, ранен в самое сердце смертью мамы и почему-то считает своим долгом контролировать мою жизнь, хотя и даёт мне свободу в какой-то степени. Взять хотя бы прошедшую ночь. Для меня очень странно, что он позволил мне отметить свой день рождения как мне вздумается.

— В общем, решай, — снова хмыкнул он.

И всё на этом. Костя поднялся, бросил зайца обратно на стол и уже собирался выходить из моей комнаты, но был остановлен простым вопросом:

— Куда идем-то?

— Кутёжка у Дани будет, — брат взял с комода ключ от подаренной мне машины и улыбнулся. — Вот на ней и поедем, — после чего вышел, не реагируя на мой злой крик о том, чтобы не смел трогать МОЙ автомобиль.

Странное дело, я эту мазду ещё в глаза не видела, а уже ревную. Вздохнула и растрепала волосы, подумав, что нужно собираться. Не в пижаме же идти, в самом деле. Хотя той компании всегда плевать было, как я выгляжу. На меня всё равно не смотрел ни один парень из шайки Костика. Все как сговорились и меня почти не замечали. Вежливые, обходительные, учтивые, но вот чтобы пофлиртовать немного — не-а.

В этот раз я была умнее. Шторы задёрнула перед тем, как пойти в душ, после чего свободно разгуливала голышом по собственной комнате, будучи уверенной, что обладатель ледяного взгляда не высмеивает мой внешний вид и фигуру, которую даже я считаю далёкой от идеала. Натёрлась любимым лосьёном и оделась в... Нет, не в платье. После вчерашнего, платья вызывали у меня чёткую ассоциацию с незащищённостью и доступностью.

До дома Дани было примерно двадцать минут езды и все это время Костя буквально проел мне плешь на причёске. Еще пару месяцев назад я думала, что самое страшное — это два урока математики подряд, но теперь поняла: с инструктажем по вождению от брата

ничего не сравнится.

— Нажимать надо не сильно, но и не слабо. Легко, хорошо? Это тебе не велосипед, чтобы со всей дури... — продолжал повторять уже сотый раз одно и тоже Костя, без особого труда управляя моим подарком. Я сидела, крепко пристегнутая к переднему сиденью, и могла только наблюдать за тем, как МОЮ машину водят, а меня учат, словно первоклассницу, складывать один и один. — Тут лево, видишь? А вот тут право. А так ты включаешь поворотники. Центральная кнопка может бибикать. Просто так нажимать не рекомендую — раздаётся очень противный звук.

— Кость, я тебя придушу исключительно из-за большой любви к образовательной системе, — простонала я. — Хватит, я все помню! И представляешь, даже знаю, где лево, где право, и как просигналить!

— По покрашенным глазкам вижу: ты еще не до конца усвоила искусство вождения. А я пить собираюсь, причем отнюдь не баночку кваса, так что должен удостовериться: мое тело будет в целости и сохранности доставлено домой. Желательно в живом состоянии, — и брат продолжил сеанс экзекуции.

Я взвыла. Где можно купить пару литров качественного яда? Мне срочно надо!

Собираясь на вечеринку, я забыла про одну маленькую деталь, вольготно устроившуюся на одном из кресел в гостиной большого дома. Хотя, его едва ли назовешь маленьким — рост под метр девяносто и тело с развитой мускулатурой и широкими плечами, за которыми можно спрятаться от проблем... Тамиловой, например. Чем она и занималась: все пыталась залезть на Картера, как Тарзан на любимую пальму, забраться на шею и свесить ножки, тем самым отмечая свою победу. Отвратительное зрелище, правда. Настолько мерзкое, что мне захотелось развернуться и уйти.

Но мне ведь плевать? Плевать. Детские чувства отгорели свое и остались где-то там, в далеком прошлом.

Потому я улыбнулась и, не обращая внимания на Макса и его Тарзана (если честно, я уже не могла припомнить ее настоящее имя), направилась к друзьям Костики.

— О, Малая, — увидев меня, махнул на место рядом с собой Даня. — Иди к нам, мы как раз вспоминали тебя.

Удивленно приподняла бровь. Они меня вспоминали? Только не говорите, что...

— Как быстро проходит время, а ведь еще как будто бы вчера мы вместе гоняли в баскетбол, — беззлобно ухмыляясь, продолжил Даня.

— Прыгали через забор, — добавил Рома. — Хотя нет, стой, прыгала только ты. И почему, интересно?

— А как еще волшеббно кукарекала! До сих пор песней звучит в моих ушах... — Саня весело рассмеялся.

— Ну ничего, я обновлю твой плейлист, Саш, — щедро пообещала я. — Вашей же преждевременной панихидой!

— Чьи похороны празднуем? — к нам присоединился Костя, от которого я сбежала раньше, чем он начал учить меня еще и парковаться.

— Их, — я беззастенчиво показала на парней пальцем. — Бедненькие, жизнь совсем уже невмочь. Память подводит, чувство самосохранения барахлит, почки...

— Эй, почки-то не трожь, — Даня любовно оглядел нескромные запасы водки, виски и коньяка, выложенные на широком столе. — Ну что, мужики, все в сборе? Можем начинать?

— Я не мужик, — напомнила я.

— Не придирайся к словам. И вообще, Малая, ты давно уже свой в доску парень.

— Ну, спасибо! — я попыталась соорудить серьезное лицо, но улыбка то и дело мешала. — Значит, и мне можно с вами курить кальян?

И знаете, что мне ответили? Тупо послали на пять букв! То есть на кухню за соком и чем-нибудь вкусным и полезным. А брат насмешливо добавил, что курить мне можно, но через трубочку горячий чай.

Пожав плечами, я направилась в кухонную зону. Есть действительно хотелось. Но едва переступила порог помещения, замерла, сделала невольный шаг назад, но взгляда от крепкой спины и сильных пальцев, что держали сигарету, от которой исходил тонкая струйка густого дыма, отвести не смогла. Сигаретный дым, лёд и горечь. Вот он, запах моей первой любви и первой ненависти.

Макс Картер. Снова он. Мне начинает казаться, что жизнь жестко издевается надо мной, каждый раз сталкивая нас. Эй, Вселенная, хватит! Мы с ним частицы разных миров, одноименные заряды, планеты с разными орбитами.

— Что за дебильская привычка ходить за мной по пятам, Кэти? — он все также смотрел в открытое окно. — Не надоело? Я думал, что ты выросла из той... чепухи.

Ненавижу. Как же я его ненавижу! Только он может убивать одним лишь словом и разбивать на осколки ледяным презрением, что плескалось в его голубых глазах.

— Интересно, — я взяла эмоции под контроль, вошла в помещение и даже открыла холодильник, — а давно у тебя мания величия? Картер, милый, кухня в доме Дани — не твое личное пространство, так что не удивляйся, если в следующий раз сюда придет кто-то другой. Может, даже сам Даня. И его будешь обвинять в преследовании?

Макс не ответил. Всё так же неспешно затянулся и выдохнул в оконный проем густую струю дыма. Мне показалось, он вообще потерял интерес к моей персоне, поэтому я, особо не разглядывая, достала пакет какого-то сока из холодильника, после чего закрыла дверцу и вздрогнула, услышав:

— Даня не признавался мне в любви всякий раз, когда ему выпадала возможность поговорить.

Я зло сощурилась, но так и не посмотрела на Картера. Со стуком поставила тетрапак и полезла в шкафчик, чтобы достать стакан, но тот, как назло, оказался слишком глубоко в недрах мебельного изделия, чтобы я могла вытащить посуду без помощи табуретки. Только я всё равно потянулась, надеясь, что выйдет. Наверное, из чистого упрямства.

— Я была маленькой, глупой и слепой, — выдохнула зло, едва касаясь проклятого стакана кончиками пальцев. — Тебя ведь не за что любить. Холодный, как лягушка, и чёрствый, как сухарь, и...

— Чёрствый? — ровным тоном переспросил Макс.

— А ещё злой, — почему-то не унималась я.

Внезапно ощутила парня за своей спиной. Он буквально окутал крохотное пространство сигаретным дымом и давящей аурой. Мгновенно покрылась ненавистными мурашками, когда его дыхание коснулось затылка, а сильная рука вытянулась вдоль моей. Но в отличии от меня, Картер свободно достал стакан, совершенно меня не касаясь. Он протянул его мне, когда я резко развернулась и испуганно вжалась в столешницу кухонного гарнитура.

Сердце в этот миг колотилось, как сумасшедшее, разгоняя кровь по венам и сбивая дыхание.

— Разве я причинял тебе зло, Кэти?

Картер смотрел прямо, не скрывая своего равнодушия. Я знала, что ему плевать, что отвечу и отвечу ли вообще.

— Да ладно, — хмыкнула я, стараясь выказать то же равнодушие. — Мы оба знаем, что сын дьявола... — припомнила я данную ему в детстве кличку, — не может быть добряком.

Выхватив из его пальцев стакан снова развернулась, демонстративно забыв о существовании Картера. И пока наливала сок в добытую парнем посуду, прекрасно чувствовала, как впиваются в кожу ледяные стрелы, а по плечам ползёт знакомая изморозь.

Мир внезапно сжался до точки, в которой не было ничего, кроме данного отрывка времени и взгляда в спину, заставляющего чувствовать себя как под микроскопом. Что происходило в эти секунды? Отчего возникло чувство, что я хожу по острию лезвия? Будто ещё миг и...

Руки Макса легли по обе стороны от меня, преграждая путь, и я заметила, что на правой были сбиты костяшки.

— Ты же помнишь о предупреждении? — прошептал в затылок, отчего у меня волосы на голове зашевелились. — Аккуратно со словами.

Я не ответила. Не смогла и слова выдавить из сдавленного спазмом горла. Только когда Картер ушёл из кухни, спокойно выдохнула. Что это было вообще?

Да, он предупреждал. Его бесило, что я хожу за ним по пятам. Бесило, что я постоянно признаюсь в своих наивных детских симпатиях. Бесило, когда говорила, что сейчас он может и артачиться, но рано или поздно я добьюсь своего.

Каждое моё признание он сопровождал своей ледяной иронией, высмеивал, разбивал моё сердце. Делал все, чтобы я раз и навсегда прекратила. И только в последний раз, год назад, когда мы поехали на озеро, он предупредил, что его терпение на исходе. Сказал, что не может больше слушать, и что мне следует прекратить сталкерство, если я не хочу, чтобы он разрушил моё счастливое и беззаботное детство.

Это была не первая ступенька моей ненависти к Картеру. Это были далеко не первые слезы. Но именно тот разговор окончательно растоптал мои чувства и заставил гореть ненавистью из-за нарушенных обещаний. Ведь мама просила не плакать, когда больно...

Когда я вернулась в зал, ребята уже ударили по крепким напиткам. Народу было достаточно много, чтобы легко затеряться в толпе, чем я воспользовалась. К компании Кости несомненно присоединится Макс, а его видеть я не желала.

К слову, его личного Тарзана я тоже не жаждала встретить, но не судьба: мы столкнулись в коридоре, ведущем на второй этаж.

— Привет, Катя, — от ее приторной улыбки у неподготовленного человека мог бы развиваться диабет. — Тебе что, плохо? Неудивительно. Всегда считала, что случайные связи и дешевая выпивка ни к чему хорошему не приводят.

— Привет... прости, не помню имя, — я в ответ широко оскалилась. — У меня встречный вопрос, дорогая: с каких пор ты перестала быть ручной собачкой Картера?

Оглянулась по сторонам, словно ища крупную фигуру парня. Я-то знала, что он чисто физически не мог находиться в этой половине дома.

— Хм... далеко отошла. Ошейник не жмет? — красноречиво посмотрела на ее чокер, стилизованный как раз под подобие ошейника.

— Да как ты!.. — она зло на меня посмотрела, перебирая свой скудный словарный

запас, чтобы составить достойный ответ. Судя по ее лицу в данный момент, мыслительный процесс для нее непосильный труд.

— Я могу. К тому же, мои слова — чистейшая правда и их подтвердит каждый на вечеринке. А какие доказательства у тебя? Тебе думать и предполагать надо просто запретить законом.

Она отчего-то молчала, зло прищурилась карие глаза. Странные... Мутные, что ли? Но в целом мне плевать. Тарзан оскорбила меня — я ответила тем же. На этом можно попрощаться.

— В общем, пока. И займись лучше делом. Например, подкрась корни на своем "натуральном блонде", — я одарила Тамилу еще одной милейшей улыбкой и прошла мимо нее, к лестнице.

Поднималась я достаточно неторопливо, потому отчетливо расслышала то, что она прошипела мне вслед:

— Ты еще расплатишься за все, сучка.

Если она думала, что ее фраза прозвучала грозно и многообещающе, то разочарую: отнюдь, дешево, глупо и несуразно.

Уже рассветало. Красно-жёлтые лучи разукрашивали горизонт в розовый, смешивались с ночной синевой и золотили полупрозрачные облака. Августовские рассветы, мне кажется, самые красивые. В них есть какая-то прелесть, хотя печали больше — совсем скоро осень, тучи, дожди и учеба с работой.

Я перевела взгляд на экран телефона — с "подожди меня в машине, я буду через секунду" Кости прошло целых двадцать минут! А в секундах целых тысяча двести. Он же не начал пить по второму кругу, да?

И когда я уже собиралась выйти, чтобы пойти на поиски пропажи, распахнулась калитка и... Костик был не один. Опять чертов Картер! И судя по тому, что они вместе направлялись к моему авто, брат предложил его подвезти. Шаг, следующий, другой, и парни уже совсем рядом.

— Довезешь нас, красавица? — брат бесцеремонно открыл переднюю дверцу моей красной малышки.

Нет, нет, нет!

— Если пообещаешь не портить мне салон, — мрачно ответила я, устраиваясь удобнее на месте водителя.

— Не, все под контролем, я уже почти трезв, — ухмыльнулся Костя и обратился к Картеру: — Макс, чего стоишь как неродной?

Парень кинул мимолетный взгляд на меня, затем обвел мою мазду и недовольно спросил:

— Она будет за рулем?

— Нет, блин, я сяду после бутылки рома!

— Я лучше пешком пройду, — и это таким тоном, будто подвозить его — великая честь, которая холопам недоступна. Хотя... Пусть так и будет! Мне же лучше.

— Костик, быстрее давай, иначе я одна уеду, — раздраженно вклинилась в их беседу.

— Может, Малая лучше тебя водит, — отмахнулся Костик, сядя на переднее сидение. — Залезай, поедем с ветерком!

Его холодные глаза на секунду встретились с моими, и он, сжав челюсти, отчего его скулы стали еще более заметными, чем обычно, забрался в машину.

— Пристегнуться не забудь, — напомнил брат.

Закатив глаза, застегнула ремень и, наконец, завела автомобиль. Выехать получилось хорошо — плавно, аккуратно...

А затем рывок, и машина остановилась. Я, прикусив губу от волнения, снова двинулась вперед, но получилось лишь на пару метров, а затем снова вынужденная остановка.

— Твою ж налево... — простонал Костя, наблюдая за моими потугами. — Катя, мягко нажимай на газ, поняла? И не убирай ногу. Удерживай в одном положении.

— Хорошо... — я сделала, как велел брат, но проехала лишь полсотни метров — до поворота. К счастью, дорога была пустой — три часа ночи все же.

— И это лучше меня? — с холодной иронией в голосе спросил Макс, откинувшись на спинке кресла и посматривая на меня с бесцветной насмешкой.

Я же отлично сдала практику, я же сдала экзамены сама, но почему сейчас я так нервничаю?! Из меня, будто из бутылки с пробитым дном, вытекают все знания, а голову заполняет волнение, злость и стыд.

— Ну... Катя действительно водит лучше тебя в младенческом возрасте, — нашелся Костя и принялся инструктировать: — Малая, не бойся на газ нажимать. Давай, правую ножку поставь, а левую... Ага, верно. Сцепление, ага... Черт!

И мы снова остановились посреди дороги.

— Ну, в целом жить можно, — сделал оптимистичный вывод Костик. — Через полгода доедем. Неплохо же? Как раз к новогодним каникулам и пропустив сессию.

Я сжала руль и зубы, уже просто полыхая от стыда. В салоне на миг установилась тишина. Парни напряженно следили за новой попыткой завести машину и тронуться с места, и когда я уже поворачивала ключ в зажигании, смартфон Костика затрещал знакомой мелодией.

— Алло? — он положил ладонь на руль, чтобы я не смела заводить машину, пришлось выдохнуть и откинуться на спинку сидения.

Этот разговор мог надолго затянуться, ведь Костик известный любитель потрепаться.

— Куда? Нет, я могу. Ты только не истери, слышишь? Мы во всем разберёмся, — его голос был успокаивающим. Я даже удивилась, ведь братец ни с кем, кроме меня так не разговаривал. — Всё. Я скоро буду.

Он сбросил вызов и хмуро посмотрел на руль.

— Так. Дальше вы без меня. Такими темпами домой мы попадём только к утру.

— Что случилось?

— Помощь нужна? — ровным тоном задал вопрос пассажир на заднем сидении.

Костик развернулся и посмотрел на Макса, чего я не могла себе позволить, поэтому внимательно слушала.

— Нужна, братух. Малую научи водить. Ну, или возьмите такси и езжайте домой, если боишься с ней ехать, — в этот момент, в его голосе я услышала насмешку. — Я пошел, отсюда недалеко.

— Может, за руль сесть?

После этого вопроса я обернулась и с укором взглянула на парня:

— Ты тоже пил!

— А ты всё видела! — беззлобно подколол Костик. И тут же обратился к Картеру. — И она права. Не надо рисковать.

Парень хмыкнул, но ничего не ответил. И да, нам с Костей прекрасно было известно, что если Макс сядет за руль, то домчит с ветерком, поскольку он любитель экстремального вождения.

— Ну всё, дети мои. Я помчал, — брат потрепал меня по голове и усмехнулся, когда я фыркнула, после чего открыл дверь и вышел, уступая место Картеру, несмотря на моё требование оставить его там, где он сидит. Я даже попыталась дверцу захлопнуть, но ледяной взгляд и вздёрнутая бровь меня быстро отрезвили, вызывая желание позвонить в службу такси.

Тоскливо поглядев в спину уходящему брату в зеркало заднего вида, я вздохнула.

— Я не буду тебя высмеивать, Малая, — неожиданно заявил Картер. — Если ты не будешь лезть мне под кожу.

— Еще скажи, что я тебя затащила в машину, — прошипела я, сжимая руль до легкой боли в пальцах. Ненавижу. Как я его ненавижу... — Я же сказала, что все в прошлом. Забыли. Ничего не было.

— М? — Макс резко развернулся и уставился на меня, продолжая поражать своим безразличием.

Как вообще можно разговаривать с человеком и одновременно заставлять его чувствовать себя пустым местом? У Картера всегда это хорошо получалось. Нет, я ещё помню времена, когда на фразу “Ты будешь моим мужем!” он отвечал улыбкой. Яркой, лучезарной, от которой внутри начинало светить солнце. Я помню времена, когда на робкий поцелуй в щёку он смеялся и щёлкал меня по носу. Сколько лет с тех пор прошло? Пять? Семь?

А сейчас он смотрит так, будто меня нет. Смотрит в пустоту.

— Проехали, — ответила, проворачивая ключ зажигания.

— Не нервничай, — хмыкнул он. — Ногу на газ, взгляд на дорогу. Иначе домой мы сегодня не попадём.

Ну и кто кому под кожу лезет?!

На удивление, дальше я поехала хоть и медленно, но без остановок. Почти. Мотор всё же глох пару раз, но Макс никак не комментировал происходящее. Временами я чувствовала его взгляд на себе. Мне хотелось повернуться и спросить, в чём дело, но на это я решилась только едва мы уже въехали в частный сектор.

— Что?

— Взгляд на дорогу, — холодно потребовал он.

И я в общем-то понимала, что даже возразить не могу. Водитель из меня так себе, а если ещё и отвлекаться на всяких...

— Дыру во мне просверлишь, Картер, — хмуро упрекнула я, продолжая сжимать руль.

Надо ли говорить, что этот невозможный человек никак не отреагировал? Мне пришлось терпеть странную пытку его взглядом, ощущая, как холодные мурашки толпами бегают по коже.

Когда мы наконец доехали до нашей улицы, а я заглушила мотор, то ещё какое-то время не могла двинуться с места. Не то чтобы я хотела оставаться с Картером наедине, скорее, мне не очень нравилось то, что в главном зале горит свет. Отец был дома, что не могло меня радовать. Сталкиваться с ним сейчас и портить и без того не очень хорошее настроение? Ну

нет!

— И чего ты ждёшь?

Спрашивает? Я удивлённо обернулась и демонстративно посмотрела на дверную ручку.

— Выметайся! Я тебя привезла? На этом могу сказать: спокойной ночи, сын дьявола!

В машине установилась тишина, которую можно было ножом резать. В смысле, она была тяжёлой, твёрдой и густой.

Картер сунул руку в карман и достал оттуда пачку сигарет, после чего нажал на кнопку стеклоподъёмника и...

— Не смей курить в моей машине!

Парень усмехнулся. Усмехнулся так, что я замерла, потому что слишком давно не видела его наглой улыбки.

— Вышвырнешь меня? — спросил провокационно, щёлкнув латунной крышкой.

И щелчок этот...

Зажигалка не была простой. Металлическая зиппо с какими-то черепами, цветами, цветными камушками. Определённо дорогая. Хотя о чём я? Это же Картер. Он дешёвку таскать не будет. И все мои подарки, сделанные вручную, просто выбрасывал, ссылаясь на дешёвизну и кривость.

— Дай, — я протянула ладонь, глядя на гладкую железку в его руке.

Макс вздёрнул бровь, но протянул требуемый предмет и с холодным интересом проследил за тем, как я осторожно, словно сама боясь того, что делаю, открываю зажигалку, прокручиваю кресало, высекая искры и... со знакомым щелчком опускаю латунную крышку.

Сердце колотилось где-то в горле. Я понимала, что это бредовая мысль. Идиотская. Но отчего-то мне и самой хотелось в неё верить.

Я не помню, чтобы Дамир курил. За весь вечер, пока мы пили коктейли, он не выкурил ни одной сигареты...

— Малая, тебе пора домой, — Картер выхватил зажигалку из моих рук.

Заглянула в его равнодушные глаза и тряхнула головой. Макс не мог быть там, он не мог со мной... А если бы и он... Разве не отправил бы меня в больницу, найдя в таком состоянии? Разве не сделал бы всё, чтобы высмеять, сообщить Костику и сплавить? Это же Картер! Ему в одной машине-то находится со мной наверняка неприятно! Да и мало ли похожих зажигалок. Я не уверена, что это именно тот щелчок.

— И тебе тоже пора, — я отвернулась к окну. — Не лезть под кожу, помнишь? Уходи.

— Без проблем, — спокойно отозвался парень и, открыв дверцу, выскользнул из машины.

Но он не был бы Максом, если бы действительно ушел, выполнив мою просьбу. Нет, он всегда поступал наоборот. Назло мне, чтобы досадить, сделать больно и высмеять мою слабость. И сейчас Картер отошел от авто не дальше, чем на три шага, и зажег сигарету. Я даже через стекла слышала запах дыма — табак и горечь.

Запах... А чем пах Дамир? Разве тонким ароматом сожженного табака?..

Черт.

Почему я ищу причины, чтобы выдать Дамира за Макса?!

— Ненавижу! — прошипела я скорее себе, чем ему — он просто не расслышит в любом случае, и забрав телефон, покинула салон своей мазды. Мои мысли ни к чему хорошему не приведут. Надо забыть тот день, очистить память от провального дня рождения и сделать

вид, что ничего не произошло.

В дом заходила с расправленной до боли спиной. Я знала, что он стоит и смотрит мне вслед, выпуская очередную порцию сизого дыма. Однако его внимание вызвано отнюдь не из-за того, что хочется, а потому что несет ответственность за меня и должен удостовериться: я зайду домой, а не наделаю глупостей. Так бывало не раз, и когда-то я считала это признаком его внимания ко мне и радовалась. Как наивная дурочка.

Глава 3

Я проснулась в обед от настойчивого звонка. Смартфон не затыкался минуты две — все звучал противный, режущий слух после многочасовой тишины, рингтон. А телефон, который обычно всегда лежал на тумбочке, моя ладонь никак не могла отыскать и сбросить вызов.

Боже, это уже самая настоящая пытка! Инквизиция и то была гуманнее.

Гаджет в итоге нашелся под моей подушкой, и я, еле разлепив глаза, нажала на зеленую кнопку, принимая звонок.

— Да? — хриплым голосом отозвалась я.

— Привет, почти студентка! — возвестила радостно Ксения в трубку. — Ну как, готова?

— К чему? — пытаюсь вернуть себе ясность мыслей, потеряла нюющие виски.

— К вечеринке, блин. Конечно, к отъезду и институту, Кать. Ты что, спала?!

— Угу.

— Та-а-ак... Только не говори, что и о встрече забыла, — предупредила подруга.

— О встрече? — удивилась я.

— Шикарно! — простонала Ксения. — Просто волшебно! И сидели бы мы с девчонками и ждали, как Хатико, пока ты с подушкой дальше обжималась!

Черт! Я же сама предложила сходить по магазинам напоследок и наесться пиццы в любимом кафе. Ведь потом возможности собраться компанией в родном городе не предоставится раньше зимних каникул.

— Прости. Совсем замаялась — столько всего на меня навалилось...

— Знаю я твою проблему, — невесело усмехнулась подруга. — И зовут ее...

— Не смей.

— Окей. Собирайся. Опоздаешь — я тебя... Хм... Потом придумаю, что сделаю.

После разговора с Ксюшей я еще несколько минут просидела на кровати, пытаюсь проснуться до конца и собраться с мыслями.

И эти мысли пока были не самыми утешительными. Завтра отъезд, а я даже вещи не собрала. То мой день рождения, то приглашение Дани, то Картер. Последний снова появился, и моя жизнь превратилась в хаос. Макс будто бомба. Взрыв, который вроде как не должен меня коснуться, но я все равно чувствую себя беззащитной. Уязвимой. Слабой.

Собиралась я в экстренном режиме, чтобы успеть на автобус. Ехать на машине после вчерашнего не очень-то желала, а такси вызывать ради трех остановок не имело смысла — торговый центр, в котором мы договаривались встретиться с девчонками, был недалеко от меня.

— Куда идем? — Костик лежал, развалившись на диване в гостиной, и что-то смотрел на ноутбуке. Отвратительно бодрый и, как всегда, в хорошем настроении. Нет, ну как так? Будто не пил всю ночь, а прилежно спал и видел десятый сон, вместо десятой рюмки рома.

— Туда, куда ты за мной не потащишься, — мрачно ответила я.

— Спорим, пойду, если захочу? — усмехнулся он. — Но мне пока лень. Так куда ты?

— С подругами гулять, — понимая, что он не отстанет, пока не скажу, буркнула я.

— Где? Только с подругами?

— В пиццерию, только с подругами! Все?!

— Мое благословение с тобой, Малая. Топаи, — не отрываясь от экрана ноутбука, произнес брат. Я, раздраженно выдохнув, уже дошла до прихожей, когда в спину раздалось:

— Катька,хвати мне большую пепперони на обратном пути.

От подобной наглости я вообще опешила и замерла на несколько секунд, держа в руках неодетый кроссовок.

— Только на тонком тесте! — дополнил заказ Костя.

Мстительно подумала, что принесу. Обязательно принесу ему пиццу! С ананасом и на пышном тесте, зато с любовью от курьерской компании "Сестра, общественный транспорт, плохое настроение".

— Итак, рассказывайте! — первым делом потребовала Оля, едва мы все сели за наш любимый угловой столик. Здесь можно было спрятаться от шума и болтать, сколько угодно, не боясь быть услышанным остальными посетителями.

— О чем? — я притянула к себе меню поближе, чтобы выбрать напиток.

— О том дне, — немного понизив голос, сказала Оля. — Я слышала в новостях про Дамира. И не кажется ли вам это все странным?

— Очень даже кажется, — нахмурилась Нэля. — Особенно то, что Дамира покалечили сильнее всех. Что он сделал?

— Он ушел с Катей танцевать, а потом... — протянула Света задумчиво. — А что потом?

— Я не знаю. — Сглотнула возникший ком в горле, сжимая похолодевшими пальцами планшетку с перечнем блюд. — Он куда-то отошел.

Нэля вопросительно выгнула бровь.

— Мы все пили те коктейли. Что было с тобой?

Я никогда не буду вспоминать то, что произошло. Это мерзко и отвратительно. Ничего просто не было. Все.

— Он отошел и не вернулся, — я ведь почти не лгу. Дамир ведь действительно оставил меня на некоторое время, но про то, что он после вернулся, им знать необязательно. — Я искала вас, но не нашла, поэтому вызвала такси и поехала домой.

— Понятно, — прикусив губу, кивнула Нэля.

— Понятно то, что ничего не понятно, — добавила Маса. — И знаете, что я заметила?

— Что? — Оля даже вперед подалась.

— Больше новостей про Дамира нет, хотя его отец публичная личность. Дело словно... замяли.

— Никаких интервью и замусоливания темы в прессе? — удивилась Ксения. Она очень интересовалась журналистикой и понимала, насколько глупо закрывать тему, не раскрыв ее и не получив выгоду. — Малахова на них нет!

— Упаси боже! — хохотнула Оля.

Я тоже улыбнулась, но разумно предположила, что так даже лучше.

— Пускай и странно, но хорошо, что копать никто не собирается. Вдруг всплыли бы и наши имена? Я лично не хочу подобной популярности, — я на миг представила, что бы могло произойти, узнай кто о том вечере, и ужаснулась. — Ладно, все, давайте уже о чем-нибудь другом поговорим?

Мы отлично провели время. Сначала поели, а затем прошлись по магазинам, примеряя разные вещи и дурачась. Как всегда. Но мы выросли, поступили в разные места на разные

специальности и лишь Нэля осталась в родном городке. Не захотела уйти. А я же чувствовала потребность вырваться отсюда в большой город и начать дышать свободно, потому что в своем уже не могла — везде воспоминания, которые душат меня. Мама, Картер, детство, юность и глупые ошибки.

Мы с девчонками стали взрослыми. И сегодня, наверное, последний раз мы так отрывались. Потом уже точно будет по-другому.

Когда я, купив пиццу для Костика, направилась домой, мне вдруг показалось, что в одном из кафе, мимо которого проезжал автобус, я разглядела Тамилову и тощий силуэт Жени Петровичева, спрятанный в его привычную мешковатую одежду.

Странно. Они ведь не могут знать друг друга. Значит, мне привиделось. Мало ли похожих людей?

Отгнав нелепые мысли прочь, начала в уме составлять список того, что мне понадобится в Москве. Тетради и ручки куплю уже там, а вот остальные мелочи стоит прикупить здесь — чтобы потом не бегать в поисках по магазинам.

Костя терпеливо и даже не став обедать, ждал меня и пиццу. Я выложила на стол две коробки. Сверху была именно экзотическая пицца с непонятным соусом поверх ингредиентов. Мило улыбнувшись, произнесла:

— Вот. Вкусно, полезно... и съедобно, наверное.

Он обвел взглядом достаточно популярное блюдо, взял один из треугольничков и, откусив внушительный кусок, пожал плечами:

— Я сейчас и бегемота с крокодилом съем, а тут всего-то ананас с курицей. Спасибо, Малая.

Мне стало немного совестно. Я повернулась, чтобы направиться в свою комнату, и бросила через плечо:

— Вторую коробку открой. И ешь нормально. Чай, что ли, поставь.

В спальне поставила телефон на зарядку и принялась за дело.

Достав дорожную сумку и открыв дверцы шкафа, я напряженно размышляла о том, сколько вещей нужно взять с собой на несколько дней. Несколько, потому что после обустройства в общежитии планировала вернуться и дозабрать всё необходимое. К тому же, проводить первые выходные в общежитии я не хотела. Говорят, в это время у студентов самые отвязные вечеринки, а после дня рождения... Боюсь, я ещё долго не захочу употреблять алкоголь. Тем более, в кругу незнакомых людей.

Бросив несколько пар джинс, футболок, нижнее бельё и пару кофт, с сомнением посмотрела на скромное платье с юбкой чуть выше колена. Оно мне нравилось. С ним было связано одно из приятных воспоминаний, которое я часто душила в зародыше, дабы не позволять поднимать голову тоске. Взяв в руки тёмно-синюю мягкую ткань, я со странной смесью чувств всё же положила её в сумку. Вряд ли одену, но... пусть будет.

Пройдясь по комнате, собрала все свои гигиенические принадлежности, которые использую ежедневно, и обратила внимание на лежащий на туалетном столике белый платок с чёрными разводами от туши. Взгляд тут же скользнул на ручку ящика, и я, закусив губу, его открыла, чтобы вытащить аккуратную коробку с изображением розового зайца на крышке. Пальцы сами открыли. Не я, нет. Я вообще оставалась безучастной к этому поступку. Клянусь, они сами...

Четырнадцать белых платков лежали, аккуратно сложенные, в ряд. Четырнадцать свидетелей моему нарушенному обещанию. Четырнадцать фактов, доказывающих мою

слабость. А теперь ещё и пятнадцатый!

Я зло засунула новый платок в коробку и закрыла её, надеясь, что вместе с ними закрою и воспоминания. Забуду! Вырву из груди! Но буду помнить о том, какой дурой могу быть, когда он рядом! Никогда и ни за что не дам ему повода протянуть мне новую тряпку!

Швырнула коробку в сумку и принялась дальше собираться. Но уже быстро, потому что была зла. Зла на саму себя, за то, что снова, как наивное дитя, поддаюсь чувствам и теряю контроль.

Когда вещи были собраны, а нервы успокоены, я отправилась на кухню за порцией кофе, но заметив пару дорогих туфель на пороге, притормозила, пытаясь понять, кто к нам в гости пришёл.

— Какие у них варианты против семьи? — прозвучал насмешливо голос Костика. — При всем желании не раскопают.

Затаив дыхание, я ждала ответ от его собеседника, уже догадываясь, кто он. Подобные фразы из уст парней звучали нередко. И у меня никогда не было желания вникать в их суть. После примечательного разговора с братом несколько лет назад я сделала вывод, что есть вещи, которые мне не следует знать.

— Они напрягают Заславского, — равнодушно произнёс Картер. — Тот в свою очередь трясёт наших. Если и дальше будет, придётся успокоить.

— Зря ты, конечно, тогда так...

— Что я слышу? Не за тобой ли два месяца назад заминали какого-то доходягу? — хмыкнул Макс.

Я осторожно подобралась поближе к дверному проёму и замерла возле комода, уставленного всякими безделушками.

— Ну то я. Ты же обычно не следишь так жёстко. А тут подставился как зелёный...

— Может, завяжешь уже?

Костик рассмеялся.

— Слушай, тебе не кажется, что надо чуть эмоциональнее быть, а не впадать в одну из крайностей?

— Ты о чем?

— Не слышал? — снова хохотнул брат. — Поговаривают, у тебя где-то тумблер спрятан. Он ответственен за два режима: пофигист и псих. И помня, каков ты во втором, не хочется провоцировать.

— Можно подумать, тебе удастся, — всё так же ровно ответил Макс.

А я припомнила только один раз, когда он психанул. И да, то воспоминание являлось не самым приятным в моей жизни. А всё потому, что ушла с одноклассницей и её братом на речку на весь день и никому ничего не сказала.

Мне было тринадцать.

Я помню, как стояла тогда мокрая на берегу в закрытом купальнике, а Макс лупил мальчишку и никак не реагировал на крики. Даже Костик его не останавливал. Брат тогда хмуро на меня посмотрел и сказал, что это моя вина.

— Я знаю волшебное слово, — вырвал меня из воспоминаний голос Кости.

— Только попробуй. Отправлю к Заславскому.

Ржать братец прекратил, но разговор не закончился:

— Да дался тебе этот мажор...

— Я не делаю ничего просто так. Он вконец зарвался.

Я вздрогнула, услышав неприкрытую злобу в его ледяном голосе, и случайно задела комод, который пошатнулся. Безделушки, баночки, пузырьки на нём задрожали и зазвенели.

— О-о-о, — протянул Костя. — Партизаны в городе. А ну выходи, Малая, или я тебя щас сам за твои большие уши вытащу.

Состряпав невозмутимое выражение на лице, я зашла на кухню и, не глядя на парней, направилась к кухонному гарнитуру.

Врать. Я сейчас точно буду врать.

— Я не слушала, — говорю, держа ровной спину, по которой как бешеные помчались холодные мурашки. — Вы просто слишком громко разговариваете.

Ополоснула джезву и набрала в неё холодной воды, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Нервы ни к чёрту. Бросила в ёмкость ложку молотого кофе и поставила на плиту, после чего повернулась и посмотрела Макс у в глаза, давая понять, что мне не нравится его пристальное внимание.

Единственной реакцией был дрогнувший уголок губ и насмешливое:

— Привет, Кэти.

— Виделись, — хмыкнула я, сложив руки на груди. Посмотрела на странно улыбающегося Костика и вздёрнула бровь. — О чём секретничаете?

— О нелёгкой судьбе твоего брата, тяжкой доле и диком желании испить фирменного кофе от заведения “Любимая сестрёнка”.

— Телефон принести? Сейчас закажем, — улыбнулась я. — И от сестрёнки, и от братика.

Костя снова попытался состряпать умильную моську, но видя, что я начинаю над ним ржать, прекратил неблагодарное дело. Это ещё, когда мы с ним наедине, ему проще, а вот в присутствии Макса или ещё кого, братец чувствует себя не столь свободно в подобных действиях. К тому же Картер смотрел на него как на идиота.

— Кофе? — поинтересовался он у Макса.

И тот нагло кивнул! И это после того, как заявил, что кофе у меня обычный! Вот... мерзавец!

— Да идите вы, — буркнула, отворачиваясь к плите. — Нашли бесплатного бариста... И курьера, и шофера.

Но вопреки своему же недовольству, я разлила из турки кофе на две чашки. Убедившись, что Костик заговаривает зубы гостю, взяла третью и молча насыпала в неё тот кофе, что пьёт по утрам отец, залила кипятком, насыпала сахар...

— Приятного! — поставила кружки перед парнями и уставилась на Картера. Костик с наслаждением отхлебнул свой, а вот гость, сделав первый глоток, прищурился.

— На этот раз получше? — с долей здорового ехидства спросила я. — Раз уж тебе весь кофе обычный, — взяла в руки свою чашку и с удовольствием сюрпнула горьковатый напиток, — я решила не париться.

— Растворимый? Малая, ты жестишь, — хохотнул брат, хлопнув своего друга по плечу. — Такое удовольствие парню испортила.

— Сам виноват.

— Не чувствую разницы, — в свою очередь заявил тот, вызывая непреодолимое желание перевернуть кружку с кипятком ему на голову.

Фыркнула и направилась в зал, чтобы расслабиться на диване и посмотреть телевизор.

По первому же каналу шли новости, на которых я зависла, вспомнив разговор с девочками. И действительно, ни слова о Дамире. Будто не было ничего. Будто каждый день сыновей депутатов избивают до состояния глубокой комы.

Я переключила на другие новости, но неожиданно рядом со мной плюхнулся Костик с коробкой в руках, из-за чего я чуть не разлила кофе, а с другой стороны сел Макс. Он выхватил пульт у меня из рук и включил фильм с Одри Хэпберн. Такие ленты часто крутят по специальным каналам. Однако я выбор парня одобрила, потому что очень люблю старые кинокартины.

Братец протянул кусок пиццы с пепперони и откинулся на спинку дивана. Я же чувствовала себя не очень уютно. Кажется, в последний раз мы все вместе смотрели кино года два назад. И это был какой-то ужастик, из-за которого я всё время жалась то к брату, то к Картеру.

— Серьёзно, братан? Давай что-то более существенное? — Костя выбор Макса явно не одобрил, но тот не спешил переключать. — Иначе есть риск сдохнуть от скуки, — он вытянул руки и дважды громко хлопнул в ладоши, погружая зал в полумрак.

— Опять кровь-кишки и зомби? Ну уж нет! — возмутилась я.

— Давай, Малая. Когда мы теперь ещё так посидим? Сама знаешь, мне из Питера каждые выходные гонять напряжно, да и Макс редко приезжает.

"Ну и слава Богу, что так редко приезжает!" — хотела было сказать, но вовремя прикусила язык.

— Хорошо, — выдохнула. — Только давайте без этих ваших упырей и маньяков. Терпеть не могу, когда кровь на экране брызжет.

Парни не сговариваясь включили фильм. И вот лучше бы про кровь и маньяков! Кто вообще придумал ужасы с паранормальными явлениями? Жуть же жутчайшая!

Я не помню, сколько раз вскрикивала в самые напряженные моменты. Даже порывалась уйти, но Костик хохоча, как прирождённая злая ведьма, хватал меня за плечи и удерживал на месте.

— Я вам еще пр-р-рипомню все! — пообещала им, когда в очередной раз до ужаса испугалась выскочившей из ниоткуда чьей-то отсохшей башки.

— Знаешь, это не страшнее тебя с той зеленой фигней на лице, — заявил, весело ухмыляясь, брат.

— Не фигня, а водорослевая маска!

— А я откуда знал, когда получал первый в жизни инфаркт? Так что сиди смиренно и смотри. Мне уже стыдно перед Максом за тебя. Всего-то чья-то ненужная конечность, подумаешь.

— Я тоже скажу тебе "подумаешь", когда случайно приду будить тебя уже в черной укрепляющей и питательной масочке. Такая польза от нее, что закачаешься!

Сосед справа беззвучно затрясся, а когда я с удивлением обернулась, обнаружила, что он ржал, прикрывшись ладонью.

Картер? Смеющийся Картер? Скажи, Вселенная, когда там конец света?

И я на миг просто... растерялась. Смотрела на него и все. Ощущения, словно сама прыгнула в бездну, шагнула мимо правильной дорожки, чтобы специально оступить и упасть.

— Хочешь, и тебя приду будить? Я сегодня щедрая. Могу даже принести свежесваренный

кофе, — и с улыбкой потомственного маньяка продолжила: — Прямо на постель.

Смех прекратился, и на меня уставились два замёрзших озера, на поверхности которых трескался лёд.

— Опять за своё, Малая?

— Поняла. Шутить с тобой нельзя, — мне стало неловко, и я снова уставилась в телевизор, сделав вид, будто ничего и не случилось, но теперь внимание Картера не отпускало. Ледяные стрелы впивались в кожу, как голодные звери, пожирая и не оставляя ни единого шанса на спасение. Щеки горели от фантомной боли, которая разливалась по телу жаркими мурашками.

Его взгляд душил и в то же время давал то, в чем я так нуждалась.

А я действительно пошутила. Неосознанно. Просто вспомнила те времена, когда все было проще. Когда я могла запросто прийти к нему домой или же обнять... Или общаться. Когда не ненавидела его. Сейчас не могу. У меня будто руки и ноги связаны, рот заклеен скотчем, сознание — черной полосой злости и обиды.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

И за то, что заставил вспомнить и на секунду обо всем остальном забыть, тоже ненавижу.

Когда фильм закончился, я поторопилась выбраться из окружения парней. Сидеть с Картером плечом к плечу оказалось самой настоящей пыткой, которую я не в силах была выдержать ещё хотя бы пять минут.

— Уже уходишь, — не вопрос, констатация факта. Причём во взгляде мерзавца застыло предупреждение, что если не послушаюсь, мне же хуже.

— Я рада, что ещё долго тебя не увижу! — едва не прошипела я, чувствуя какое-то иррациональное желание снова разреветься. — И никто не станет обвинять меня в том, чего я не совершала.

Как же достал, гад!

Я же ничего не сделала. Ничего! Так почему так резко изменилось отношение из-за какой-то дурацкой шутки?!

Картер не ответил. Только хохот Костика в повисшей тишине давал надежду на то, что я не испортила всё окончательно и наше, пусть хрупкое, но перемирие, сохранится. Хотя я сама не была уверена в том, что хоть как-то хочу это перемирие держать.

Когда я уходила, по спине всё так же танцевала изморозь, а в кожу впивались ледяные стрелы.

Не скажу, что мне замечательно спалось перед поездкой. Всю ночь я мучилась болезненными мыслями, в которых сейчас даже себе не признаюсь. В итоге уснуть мне удалось только под утро, а вставать было необходимо уже через несколько часов, потому что, несмотря на достаточно короткий путь, обустройство на новом месте должно занять какое-то время. Мне хотелось всё успеть, а потом прогуляться по вечернему городу и ощутить себя его полноценной частью.

В институт меня вёз Костик. Решили, что я ещё слишком неопытна, чтобы управляться с машиной в большом городе, где двухчасовые пробки абсолютно нормальное явление. В выходные буду приезжать и практиковаться. Может, через пару месяцев мне дадут разрешение ездить самой, а пока автобусы и давка в метро.

Спустя почти час бумажной мороки, мне вручили ключи от комнаты, а комендантша, строго глянув на меня, предупредила, чтобы никаких мальчиков в блоке. Мол, мне учиться надо, а не шашни водить с тем подозрительным блондином на черной машине. Не стала вступать в полемику и разъяснять, кто мне на самом деле "подозрительный блондин", но сделала мысленную заметку рассказать Костику, как его обозвали.

Когда зашла в выделанные мне "апартаменты", тут же наткнулась на соседку. Я знала, что проживать в общежитии буду не одна, но до последнего надеялась, что соседка моя будет скромной заучкой, которая и головы не поднимет от учебников весь год. Но нет, вполне обычная девушка, которая поприветствовала меня лишь кивком головы и продолжила красить ногти красным лаком, "аромат" которого заполнил небольшое помещение.

"Хороши первые минуты знакомства" — подумала я, стараясь стряхнуть неприязнь с плеч.

— Ты тоже с иняза? — с улыбкой спросила, садясь на пустую постель со странного вида бельем. Как хорошо, что я взяла с собой свое. Надо бы еще сходить за теплым пушистым одеялом, казенное одеяло... Его можно постелить под простыню — тут кровать отнюдь не с удобным ортопедическим матрасом, как дома.

— Неа, — буркнула она, не поднимая головы.

Я сначала посчитала, что она сейчас ответит и, мы разговоримся, как обычно бывает, но ошиблась. Тишина затянулась плотной патокой, которую никто из нас не желал нарушить.

Дальше развивать общение я не стала — не хочу навязываться. И без нее найду, с кем дружить.

Осмотрев выделенную комнату, разобрала свои вещи и замерла, едва на дне чемодана осталась лишь белая коробочка с зайцем на крышке, которая уже не первый год хранила следы моей слабости. В ней я записала всю свою обиду и боль, а выбросить не решалась. Невесомо погладила кончиками пальцев розового зайчика и просто закрыла сумку. Пусть останется там.

Я никогда не умела долго сидеть без дела, потому пошла покорять Москву и параллельно закупаться канцтоварами. Кажется, мы с Костей проезжали мимо одного книжного магазина.

Магазин я нашла и неплохо пошопилась. Набрала тетрадей, ручек, закладок, всяких милых штучек для декора и постеров, чтобы стены в комнате не зияли пустотой. А потом... Потерялась. Зашла в кофейню за кофе, вышла через другой выход и завернула не туда.

Поискала в сумочке телефон, но в том отделении, где всегда лежал смартфон, его не нашла.

Черт! Потеряла или оставила в общежитии?

Я сделала несколько шагов, при этом озираясь вокруг. Высотки, деревья и ни намека на остановку.

— Вам помочь? — ко мне подошел молодой парень. Одет он был в обычную толстовку и джинсы, на плече висел темный спортивный рюкзак. Мой взгляд остановился на его простоватом лице с ярко выраженными скулами. Светлая улыбка преобразила его и сделала очень даже симпатичным.

После того случая в клубе я остерегалась незнакомых парней, но сейчас ответила:

— Да, если можно. Поможете найти общежитие?

— Общежитие? Хм... Здесь недалеко, провожу. И кстати, меня зовут Игнат. А как тебя?

И ничего, что я на "ты" перешёл?

— Катя. Ничего. Приятно познакомиться, — я улыбнулась.

Возможно, дело в том, что я потерялась и чувствовала безысходность, или в том, что незнакомец выглядел безобидным, но я ему доверилась. К тому же, он вел не через подворотни и людей вокруг было достаточно много.

Игнат, оказывается, учился в моем институте, на экономическом факультете и жил в другом общежитии, который тоже находился через улицу от моего.

— Итак, а теперь дай я угадаю... Ты с иняза?

Я кивнула и удивленно спросила:

— А как ты понял?

— Ну... — смущенно протянул парень. — У тебя в пакете французско-русский словарь. Ванга из меня такая себе, но со зрением все в порядке.

— Вот так легко можно спалиться, — улыбнулась. — Может, я хотела остаться таинственной Катей из института, а сейчас...

— Не осталась бы, — заверил меня Игнат. — Я за помощь потребую как минимум номер телефона.

— А вот так люди вляпывается в долги! И вообще, надо было сразу сказать, что альтруизмом не страдаешь. Я надеялась на халяву.

— Альтруизм? Нет, не слышал. И вообще, не хочешь знать, на что я в идеале рассчитываю? — Мой новый знакомый остановился только на крыльце общежития. Но мои покупки, которые он забрал у меня сразу же, не спешил отдавать.

— И на что же? — кокетливо спросила, поправив выбившийся из прически локон.

— На свидание, — нагло ответил Игнат.

Я рассмеялась.

— Я тебя почти не знаю и...

— Как это "почти не знаешь"? Ладно, еще раз познакомимся: я Платонов Игнат, мне двадцать один, учусь на экономическом, планирую захватить мир... хм... Проболтался. Мир все равно пока рано захватывать, но в президенты я точно подамся. Для начала. А ты?

— А что я? В президенты точно не стремлюсь, мир захватывать тоже. Я неинтересная.

— Очень даже интересная, — не отступил Игнат. — Давай, рассказывай.

— Котова Екатерина, восемнадцать лет, поступила на факультет иностранных языков, планирую... — замолчала, думая, как удачно пошутить. Почему-то вспомнился вчерашний вечер, моя попытка пошутить и стычка с Картером. Боже, почему я снова о нем думаю? Отогнав ненужные мысли прочь, завершила фразу: — Планирую стать межгалактическим переводчиком! Ну как тебе мои грандиозные цели?

— Отличные, Катя. Будешь помогать мне поддерживать связь с зелеными человечками, — хмыкнул Платонов. — Но пока я не захватил мир, а ты еще не выучила язык инопланетян, предлагаю обменяться номерами. Диктуй свой.

И я продиктовала, очарованная его непосредственностью и легкостью в общении. Игнат мне напоминал Костика. Такой же веселый, оптимистичный и с вагоном глупых приколов. С ним хотелось общаться дальше просто потому, что скучно точно не будет.

Я проснулась от резкого и противного рингтона будильника. Не моего! Я просыпалась сама в нужное время, потому не ставила сотню будильников на каждые пять минут. А соседка, к моей необъятной ярости, ставила. Причем начиная с пяти тридцати и до

половины седьмого!

Мерзкая мелодия била по ушам и раздражала настолько, что хотелось совершить ритуальное самоубийство, только чтобы больше этот звук мир не слышал. Но увы. Самое обидное было вот что — я проснулась, а моя сожительница нет! Она спала сном беззаботного младенца, посапывая и сильнее заворачиваясь в одеяло.

Проклиная все на свете, я поднялась и попыталась найти гаджет, из которого каждые пять минут раздается вопль, похожий на вой мучеников Ада, но мои поиски не увенчались успехом.

Скрипнув зубами от досады, надела тапочки, захватила с собой полотенце и пошла мыться. Хотя бы стоять в очереди на душ не буду.

Утро однозначно не задалось. Но я и подумать не могла, что день преподнесет сюрпризы похуже этого.

Первая пара, конечно, общей в зале. Ректор читал речь первокурсникам всех факультетов о том, как нам повезло, как выпускники института отлично устраивают свою жизнь, говорил про то, что нельзя много пропускать и опаздывать, пытался шутить. В общем, половину монолога я пропустила — мне написал Костя, так что переписывалась с ним.

А затем я снова потерялась и не могла найти нужную аудиторию, потому попала в поток второкурсников.

— Ты новенькая? — приветливо обратилась девушка с разноцветными волосами.

— Я первокурсница, — осторожно ответила я, вглядываясь в толпу. Черт. Ну и как теперь мне найти своих?

— Хм... Ты точно не туда повернула. На четвертом этаже не бывает пар у перваков...

Девушка что-то еще говорила, но я уже не слышала. Мой взгляд зацепился за крашенные волосы и очень знакомое лицо...

— И тут Тарзан?

Второкурсница проследила за тем, куда я смотрю, и весело рассмеялась:

— Ты ее знаешь? А мы зовем Таню Липучкой, но мне теперь больше нравится Тарзан.

Она снова рассмеялась и, сказав, что должна поделиться с друзьями, отошла от меня.

А я смотрела на Тамилову и не могла понять, что за мысль формируется сейчас в моей голове, грозя прорвать внутреннее спокойствие. Реальность надвигалась неотвратимо медленно, сдувая туман с поверхности сознания, а потом одним порывистым движением настигла и сжала до боли. До нехватки воздуха в лёгких.

Картер!

Сердце глухо ударилось в горло и протестующе затрепыхалось, оседая обратно. Казалось, он смотрит на меня глазами всех студентов, собравшихся в коридоре. От этого ощущения я вся покрылась знакомыми мурашками.

Господи! Я же... Я же надеялась, что буду как можно дальше от него! Я же наивно полагала, что Макс никогда не пойдёт в этот институт. Почему не спросила у Костика? Почему не спросила у Дани? Выдохнула сквозь зубы и прикрыла глаза. Не спросила, потому что не собиралась идти за ним.

Так, спокойно, Котова! Это не конец света! Не конец. Он сейчас третьекурсник. Шансы пересечения с ним каждый день очень невелики. Я бы даже сказала, они очень малы.

Твою мать!

Видеть его даже раз в неделю — это чаще, чем я надеялась!

До чего же я тебя ненавижу, Картер! Вечно мне неприятности доставляешь!

Выдохнула, пытаясь унять колотящееся сердце, развернулась и снова отправилась на поиски нужной аудитории, которую сумела найти, несмотря на невезение и обладание топографическим кретинизмом.

Первая настоящая пара прошла как в тумане. Сейчас даже не вспомню, о чём говорил преподаватель. С однокурсниками я тоже знакомится не спешила. Перекинулась парой фраз только с девушкой, что сидела рядом.

На перемене я вышла из душного помещения и наткнулась на Игната, который, кажется, меня поджидал.

— Привет, — поздоровался мрачно.

Мне стало слегка не по себе. Парень нашёл меня, несмотря на то, что мы с ним даже не созванивались.

— Привет.

— Слушай, тут такое дело... Я вчера номер у тебя взял, чтобы познакомиться поближе, но понимаешь... — Игнат сунул руки в карманы джинс и обернулся через плечо, глянув вглубь коридора.

Проследив за его взглядом, я замерла, не в силах сделать даже короткий вдох. Каждый удар сердца болезненно отдавался в горло, а по коже на плечах поползла знакомая изморозь.

Картер в сопровождении каких-то парней, шел в нашу сторону. Студентки, что толпились в это время за пределами своих аудиторий, увидев его, замерли, словно копируя мою реакцию, и по широкому помещению поплыли шепотки, превратившиеся в шипящий гул.

Проходя мимо, Макс посмотрел на Игната так, что даже мне дурно сделалось. Картер не поздоровался со мной, хотя прекрасно видел. Даже не кивнул. И это говорило мне только об одном: мерзавец не станет афишировать наше знакомство.

— ...в общем, зубы нынче дорогие, — сипло выдавил новый знакомый.

Я моргнула, пытаясь поймать ускользающую суть разговора и вернула внимание парню.

— Ты о чём?

Игнат поморщился.

— Я говорю, что не стану тебе звонить. Извини. — Он развернулся и пошел в обратную от Картера сторону.

А мне было смешно и грустно. Я вообще не понимала, какого чёрта произошло. Ведь мог бы просто не набирать мой номер. Зачем эти странные распинания и путанное объяснение, которое всё равно ничего не прояснило?

Сглотнув комок в горле, я вернулась на занятия, стараясь не думать ни о чём, что могло бы меня вывести из душевного равновесия. И не вспоминать этот вымораживающий взгляд, брошенный на Игната. Не думать, что Картер причастен к поспешному уходу парня... всех парней, которые так скоро после знакомства исчезали из поля моего зрения. Это ведь неправда. Этого просто не может быть...

Сразу после пары, я схватила смартфон и написала гневное одному невозможному раздолбаю:

“Почему ты ничего не сказал?!”

Костик ответил мгновенно. Выслал ржущий смайлик и написал:

“Я, блин, очень хотел бы видеть твоё лицо, когда ты узнала!))) Честно говоря, думал,

что это не так быстро произойдёт”

“Я порву тебя! Я тебя убью! Я тебя на дыбе вздёрну!”

“Я не боюсь маленьких злобных хомячков, Малая”

“Никакого кофе больше!”

“А вот это уже страшно”

“Какого хрена, Кость?! Трудно было сказать? Ты же прекрасно знаешь, как он меня бесит!”

Я закинула сумку на подоконник и прислонилась к нему спиной, пока набирала сообщение. Попутно ещё и Маше написала, потому что не могла не рассказать лучшей подруге, какая подстава меня ждала в институте.

“Он, мать его, здесь! Я готова грохнуть Костика. Задушить собственными руками гада!”

“Вот поэтому и не сказал” — ответил тем временем брат. — “И вообще, не я выбирал тебе институт. Смирись, учись и веди себя хорошо.

Р. С. Макс нужен мне и своей семье живой. Ты тоже”.

Я отправила Косте парочку злобных смайликов и полезла в диалог с подругой.

“Кто?” — прилетело от неё. — “И за что ты хочешь грохнуть любимого братца?”

“Картер! Картер и его Тарзан учатся здесь! Костик знал и молчал!”

“Да ла-а-а-а-адно?! *в ужасе*”

“Угу. Кажется, мое везение повесилось от безысходности еще пару лет назад. Тарзан и Картер. Понимаешь всю патовость ситуации?”

“Понимаю. И восхищаюсь смелостью Кости! Брат у тебя истинный камикадзе. Ты уже написала ему? Пообещала мучительную смерть от наличия собственных оторванных яиц во рту?)))”

“Да хрен с ним с Костей! Когда я увидела Тарзана, подумала, что, может быть, всё не так страшно. Видеть Картера придётся нечасто... И встретишься с ним на первой же перемене. Это капец!”

Я выдохнула сквозь зубы и крепко стиснула гаджет в руке. Почему, блин, всё наперекосяк?!

“Посмотри на это с другой стороны. Картер хоть и задница редкостная, но он всё же лучший друг Кости. Присматривать за тобой будет”.

“*фыркнула* Не надо присматривать. Я рвалась сюда в надежде, что ни одна сволочь не просочится в мою жизнь. Что не будет опеки отца и брата, от которой даже в школе трудно было дышать! И что сейчас? Ещё лучше, блин!”

“Кать, ну ты успокойся для начала. Выдохни. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но не могу понять, чего паришься. Он старшекурсник. Тарзан тоже, вроде уже второй год учится. Вы пересекаетесь будете максимум в коридорах института”.

И в самом деле, чего я так парюсь? К тому же, он решил меня не замечать. Тарзану до меня тоже дела нет. Надеюсь. Хотя вспоминая последний разговор, есть у меня странная мысль, что эта пакостная особа решит подпортить моё существование в стенах учебного заведения.

“Ладно. Спишемся позже, когда я немного успокоюсь”

Бросив смартфон в сумку, я ещё какое-то время постояла так, кусая губы. Эта ситуация не отпускала. Казалось, я прыгнула прямо в холодную реку и никак не могу понять в какой

стороне берег и куда плыть. Остаётся только надеяться на течение, которое куда-нибудь, да вынесет.

Костику я больше не писала. Как-то запарилась и совсем позабыла прочистить любимому брату мозги, пообещав обрушить на его голову все кары небесные. Зато по окончании занятий встретила с Тамиловой и своей соседкой. Эта ситуация не понравилась ни одной из нас, потому что крашеная блондинка тут же зашипела злобной гадюкой.

Тот факт, что соседство моё будет очень непростым, стал для меня неприятным открытием. И как теперь быть? Просить выделить мне другую комнату, потому что соседка подруга той, кто меня ненавидит? Очень смешно.

Прямо в здании общежития находился небольшой супермаркет, куда я сходила первым делом, оставив сумочку с тетрадями в комнате и захватив с собой только телефон — чтобы расплатиться онлайн.

Скоропортящихся продуктов взяла совсем немного — я же поеду домой на выходные, но фруктами все равно закупились. На перекус и как топпинг для завтраков.

Все бы ничего, я довольная пошла обратно, подумывая приготовить пасту, но забыла про одну деталь: кухня-то общая. В первый день студенты еще полны и сил и готовы на подвиги ради вкусной еды, потому она была забита битком. А на плиты, из-за одной не работающей, выстроилась самая настоящая очередь.

Офигеть.

— Привет, — ко мне подошла русоволосая девушка с необычными линзами на глазах — лилового цвета и с белой пентаграммой. — Предвещаю вопрос: ага, у меня линзы.

— Привет, — я ей улыбнулась. — Прикольные. А зачем?

— Участвовала в выступлении, — она поправила локон, выбившийся из причёски. — Там по сценарию в меня вселился демон учебы, и я жаждала пойти сдавать зимнюю сессию по гражданскому праву уже сегодня.

— Интересный у вас первый день учебы, — призналась я. — А мы слушали наинтереснейшую речь ректора. И проректора. И деканов. И всех, кому хотелось высказать то, что накопилось за лето.

— Первый курс? — участливо спросила девушка.

— Ага. А ты?

— Третий. Страдания продолжаются, — усмехнулась она и спохватилась: — Меня, кстати, зовут Соня.

— Катя. Приятно познакомиться.

— Катя, тут такое дело... В общем, а давай что-то вместе приготовим? Продукты пополам, силы тоже. Просто, боюсь, я такими темпами прожду в очереди еще долго, а мне еще готовиться к криминологии.

Я долго не раздумывая, согласилась. Почему бы и не да? Во-первых, долго возиться с готовкой мне не хотелось, а вдвоем будет быстрее и веселее, а во-вторых, новые знакомства очень кстати. Не прятаться же вечно в свою раковину как рак-отшельник?

— Можем пасту. Я сейчас купила макароны, фарш и овощи.

— А у меня сыр есть. Можем еще салат настрогать, — добавила Соня. — Десерт тоже с меня. А какой я чай привезла!..

Мы управились за полчаса и пошли есть к Соне — у нее соседка то ли заболела, то ли просто не приехала, но жила она пока одна. Я ей немного позавидовала: никто ее не будит в половину шестого утра и не мучает жутким рингтоном до шести сорока.

— Слушай, — обратилась ко мне Соня, едва мы закончили с пастой и принялись за чай с покупным пирогом, — а ты знакома с Тарзан-Липучкой?

Я чуть ли не подавилась куском сдобы.

— Тарзан-Липучка? — откашлявшись, переспросила я. — А откуда ты знаешь?..

— Ну, оттуда, где и весь институт, — не растерялась третьекурсница. — Тамилову всегда называли просто Липучкой, но сегодня, судя по описанию девчонок, именно ты дала

ей новое прозвище. Очень говорящее. Отличное, но...

Она замолчала, замявшись.

— Но что? — поторопила я ее. Я до сих пор находилась немного в шоке. Как одна моя случайная фраза могла так быстро разлететься по всему институту?! У меня не было цели обидеть прилюдно Тамилову, я вообще не хотела, чтобы наше с девчонками прозвище кто-то услышал!

— Но она волочится очень давно за Максом и может попросить у него помощи. Ты его, наверное, еще не видела. А Картер может доставить очень большие неприятности, и я хочу предостеречь тебя.

У меня в горле пересохло, а пальцы похолодели, и я поспешила согреть их, обняв свою кружку с чаем.

— А что за Картер? — сделав как можно более удивленный тон, поинтересовалась я. — Иностранец?

— Не совсем, — Соня тяжело вздохнула. — У него, кажется, отец русский, а мать американка. И он мой одногруппник.

— То есть ты хочешь сказать, что какой-то третьекурсник имеет возможность сделать что-то плохое и ему за это ничего не будет? — насмешливо произнесла я. Что за бред? Картер и гроза всего института?

— Это я и хочу сказать, — в отличие от меня, девушка говорила серьезно. — Ты просто его не знаешь, Кать. Он запросто устроит мордобой, покалечит человека, и все закроют глаза на это. Такое уже происходило.

Затем она понизила голос, словно Макс стоит под дверями и подслушивает, чтобы покарать тех, кто говорит о нем неподобающе:

— Еще парни считают, что он из одной из группировок. Ну, бандитских.

Я еле сдержала смешок. Приехали. Макс-бандит, проблемы из-за слухов... Что еще? Нет, они, конечно, с Костиком воротят дома какие-то дела, но чтобы состоять в группировке? Это что-то за гранью.

— Но он красивый, сволочь. Девчонки сохнут по нему, несмотря ни на что, только мистером Ледышкой позволено любоваться и томно вздыхать на расстоянии. Потому как безопаснее.

Я скептически посмотрела на Соню и она, рассмеявшись, заметила:

— Ну а что? На первом курсе он мне тоже понравился. Пока я не встретила своего Лешу. Ну, и не узнала побольше о Ледышке, тогда симпатия прошла мгновенно.

— Мне сложно в подобное поверить, — пожалала плечами я. — Но с Тамиловой, конечно, нехорошо вышло. Я и не думала, что все получится... так.

— Даже если не веришь, все равно будь осторожна. Мало ли, Кать...

Я ей лишь кивнула и первая поднялась, чтобы убрать посуду. В голове никак не укладывался тот образ Картера, который видела Соня. Макс умело причинял боль словами, да, но затем он же первый оказывал мне помощь в случае надобности. Я ни за что не поверю в то, что парень участвует в черных делишках.

Остальные дни пролетели быстро, но достаточно сложно. Огромное количество информации, которое навалилось уже первые дни учебы, никак не хотело помещаться в моей

голове, но я очень старательно занималась и разбирала все темы, если не успевала за профессором, сама. Мы так же с Соней вместе готовили, продолжали общаться, но далее ситуацию с Тамиловой не обсуждали, пока моя соседка вела со мной холодную войну.

Я ждала пятницу как дети ждут заветный подарочек от Деда Мороза. Честно. Я ведь желала выбраться из своего провинциального городка, но сейчас меня туда тянуло со страшной силой. В родное спокойствие. Москва очень мобильный и многолюдный город, и я в нем еще не сориентировалась.

Все полтора часа пути я думала, как сварю кофе в нашей просторной кухне, как встречу с подругами или вообще позову их к себе. Но затем вспомнилось, что девочки разъехались, и осталась только Нэля. Вот они, первые проблемы взрослой жизни.

Добравшись до дома, я замерла у ворот, глядя на соседскую машину. Мужчина, сидевший за рулём, приветливо улыбнулся и махнул мне рукой, чтобы подошла. Павел Алексеевич всегда относился ко мне хорошо, я бы даже сказала, как к дочери, поэтому никаких внутренних катастроф в его присутствии не испытывала как в случае с его сыном.

— Привет, Катюш. Как первые дни учёбы? — мужчина, всегда одетый с иголочки, вышел из машины и окинул меня взглядом знакомых серых глаз. Я знала, что временами они могут быть такими же холодными, но не когда его внимание было обращено на меня.

— Спасибо. Прекрасно. Оказывается, мне повезло: я буду учиться с Максом в одном институте.

Павел Алексеевич по-доброму усмехнулся.

— Я не удивлён твоим выбором. В конце концов, оно всё к тому и шло.

Я даже оторопела от услышанного, не зная, как реагировать. В итоге выдала дежурную улыбку и произнесла:

— Была рада вас видеть. А мне сейчас пора и...

— Да-да, понимаю. Всего хорошего, Катюш.

— Спасибо. И вам всего хорошего, — произнесла я.

Отец Картера, с благодарностью кивнув, вернул свое внимание к машине и плавно ее завел, чтобы заехать в открывшиеся ворота. Я тоже не стала задерживаться и зашагала к дому, но перед тем, как войти ощутила знакомое пристальное внимание в спину. Я знала, что это не Макс. Его отец тоже умел смотреть тяжело.

Отперла дверь, переступила через порог и замерла, прикрыв глаза и вслушиваясь в тонкий аромат, что разносился отовсюду. Так пахнет уют — то, чего я вряд ли добьюсь в комнате общежития за все годы учёбы.

Папы не было, что, впрочем не удивило. Он в это время на какой-нибудь важной встрече или в командировке, и всё равно ему, что суббота, а любимая дочь обещала приехать на выходные. Он думает, что в этом городе я в безопасности. Правда, мне до сих пор неясно откуда такая убежденность, но надо признать, что она ни разу, кроме моего дня рождения, не подвергалась сомнению.

Первое, что сделала — это сварила себе кофе! Господи, я о нём мечтала уже несколько дней. Пить растворимый было мерзко. В кофейнях тоже не то, а варить его в общежитии то ещё удовольствие. Пока разливала из джезвы напиток, созвонилась с Нэлей. Та пообещала

вечером встретиться со мной в кафе. Жаль, девочек не будет.

Позже, когда собирала вещи в общежитие, случайно наткнулась на фотоальбом. Старый, потрёпанный и давно уже не пополняемый, он лежал на полке с книгами английских литераторов. И как туда попал? Открыв первую страницу, я тут же встретилась взглядом с женщиной, что дала мне жизнь. Красивая блондинка с голубыми глазами смотрела на фотографа с нежностью и лёгкой улыбкой. На следующем фото были мы с Костилом. Кажется, мне тогда недавно исполнилось три года, о чём свидетельствовали пухлые щёчки, соска-ромашка и памперс.

Улыбнулась и принялась листать дальше, погружаясь в воспоминания. Когда дошла до первого фото с Максом просто захлопнула альбом. Я ни за что не возьмусь объяснять, почему храню его снимки. Наверняка, этому есть обоснованная причина. Наверняка.

Ближе к вечеру, когда я практиковалась езде на машине, обнаружила пренеприятнейший факт, который выбесил меня окончательно. И если до этого момента папе и Косте я прощала любые поблажки в отношении меня, то это стало последней каплей. Весь час, пока каталась, от меня не отставала неприметная серая машина, которую я и обнаружила-то чисто случайно. Пару раз была вынуждена остановиться на обочине пустынной дороги (я пока не решалась одна ездить в центре города), мимо меня оба раза проехала одна и та же тачка. Я просто обратила внимание на номера. Оба раза.

Во мне поселилась уверенность, что если бы не пустынность выбранного маршрута, он остановился бы далеко позади, поэтому стоит проверить свою догадку, когда поеду обратно.

Так и случилось. Как только я выехала на загруженную дорогу, преследователь остановился далеко позади. Я выхватила смартфон и написала Косте гневное сообщение, на что он прислал смайлик с нимбом и скромное:

“Я здесь ни при чём, но знаю, откуда растут ноги”

“Папа?! Мы договаривались, что никаких слежек больше! Почему я не имею права на тайну личной жизни?!”

“Малая, уймись уже, а? Какая у тебя может быть личная жизнь? У тебя парня-то нет”

“Спасибо, конечно, но ПОКА нет!” — психовала я, едва не стуча смартфоном об руль.

“Нет, Малая. У ТЕБЯ. НЕТ. ПАРНЯ! И за это спасибо тоже надо говорить не мне”

Отправив гаду несколько злобных эмодзи, я швырнула смартфон на сидение и решительно вышла из машины, неосознанно хлопнув дверцей сильнее, чем мне хотелось бы на самом деле.

Семи пядей во лбу иметь не надо, чтобы понять, к чему он клонит. Я не нравлюсь парням. Все сбегает, и спасибо я должна говорить только себе, а не обвинять родных и их желание меня сберечь. Порой сама себе кажусь настолько поверхностной, что и миллиметра до дна нет. Неужели со мной даже поболтать не о чем?

Поджала губы, вспомнив Игната и взгляд Картера, брошенный на него. Со стороны кажется, что то его рук дело, но я точно знаю, что так не может быть. Просто моё воспалённое воображение, вот и всё. Макс никогда не посмотрит на меня как на девушку. Именно это он мне повторял раз за разом, делая свои отказы ещё больше и памятнее.

Вздохнула, отгоняя дурные мысли, и провела пальцами по лобовому стеклу.

Может, папа временно нанял специалистов, боясь, что в большом городе мне может понадобиться помощь? Если так, то я его понимаю. Но сей факт вовсе не значит, что я стану терпеть подобное на постоянной основе.

Оглянулась через плечо, выхватив взглядом ту самую машину, и приняла решение повременить с выговором папе. В конце концов, я его дочь, и он беспокоится обо мне. Пусть недельку понаблюдают, а потом я потребую убрать от меня охранников.

Выходные пролетели хорошо, но незаметно. Нэля всё печалилась, что видится будем редко, но я обещала ей приезжать как можно чаще и так же созваниваться с девчонками по скайпу, чтобы восполнить общение.

Утром я была в хорошем настроении, поэтому немного осмелела и надела платье, одно из тех, что всё же прихватила из дома. Голубая ткань приятно облегла фигуру. Оно не было из разряда “мини”, поэтому я спокойно надела его, не переживая за собственный моральный облик. Просто отчего-то мне хотелось быть красивой в этот день. Я до сих пор надеялась, что познакомлюсь с каким-нибудь хорошим парнем.

Но первый же день учёбы встретил меня неприятными шепотками, изредко доносящимися до моего слуха. А ещё атмосфера... Она была какой-то мрачной. В воздухе висело предупреждение, которое проникало под кожу и сбивало ритм сердца.

Весь день я была как на иголках, не понимая, в чём проблема. Осознала масштабы только, когда вышла из аудитории с потоком одногруппников и наткнулась взглядом на Тамилову и свою соседку, держащую в руках знакомую белую коробку с розовым зайцем на крышке.

Что за?..

Я стремительно подошла и рявкнула:

— Что всё это значит?! — После чего требовательно протянула руку и посмотрела на девушку. — Верни немедленно!

Тамилова улыбнулась слащаво и щелкнула нарощенными красными ногтями.

— Пойдём поговорим, Катя. И мы отдадим её тебе.

Одногруппники и посторонние студенты столпились, внимательно вслушиваясь в то, что происходит. Видимо, Тарзан здесь известная личность, раз за считанные секунды собрала публику.

— Вы просто отдадите мне коробку, и мы разойдёмся!

Тамилова улыбнулась. Пакостно так.

— Не вынуждай трясти здесь твоим грязным бельишком.

Я стиснула зубы, понимая, о чём она. Проклятье! Лучше бы я сделала вид, что коробка не моя и спокойно прошла мимо. Если она покажет, что внутри, всем станет понятно по какой, якобы, причине я поступила именно в этот институт, и тогда звание липучки припишут уже мне. Капец!

Мне ничего не оставалось, кроме как выйти с ними на улицу... где оказалось ещё больше народа. Среди них я увидела ту самую девушку с разноцветными волосами, которая разнесла по всему институту прозвище, что я обронила при первой встрече. Благодаря нему у меня теперь проблемы...

— Ты назвала меня Тарзаном? Не охренела, Котова? — рявкнула Тамилова, подтверждая мою догадку.

— Я не хотела тебя... — начала было я, но Тамилову перекосило, и несколькими стремительными шагами, она приблизилась и вцепилась в моё плечо.

— Какого хрена ты вообще сюда припёрлась? Хотя, подожди, не отвечай. Я знаю, что из-за Картера

— Нет, — усмехнулась я, схватив и сжав её запястье. — Я поступила сюда, в отличии от тебя, даже не предполагая, что он здесь учиться.

Тарзан прищурилась и едва не оскалилась, сильнее впиваясь ногтями в кожу. Я дёрнулась и с силой отпихнула от себя гадюку.

— Врёшь, сучка! — зашипела она.

Но не ей меня упрекать в преследовании мистера Ледышки. Правда, для всех очевидный факт, что Тарзан не потерпит соперничества, но я и не собираюсь за ним гоняться. Пусть подавится.

Казалось, она вообще озверела. Лихорадочный блеск в глазах, агрессивный оскал и напряженность, будто готова вцепиться мне в волосы в любую секунду.

— Отдай её мне, — кивнула на предмет в руках своей соседки. — Это личные вещи и за их кражу вы можете ответить.

Таня выхватила коробку, открыла и просто швырнула её содержимое в воздух. Кипенно-белые кусочки ткани взмыли вверх и стали медленно планировать на землю, радуя глаза студентов красивой ручной вышивкой “M. P. Carter”. Отовсюду стали раздаваться смешки, и я ощутила, как краска заливает моё лицо.

— Она это хранила? Вот фетешистка!

— Она серьёзно пошла в институт за Картером?

— У нас что, появился второй Тарзан?

— О да... Сталкер-фетешист мистера Ледышки. Слушай, а трусов его у тебя в коллекции нет? Нет? А носков? — я посмотрела на говорливого парня, а тот плечами пожал. — А что? Таким маньячкам плевать, что по ночам нюхать? Самой-то не стрёмно?

Студенты заржали. Просто высмеивали в своё удовольствие, продолжая поливать грязью, как если бы всё действительно было именно так.

О том, чтобы собрать эти проклятые платки, я даже не помышляла. Ползать за ними по земле ещё более унизительно, а мне уже хватило с головой.

Тамилова смотрела на меня взглядом победителя. Стало понятно, что её целью было унижить. И подумалось, что всё завершилось, как она вновь приблизилась и прошипела мне на ухо.

— Я говорила, что ты поплатишься? Мы обе знаем, что Картер плевать на тебя хотел. Так вот держи сполна, сука! — она вцепилась в мои волосы и прежде, чем я среагировала, развернула меня и швырнула на землю так легко, будто не была хрупкой на вид девушкой. — Он мой! Мой, поняла?! Убирайся отсюда!

Я упала прямо на колени, уперевшись руками в асфальт. Кажется, содрала кожу... Студенты смеялись, даже не пытаясь мне помочь подняться, а боль в разбитых коленках не позволила бы сделать этого сразу.

Проклятый Картер! Почему из-за тебя мне снова так больно?!

Я стиснула зубы, пытаюсь унять то, что рвалось наружу. Оно бурлило под кожей,

подкатывало к горлу и глазам, желая вылиться в истерику.

Пытаясь заглушить в себе все чувства, я не заметила, как стих смех студентов. Не услышала шагов, но прекрасно увидела дорогие кожаные ботинки, чей обладатель остановился возле меня. Тёплые ладони сжали мои плечи и потянули вверх, заставляя подняться на ноги. Только на миг встретилась с холодным взглядом, после чего Картер молча опустил вниз и принялся порывистыми движениями отряхивать мои колени. Как в детстве, когда я часто падала и разбивала их в кровь.

И этого так давно уже не было. Я так давно не видела его вот таким заботливым и спокойным. Таким родным. Когда я в последний раз смотрела на него без ненависти? Когда не думала, что не хочу видеть?

Капли сорвались с ресниц и упали на запястье парню с тихим “тук-тук”. Макс поднял голову и посмотрел мне в глаза. Взглядом, в котором перестал трескаться лёд. Он медленно поднялся, сунул руку за пазуху и вытащил кипенно-белый платок со своими инициалами, чтобы протянуть мне.

— Не реви, Малая.

— Это ты виноват, — шепчу, чувствуя, как скатываются по щекам всё новые и новые капли.

Даже не думаю брать проклятый платок, но Макс всё равно делает по-своему. Протягивает руку и промокает влагу мягкой тканью.

— Кэти...

— Это все из-за тебя, — повторяю я, как заведенная кукла. Мои глупые чувства, слезы и боль каждый раз — все.

Макс мне не ответил, холодно посмотрел на до сих пор стоящих вокруг студентов и произнес ледяным тоном:

— Пошли вон.

Раздались шепотки, послышался топот, шум, а я, абстрагируясь от всего, напряжённо думала. Мозг тормозил, словно мне вдруг обрубили связь, и я осталась один на один с белой страницей и крутящейся стрелочкой. Мысли столпились, образуя кашу с противными комочками.

— Макс, она меня Тарзаном назвала! — всхлипнула Тамилова.

— Исчезни. С тобой я поговорю позднее.

Мне надо уйти. Куда-нибудь, где никого не будет. И ничего. Хочу в пустоту. Исчезнуть хоть на время.

Подняла свою сумку с земли, проигнорировав Картера, который решил мне помочь, расправила плечи, но успела сделать лишь шаг в сторону — меня остановил голос Макса:

— Малая, нам надо кое-что обсудить.

— Нам нечего обсуждать, — бросила ему, не оборачиваясь.

Убраться подальше отсюда. Плевать на оставшиеся пары. Просто уйти и выдохнуть.

— Кэти, не вынуждай...

— Отвали от меня. Отстань. Иди вон к Тамиловой, она очень нуждается в утешении.

К слову, она, не жалея тонну шпукатурки на лице, выдавливала из себя крокодильи слезы.

Картер сказал что-то еще, но я уже не слушала. В голове, словно набатом, звучало только одно "уйти". Я подняла ногу для очередного шага, но заметила лежащий на земле некогда белый платок с грязными отпечатками ботинок. Мое замешательство длилось всего

пару секунд, а затем я наступила на него и продолжила идти.

Вот так. Пусть малейшие чувства, отличные от нейтральных, останутся под моими ногами. Все в прошлом. Теперь точно в прошлом.

Я медленно брела в сторону общаги, когда меня кто-то окликнул. Чувствуя дикую усталость, остановилась и повернулась. Позади меня стояла Соня. Она теребила край блузки и смотрела на меня... с сожалением?

— Ты все пропустила, — усмехаясь, сообщила я. — Цирк уехал, клоуны остались у института. А если тебе хочется поиздеваться, то поздно.

— Катюш, ты чего? — выдохнула девушка. — Мне очень жаль. Я слишком поздно обо всем узнала, а когда рванула к тебе, чтобы предупредить, увидела лишь пустую аудиторию. Это все... ужасно. И мерзко так. Тамилова настоящая сучка.

Я кивнула. Что есть то есть. В целом, я сама виновата. Общежитие — не моя комната, она не спрячет мои тайны и мою боль, мою ненависть и мою обиду. Этот урок я усвоила как и то, что нельзя тащить в будущее осколки детства, иначе люди используют их как оружие.

— И ты мне не сказала, что знакома с Картером, — осторожно произнесла она.

— Считай, мы уже не знакомы, — хмыкнула я. — Давай закроем тему? Сделай вид, что ничего не произошло.

— Прости... Да, конечно, — Соня пару секунд мялась, а потом спросила: — А что с комнатой? Ну, ты продолжишь жить со своей соседкой?

— Тут сложнее ситуация, — поморщившись, призналась я. — Сменить комнату не так уж просто. Наверное, если не найду другого выхода, буду снимать квартиру.

— Ты можешь пожить пока у меня, — предложила Соня и поспешно добавила: — Если захочешь, конечно. Русланы до сих пор нет, кровать свободна и... вот.

— Ты серьезно? Спасибо, — я взяла и согласилась. По-моему, хуже уже не станет, а если и будет, то плевать. Что-то придумаю. Но сейчас мне действительно нужна помощь и поддержка, даже если она обойдется мне дорого.

— Мне помочь собрать вещи?

И я снова согласилась.

В итоге мы с Соней пошли к общежитию вместе. А у самого входа я отчётливо почувствовала взгляд Картера. Внимательный, холодный, приносящий фантомную боль. Позвонки обожгло льдом, но я не обернулась.

Я даже не буду его ненавидеть, потому что отныне для меня не существует человека по имени Макс Картер. Есть только друг брата и сосед. Безымянные личности, которые не должны играть никакой роли в моей жизни.

Последующие дни прошли довольно... странно. О том унижительном случае в институте просто будто забыли. словно не было ничего и случившееся лишь кошмар. Обо мне не шептались, не пускали слухи дальше, издеваясь и насмехаясь, зато обсуждали другое.

Тамилова и моя соседка, Лера Захаренко, куда-то пропали. Они не ходили на занятия, а моя комната пустовала. Я специально заходила, чтобы посмотреть, но вещи Леры лежали на том же месте, на тумбочке стояла кружка с давно остывшим чаем, а на расстеленной кровати лежала снятая впопыхах пижама.

Я не искала правду, из-за которой студия строили одно предположение за другим. Ну прогуливают так прогуливают. Какое мне дело? Главное, что меня не трогают и у меня есть время на успокоение нервов. Та сцена, что произошла на виду у всего института, никак не выходила из головы, и я мысленно ее прокручивала каждый раз и на этот раз сама высмеивала свои ошибки. Боже, какой же глупостью было тащить сюда чертовы платки! И зачем мне они вообще сдались? Надо было сжечь и на пепле станцевать сальсу.

— Кать, слышишь, что там говорят? — в столовой ко мне подседа Соня со своим подносом.

Сегодня я проспала и не успела позавтракать, так что пришлось сходить в буфет альма матер. Из съедобного здесь нашлись лишь булочки и кофе из автомата.

— Что говорят и где это "там"? — я с наслаждением сделала глоток капучино, а затем откусила кусок от булочки.

— В Караганде, блин! — ответила Соня, ковыряясь в купленном омлете. — Конечно, в институте. В Москве я знаю лишь два серпентария: в одном мы сейчас обедаем, а в другом я, к счастью, не была. Боюсь пресмыкающихся.

— Какое точное определение ты дала нашему замечательному вузу, — хмыкнула я. — Так что там с разговорами? Кто, о чем, для чего и зачем?

Девушка подалась вперед и шепотом поведала:

— Говорят, что Тамилова и Захаренко... они бандитовов Картера ублажают в какой-то сауне. Вот и потому нет их уже который день.

Я, жуящая в этот момент сладкую сдобу, поперхнулась и закашлялась.

— Что за бред? — выдохнула я, прочистив горло.

— Ну ты сама посуди, Катюш, — как ни в чем не бывало продолжила Соня, — случился конфликт, причиной являлся мистер Ледышка, пострадавшей — его... гм... подруга и...

— Я не его подруга, — мрачно перебила я. — Мы никто друг другу.

— Не придирайся к словам, — отмахнулась она. — Тарза... Черт, прилипло же! Таня и Лера, виновницы произошедшего, просто... исчезают. Еще одно доказательство — ребята видели как к побелевшим, словно мел, Тане и Лерой подошел сам Макс и несколько минут им что-то говорил. Причем жестко так, зло, можно даже сказать, что с яростью.

У меня поневоле вырвался смех. Отнюдь не радостный, скорее, нервный, истеричный.

— Хватит! — решила прекратить бессмысленную беседу, построенный лишь на домыслах студентов. — Так можно и меня обвинить в их пропаже. Посуди сама, Сонь, случился конфликт, я пострадавшая, меня очень обидели. Скажи, какое бы желание у тебя возникло после такого?

Третьекурсница замерла, прикусив губу.

— Желание отомстить, правда? — усмехнувшись, выдала очевидный ответ. — А там додумать пару моментов и все, я виноватая без вины. И вообще, закрываем тему. Мне плевать и на Тамилову с Захаренко, и на Макса. Их дела меня не касаются ни коим образом.

— Но...

— Никаких "но", Сонь, иначе мы точно поссоримся.

— Хорошо, — девушка кивнула. — Только один вопрос. Не про них, а про другое.

Я помялась с минуту, но под ее умоляющим взглядом сдалась:

— Задавай, — раздраженно позволила я.

— А что ты хотела сделать после... ну, после произошедшего?

Интересный вопрос. Что я тогда хотела? Исчезнуть, провалиться под землю. И чтобы запас треклятых слез наконец-то закончился.

— Хотела научиться быть сильнее, — ответ получился слишком искренним, хотя я не планировала откровенничать. — И ешь давай, а то не успеешь — скоро звонок.

— Не могу, — насупилась девушка. — Мой пятилетний брат и то лучше песочные куличики готовит.

— Не оскорбляй высокую кухню, — я обвела взглядом ее "королевский" обед — немного передержанный на огне омлет, компот и щавелевый суп. — Ничего ты не смыслишь в кулинарии.

— Понимаешь, Кать, эта кухня настолько высокая, что подгорела от столь близкого нахождения к солнцу, — сморщилась Соня. — Слушай, а давай сходим в кафе поужинать? Я знаю волшебное местечко! Цены не кусаются, а какой там кофе подают!

В кафе? Деньги у меня были, а вот времени после того, как начали изучение французского языка почти не оставалось. Но и сидеть, словно рак-отшельник, в своем панцире я не желала.

— Ну если кофе подают вкусный, то с радостью. Встречаемся у общежития? Я переоденусь.

— Тогда договорились, — она поднялась и аккуратно собрала тарелки со стола на поднос. — Я еще к своему Лешику заскочу тогда.

Я кивнула. Договорились. И мы с Соней разошлись по аудиториям.

После пар я первым делом направилась в свой блок, зашла, прикрыла за собой дверь. В выделенной мне комнате еще оставалась моя одежда — все же официальной я там проживаю, так что...

Мысль додумать не успела.

Просто замерла посреди помещения, пытаюсь понять, что не так. А что-то определенно было неправильно.

Обвела пространство взглядом и остановилась на убранной постели соседки. Разбросанных вещей на ней не обнаружила как и кружки, что почти неделю стояла на тумбе. Пропал коврик, опустел шкаф, исчез календарь, висящий на стене, и книги с полок тоже будто испарились, пока мои безделушки оставались нетронутыми.

Лера... съехала? Но когда успела?

Что вообще за чертовщина творится вокруг?!

— Это не твое дело, Катя, — шепнула я сама себе и принялась искать подходящий

наряд.

Не мое дело однозначно, но когда уже выходила к ждущей меня на улице Соне, столкнулась в холле общаги с Захаренко... Она даже на меня не посмотрела и прошла мимо, но я успела ее разглядеть. Она осунулась за прошедшие несколько дней, плечи ссутулились, а на бледной коже особенно ярко выделялся зеленеющий на скуле синяк. Мне стало не по себе и я, опустив глаза, выскочила из здания.

— Кать, ты чего? — удивленно спросила Соня. — Что-то случилось?

Я сжала до легкой боли пальцы в кулак и соврала:

— Все хорошо, — попыталась улыбнуться. — Боялась, что опоздаю, и ты уйдешь без меня.

Она прищурилась, точно знала, что лгу, но ничего не ответила, за что я ей очень благодарна. Всю дорогу до кафе Соня рассказывала забавные случаи из студенческой жизни, но мои мысли то и дело возвращались к Лере, слухам и синяку на лице.

"Это не твое дело, Котова", — еще раз напомнила себе я.

— А однажды препод забыл прийти на пару, Катюш. Только представь: сорок сонных второкурсников, декан, ожидающий начало лекции, и ни намек на Валерия Ивановича, нашего светила в темном царстве знаний. В тот день еще кто-то из верхушки должен был приехать, потому переполох был тот еще.

— Валерий Иванович? — зацепилась я за знакомое имя. — А он случайно не историю преподает?

— Угу. Историю. Но явно наших мучений, а не России.

— На нашу пару он тоже не пришел на прошлой неделе. Гад. А я ведь действительно выучила родословную Рюриковичей, — поделилась я. — До сих пор обидно.

— Это ещё норм, а вот когда перед сессией...

Соня продолжила весело болтать даже тогда, когда мы вошли в кафе, а я ее слушала до тех пор, пока не заметила кое-что странное. Мужчина в неприметной одежде проскользнул за нами и последовал к самому дальнему столику. И я могла поклясться, что видела его, переходящим дорогу, а до этого у института. Тогда я не обратила на него особого внимания, но теперь... Почему из всех кофеен, что были разбросаны на данной улице, он выбрал именно то, в которое направились мы?

Опять слезка?!

Достав телефон, быстро настрочила Костику:

"Скажи, почему за мной следят лучше, чем за президентом?"

Брат ответил мгновенно в своем привычном шутливом тоне:

"Зачем нам президент, если есть Катя Котова?;P"

"Очень смешно", — мрачняя, написала я. "Скажи отцу, чтобы прекратил! Это уже слишком, не находишь? Ходить со мной в институт и кафе. Только в туалет пока не сопровождали, но такими темпами... В общем, поумерь его пыл, а?"

Костя прислал кучу веселящихся смайликов. Ржет, гад, сидя на какой-нибудь вечеринке и отрываясь по полной! Ему-то по барабану, а мне шагу лишнего не сделать — везде конвоиры.

Бросив ещё один взгляд на мужчину, я вернула внимание Соне. Та сидела и спокойно изучала меню в ожидании официанта. Хотелось напомнить девушке, что мы пришли попить кофе, но я просто не успела произнести ни одного слова. Перед моим лицом возник Игнат,

чем напугал меня едва ли не до обморока.

— Привет межгалактическим переводчикам!

— Дурень! — я схватилась за сердце, чувствуя, как бешено оно колотится. — Так и человека убить можно!

— Да ну брось. Шансы умереть от разрыва сердечной мышцы в таком возрасте практически равны нулю.

— Ты не можешь знать наверняка, — хмыкнула я, наблюдая, как парень садится на соседний стул, совершенно не замечая мою подругу. — Это Соня, — представила ему девушку, а когда посмотрела на неё, то увидела крайне интересное выражение. Она хмурилась.

— Мы знаем друг друга, — выдал парень и подмигнул ей, — Правда, Сонюшка?

Я недоумённо взглянула на неё, но та продолжала смотреть на парня так, словно вообще не понимала, как он мог очутиться в этом кафе или вообще в городе.

— Так что ты здесь забыл? Насколько помню, общаться со мной у тебя не было никакого желания.

Новая улыбка преобразила его черты. Игнат взял в руки меню и как ни в чём не бывало ответил:

— Меня вынудили обстоятельства. Жирные такие, серьёзные и крайне недовольные обстоятельства.

Я рассмеялась.

— Что, прости? Знаешь, мне кажется, межгалактический понять куда проще, чем твои путанные объяснения, которые по сути вообще ничего не объясняют.

Соня наконец прекратила сверлить парня взглядом и поинтересовалась:

— А что? Он уже пытался тебя склеить?

Мою попытку ответить, что он меня уже провожал и взял номер, перебил сам Игнат. Причём это был очень интересный вопрос.

— О, Сонюшка, что я слышу? Ты всё ещё злишься на меня?

— Мне параллельно, если честно, но твоё присутствие здесь нежелательно, — хмыкнула она. — Если Алёшик узнает, что ты подкатывал к нашей компании, зубов ты не досчитаешься гарантированно.

— Прости, но дело не в тебе, — криво улыбнулся он. — Я просто не могу устоять от общения с потрясающей девушкой, с которой познакомился на прошлой неделе, — и он обратил всё своё внимание на меня.

Ну скажем так, дурой я не была. То, что между этими двумя что-то когда-то было и ежу понятно, осталось выяснить, насколько травмоопасно общение с парнем, что буквально на днях меня прилюдно отшил.

— И что же заставило тебя изменить решение в отношении меня? — задала я вопрос, бросив косой взгляд в сторону своего провожатого. Мужчина, к слову, очень пристально смотрел на Платонова. — И да, отговорки вроде обстоятельств, проблем и прочих трудностей не считаются. Если хочешь продолжить знакомство, я должна знать, как на тебя можно надавить, чтобы так же стремительно развернуть на сто восемьдесят градусов, в случае возникновения крайней необходимости.

Игнат расхохотался на всё кафе и, надо признать, его смех был заразительным, он

заставлял глупо улыбаться даже Соню.

— Ну, как минимум, нужно стать моей бывшей девушкой, — отсмеявшись, произнёс он.

— Вот как? — я удивлённо приподняла брови. — То есть, бывшие на тебя имеют подобное влияние? А что же изменилось сейчас?

— А сейчас он знает, что тебя может защитить Картер, если угроза появится опять, — снова нахмурилась Соня и обратилась уже к парню: — Но знаешь, я прекрасно помню, как ты относишься к Максусу. Вряд ли причина только в этом.

А я вспомнила, как смотрел на него сын дьявола. Предположение подруги сразу стало сомнительным, а потому отброшенным в сторону.

Игнат не ответил. Соня поднялась и одним только взглядом сказала “Мы сейчас же уходим”, и я не стала ей противиться. Ситуация казалась очень странной, но несмотря на это, всё же улыбнулась будущему президенту.

— Я позвоню, Катя, — усмехнулся он в ответ.

Как только мы оказались за дверями кафе и немного отошли от него, я дернула Соню за руку в проулок и дождалась, когда мой провожатый выйдет из заведения. Это произошло через несколько минут, и меня очень удивило, что он остановился, залез в свой смартфон и...

— Что ты делаешь?

— Тихо, — шикнула я на Соню, продолжая наблюдать.

К моему великому удивлению, мужчина почти сразу сунул гаджет в карман и направился в противоположную нам сторону, что никак не слагалось с моими догадками о слежке. Неужели я ошиблась? Тогда почему Костик не стал отрицать, что отец снова поймал свой заскок? Не знал?

— Кать, ну ты чего? — дёрнула меня подруга, — Дался тебе этот Платонов, мутный тип.

Я отпустила руку девушки и задала интересующий меня вопрос.:

— Что у вас случилось?

Судя по тому, какое у неё сделалось лицо в этот момент, ничего хорошего между ними не было. Поведение Игната по отношению к ней мне тоже показалось странным.

— Скажем так, мы пытались встречаться. Но в связи с тем, что у него совершенно сумасшедшая бывшая, дальнейшие отношения были невозможны. Да и сам он тоже, конечно, хорош. Мог и предупредить о том, что бешеная стервова может создать неприятности. Меня только Алешик и вытащил.

— Я ничего не поняла, — призналась я.

— Да ты и не вникай. Просто знай, что он для тебя не самая лучшая компания.

Я не стала её допытывать. Сейчас мне меньше всего хотелось узнавать что-то о других. С собой-то никак не могла разобраться, из-за чего чувствовала себя разбитой.

Вернувшись в общежитие, занялись приготовлением кофе, ведь из-за вторженца в кафе его попить так и не удалось. И все было прекрасно. Мы в тишине занимались, временами делая паузы и перекидываясь интересными замечаниями или вынесенными знаниями, пока поздним вечером мне не пришло сообщение на телефон, от которого мгновенно сделалось не по себе.

“Малая, выйди. Есть разговор”

Поскольку номер определился как неизвестный, ответить на сообщение я не могла, что в принципе ничего бы не изменило. Отвечать, как и выходить из общежития, я не собиралась. Отложила смартфон в сторону, чувствуя, как колотится чёртово сердце внутри, и попыталась снова погрузиться в чтение. Однако ничего не получалось. Строчки расплывались перед глазами, смысл ускользал, а внимание постоянно переключалось не туда, куда нужно.

“Кэти, я ненавижу просить дважды. Выйди”

И я почему-то вспомнила Захаренко с синяком на скуле и этот странный слух, что поведала мне Соня про Тарзана и сауну. Нет, конечно, это не могло быть правдой, но помня, каким может быть Картер в приступе гнева...

“— Поговаривают, у тебя где-то тумблер спрятан. Он ответственен за два режима: пофигист и псих. И помня, каков ты во втором, не хочется провоцировать.” — вспомнила я, слова Костика, когда они с Максом сидели на кухне.

— Ты в порядке, Кать? Чего побледнела?

— Всё нормально, — криво улыбнулась девушке. — Просто что-то спать захотелось. Давай заканчивать?

— Конечно, — согласилась Соня и тут же отложила учебники в сторону.

Спать мы ложились в тишине. Я была на взводе, стараясь никак не показывать этого соседке, а та, надеюсь, действительно не замечала моего состояния, а не делала вид.

Минут через десять после того, как свет погас, Макс прислал третье сообщение.

“ВЫЙДИ. СЕЙЧАС!”

И я просто ради отдушины написала “Вали обратно в ад, Картер!”, зная, что сообщение не будет доставлено адресату. Но чёрт! Засыпать мне было гораздо легче.

Впервые мы с Соней проспали. Обычно звенел ее будильник, и я вставала вместе с ним, но на этот раз она забыла включить звук на телефоне, и рингтон мы просто не услышали. Собирались в жуткой спешке — кинула в сумку все тетради и ручки, которые вечером не стала убирать — думала, утром повторю материал, чуть ли не упала, запутавшись в пижаме, разлила на стол остатки кофе... Шикарно!

— Бли-и-ин! — простонала Соня, когда случайно ко всем неприятностям добавился сломанный ноготь. Она раздраженно посмотрела на испорченный маникюр и выдохнула сквозь сжатые зубы воздух. — Отвратительный день.

— А у меня латынь, — присоединилась к ее ворчанию я, натягивая джинсы. — Препод сожрет прямо в одежде и без соли с перцем!

— И погода к тому же мерзкая, — кутаясь в широкий палантин, добавила подруга.

Я бросила взгляд на окно — капал мелкий дождик, а тучи заволокли небо, как... ну, как меня проблемы. Акакий Эдуардович снова нашинкует мои нервы своим фирменным "ну деточка, не волнуйтесь, недостаток ума можно компенсировать достатком хм... физическим!". Мол, милочка, не старайся, качай губы химией, а не мозги латынью — там все равно недостаточно извилин. К слову, доставалось всем: и девушкам, и парням.

Оказалась права: даже долгой тирады о студенческой безответственности, мне не разрешили войти в аудиторию. Я же опоздала всего на несколько минут!

— К концу учебы все получают... или почти все, потому что вы, милые мои, провалите

уже первую сессию. О чем там я? Выжившим выдадут диплом о высшем образовании и степень бакалавра. А вам же, госпожа Котова, диплом о коридорном образовании и степень по засыпанию, — едко произнес мужчина.

Скрипнув зубами, проглотила слова и зло подумала, что правильно его назвали. Ох как правильно! Жаль, Акакию Эдуардовичу не досталось и отчество настолько же созвучное. Глупости да, но он действительно доводит меня чуть ли не белого каления каждый раз.

Плюнув на препода и его дурацкие принципы, направилась к диванчикам. Потом возьму у однокурсницы конспект, а сейчас можно продолжить готовить презентацию по истории языков. Ноутбук я приучилась носить с собой — не знаешь, когда он может пригодиться. Вот как сегодня.

Все шло хорошо, пока передо мной не возникла тень. Внушительная такая, а ее обладатель к тому же встал чуть ли не впрыток ко мне.

— Тебе что-то надо? — не церемонясь, спросила я, оторвавшись от экрана компьютера.

Парень, явно старшекурсник, буквально "отсканировал" своим тяжелым взглядом. Накаченный, бритый налысо и испещренный татуировками, он не походил на парня-рубаху, как Игнат, и тем более не вызывал доверия. Черные рисунки опоясывали даже фаланги пальцев замысловатым узором, но особенно одно тату привлекло мое внимание. На шее, выглядывающий через вырез рубашки. Четыре цифры "2017". Год. И я очень хорошо знала используемый шрифт, наклон и стиль... Просто у Костика и Макса были такие же. Причем прямо на том участке кожи, что у парня. Только даты разные: у Макса "2012", а у брата "2016".

— Котова Екатерина? — уточнил низким, чуть хриплым голосом тип... достаточно странной наружности. Подозрительный.

— Допустим, — осторожно отозвалась я, захлопывая крышку ноутбука и засовывая его в рюкзак. Ну так, на всякий случай.

— Тебе сообщение от Макса, Екатерина. Готова выслушать?

Я приподняла брови, удивленно на него посмотрев. В бандиты не взяли и он поддался в почтальоны?

— А что если не готова? — решила спросить я.

— Тогда подожду. Мне некуда спешить, — безразличным тоном отозвался парень.

И остался стоять. Прямо передо мной. Не думая сесть или отвалить. Слов нет!

— Хорошо, только быстрее! — недовольно буркнула я.

Усмехнувшись, он холодно произнес:

— Держись подальше от Игната. Не разговаривай с ним, не шляйся по кофейням, не позволяй провожать тебя. Я предупредил!

Я на несколько секунд лишилась дара речи от подобной наглости. Какого фига Макс думает, что имеет права диктовать мне, как жить?!

— Вот как? — зло прошипела. — А теперь встречное послание: не пойти ли Картеру по самому распространенному направлению?!

— Ок, передам. Только учти: посмеешь связаться со слизняком и... В общем, пеняй на себя. — На лице с крупными, словно неаккуратно вырезанными торопливым скульптором, чертами не отразилось ни единой эмоции. — Хотя можешь и попробовать. Мне лично его слащавая морда никогда не нравилась.

— Рада за тебя, — меня чуть ли не трясло от злости. Что Картер себе позволяет?! Мне решать, с кем общаться, с кем идти в кафе и кому позволять себя провожать!

— Угу. Все, бывай, Екатерина, — и парень, развернувшись, ушел.

А я сначала смотрела ему вслед, сжимая сумку в руках, а затем достала телефон и напечатала своему главному источнику проблем сообщение:

"Костя! Что за хрен твой Макс творит?!" — отправила, нажав сначала на красных от ярости эмодзи.

"Хрен не люблю, потому не интересовался;)"

Брат всегда отвечал на мои сообщения мгновенно, даже если был занят. Мне очень импонировало то, что я всегда стояла выше его дел. А в данный момент особенно радовало.

"Он запрещает мне общаться с парнем! И грозит сделать что-то плохое. С какой стати он меня контролирует?! Картер всего лишь твой друг, мне он никто!"

"Ну, Малая, мы тебя с отцом учиться отправляли, а не шашни водить с парнями! Ручку в руки, мозги в голову и продолжай путь за корочкой."

"Костя, блин! Это слишком, не находишь? Я имею право дружить с теми людьми, которых выберу я, а не одобрит Макс! Скажи, чтобы он не вмешивался в мою жизнь."

Ответ Кости меня вывел ещё больше, чем слова того амбала-курьера:

"Иди учиться, Малая. Прекрати доставать меня из-за глупостей."

Вот как, значит?! Зло выдохнув, я решила на то, о чем потом несомненно буду жалеть. И сделаю это я не из-за того, что безумно хотела продолжить общение с Игнатом, мне на него в целом плевать, а из-за принципа. Картер не имеет права мне что-то запрещать. Бред же чистейший! Интересно, чему он воспрепятствует потом, если я промолчу? Моему дальнейшему существованию?

Посмотрев расписание "юристов", пошла искать нужную аудиторию. Подожду его у кабинета и к черту слухи. Сейчас или никогда. Надо уже поставить, наконец-то, точку в том, что происходит.

Не знаю, можно ли назвать везением то, что я нашла Макса в коридоре третьего этажа — в самом крайнем кабинете к ним должна была проходить пара. Он стоял у окон и о чем-то тихо беседовал с тем самым накаченным "курьером". Я не слышала их разговор, но отчетливо чувствовала исходящий от парня ледяной гнев. Вроде как ни один мускул не дрогнул, он казался внешне спокойным, но на самом деле... В его омуте водятся не черти, а сам Сатана.

Конечно, Картер меня заметил. Усмехнулся кончиком губ, но глаз это не коснулось — холодные, безразличные. Что-то сказал своему товарищу, и тот, бросив на меня понятливый взгляд, оставил нас одних.

— Какая тяга к знаниям, Малая, — издевательски протянул Макс. — Настолько сильная, что ты, не проучившись и месяца, уже прогуливаешь.

— Я не прогуливаю, — скрипнув зубами, ответила. — И я пришла не для того, чтобы ты мне мораль читал!

— И для чего же ты пришла? — приподнял он бровь. — Я хотел поговорить с тобой вчера, Малая, сегодня в этом нужды нет. К тому же я не в настроении. Можешь идти.

Он просто... чудовище! И в него я когда-то влюбилась?!

— Вчера не было настроения у меня, — вернула его слова я. — Так что ты выслушаешь меня, даже если... если институт обрушится.

Он, чуть прищурившись, посмотрел на меня и насмешливо кивнул:

— Хорошо. Как скажешь. Слушаю тебя.

Наши взгляды схлестнулись. Я неосознанно сделала шаг назад. И еще один. Потому что вдруг вспомнила кое-что. Внезапно открыла ту папку в памяти, которую, замотав скотчем и подписав красным маркером "табу", отложила в самую пыльную и ненужную полку.

Две тысячи тринадцатый год. Мое первое падение в бездну по имени "Макс Картер".

***

— Давай, Катюх, прыгивай быстрее, пока я не передумал, — подначивал Даня, протягивая руки.

Забор оказался слишком высоким, и я боялась, что рухну на парня и сломаю себе что-нибудь. Костик тогда нас обоих убьёт.

— Мне страшно, Дань! — скулю я, цепляясь пальцами за железные петли, торчащие из бетона.

— Не ссы, Катюха, — ржёт этот гад, — я тебя поймаю.

Я зажмурилась и отпустила петли, чтобы свалиться прямо в руки друга. Он осторожно поставил меня на землю, взял мою ладошку в свою и повёл к заброшенной стройке. Уже отсюда я видела, что на третьем этаже горел свет. Блики огня отражались от стен, а если быть ещё внимательнее, то можно услышать смех компании, что там обреталась.

Сюда Даня протаскивает меня впервые. Костик против, чтобы я ходила по подобным местам. Он считает, что могу свалиться откуда-нибудь и свернуть себе шею.

— Ты только не сдавай меня сразу, а то всё веселье обломаешь, — просил Даня, ведя по раздолбанной лестнице.

— Не буду, скажу, сама залезла. И вообще, я ненадолго. Мне только с Картером поговорить и всё.

— Лады, — отозвался он.

И мы пошли дальше. У самого входа в помещение я остановилась, чтобы перевести дыхание.

"Давай Катя, ты сможешь. Просто скажи уже ему", — подбадривала я себя.

Мое появление вызвало легкое раздражение у друзей брата, а у Кости — злость. Лишь Макс был рад мне и улыбался. У него такая красивая улыбка, что я на миг просто замираю. Хотя он весь красивый. Мне нравится в нем все: мягкие темные волосы, прямой нос, ямочка на подбородке, которая делает его невероятно милым. Еще я влюблена в его глаза — серые, теплые и добрые.

Он просто идеальный.

— Говоришь, сама залезла, Дан? — Костик переводит тяжелый взгляд с меня на друга.

Даня кивнул, сообщив, что я стала совсем крутышкой и что меня надо записать в какую-нибудь спортивную секцию. Мол, вон через какой забор перебралась.

— Малая, ты последних мозгов лишилась?! Что за выходка? Ты могла упасть!

— Но не упала же, — закусив губу, произнесла я.

— А чтобы ты поняла, насколько это опасно, тебе надо сначала упасть?! Мы сейчас же идем домой.

— Но... — я хочу сказать хоть что-то в свое оправдание, но брат перебивает:

— Никаких "но".

— Я не маленькая! И я уже могу сама решать! — насупившись, не сдаюсь я.

На помощь пришел Макс. Он поговорил с Костей и уговорил его остаться.

— И Малая права, — добавил Картер. — Она уже достаточно взрослая. Пусть посидит здесь, но за ней будет следить Даня. Раз случайно ее нашел.

Мы с Даном всегда хорошо ладили, потому он сначала отнекивался и пытался взвалить ответственность на Костю, но под его очередным мрачным взглядом сдался и весело предложил провести по их "хате" экскурсию.

Только через час мне удалось попросить Макса отойти, чтобы поговорить с ним. У меня тряслись руки, подгибались колени, но я упрямо шла к своей цели. Мне казалось, что если скажу, что если он узнает, то что-то обязательно случится. В моей голове, напичканной розовыми бабочками и сиропом, мы чуть ли не свадьбу играли.

— Слушаю тебя, — те же слова звучали и в тот день. Правда, тогда он не говорил столь холодно, от его слов не шевелились волосы на затылке и не бегали мурашки. Голос Макса хотелось слушать без остановки. Сделать себе запись и затереть кнопку повтора бесконечными нажатиями.

— Ты мне нравишься! — выпалила на одном дыхании, глядя в эти невозможные серые глаза.

Я не знала, как отреагирует Картер. Не знала ничего, кроме одно: я желаю, чтобы он знал про мои чувства. Однако я не надеялась на взаимность. Мечтала о ней, о том, что он будет моим, но и его присутствия в моей жизни достаточно.

— Ты мне тоже нравишься, Кэти, — мягко ответил Картер. — Как друг.

— Но ты мне нравишься не как друг... — мне стало стыдно, плохо и вообще, зачем я решилась признаться?!

Он улыбнулся, и все мои негативные мысли ушли, испарились в воздухе. Я улыбнулась ему, но моя улыбка увяла, когда парень продолжил:

— Ты просто еще маленькая, Кэти, чтобы понимать свои чувства.

— Ты же сам сказал Костику, что я достаточно взрослая! Ты же... — слёзы обожгли глаза, но я сдержала их. Нельзя плакать. Я не слабачка.

— Эй, ты чего? Все хорошо, — его сильные руки обняли, согревая и даруя спокойствие. — Не плачь.

— Я не плачу.

— Вот и молодец, что не плачешь. Я тогда имел в виду другое. Не чувства. Для них ты очень маленькая и еще не осознаешь, что это и как оно работает. И только не обижайся, пожалуйста.

Сжала его плечи и вдыхая его запах, спросила тихо-тихо:

— Я некрасивая?

— Что за глупости, Кэти? Конечно, красивая. Очень красивая.

— И красивее Оли? — Оля Канарейкина, наша соседка, всем мальчикам нравилась. Даже Костику, хотя он и отрицал.

— Красивее, — согласившись, повторил Картер.

И я ему поверила.

В тот раз я с готовностью поверила во всё, что он говорил. Пусть он и лгал.

Сделав глубокий вдох и сморгнув дымку воспоминаний, я расправила плечи и сделала то, зачем пришла сюда.

Посмотрев в холодные, как пропасть, глаза, сделала шаг навстречу и ткнула указательным пальцем в грудь бездушной стене по имени Макс Картер.

— Ты совсем берега попутал?! — сразу начала я с повышенного тона и принялась буквально вколачивать пальцем каждое слово в его грудь. — Не смей. Мне. Угрожать! Не смей. Мне. Запрещать. Встречаться. С парнями! Не смей. Мне. Указывать!

И с каждым этим словом холодная усмешка на губах парня, становилась всё шире, делая ямочку на подбородке ещё выразительнее.

Картер перехватил мою руку, слегка сжав запястье и отвёл её в сторону, после чего склонился, глядя прямо в душу, и тихо-тихо шепнул:

— Неприятно?

Я даже растерялась слегка, но быстро взяла себя в руки.

— Да не то слово! Ты ведёшь себя как... как...

— Как? — вздёрнул он бровь.

— Как ревнивый бандит!

Макс моргнул, затем ещё раз, а после рассмеялся. Причём рассмеялся так, будто я анекдот рассказала, хотя была зла как орда демонов перед набегом на райские кущи. После Картер прикрыл глаза ладонью и явно попытался с собой справиться. От такой реакции я зависла. Давно уже не видела, чтобы он был весёлым.

— Чёрт, Малая, ты снова это делаешь, — улыбаясь, выдал “бандит”. — Никаких намёков, я тебя предупреждал.

— Я не намекаю! — возмутилась я. — Ты действительно ведёшь себя так, будто я твоя девушка! Что значит "не общайся, не шлейся и не позволяй себя провожать"? Я понимаю, что Костик тебе лучший друг, но давай ты не будешь выходить за грань? — распалилась я окончательно, когда увидела, что Макс успокоился и сейчас внимательно меня слушал. — Я совершеннолетняя и имею полное право гулять и встречаться с кем захочу и когда захочу!

Улыбаться он перестал, но теперь там, на дне ледяного взгляда, снова трескался лёд.

— Ну, попробуй, Малая.

И я поняла, что он не шутит. Сейчас Картер говорил серьёзно, предупреждал, угрожал. Отступив, почувствовала, как сбивается от неприятного ощущения в груди дыхание.

— И что ты сделаешь?

Он шагнул ко мне и повторил, когда я снова отступила.

— Важно другое, Малая.

— Что? — делаю ещё шаг назад, но неожиданно упираюсь спиной в стену.

Макс улыбается выступает вперед и упирается ладонью в стену поверх моего плеча.

— Я тебя предупредил. Сделаешь по-своему — крепко пожалеешь.

Я хотела высказать всё, что об этом думаю, но почему-то не могла и слова вымолвить. Будто кто-то вынул из меня стержень и оставил стоять на дрожащих ногах перед сыном дьявола, который бесцеремонно подхватил прядь моих волос и намотал на указательный палец, гладя их большим пальцем.

Его действия странные. Настолько странные, что я не нахожу им логичного объяснения.

А ещё сердце стучит, как отбойный молоток, явно собираясь пробить дыру в груди.

— Поняла, Кэти? — спросил, переведя взгляд на мои губы.

Они мгновенно пересохла, вызывая желание облизать, провести языком. А ещё... а ещё я почувствовала возбуждение. Треклятое возбуждение, в котором не хотела бы себе признаваться. Оно скользило под кожей, стягивало напряжением соски, которые, наверняка, отчётливо проступали под тонкой тканью шёлковой блузки.

Это не Макс! Дело вовсе не в нём, просто я разнервничалась и... я не знаю.

— Поняла, — прошептала, хватая его за запястье, как он недавно, и отвела в сторону, высвобождая светлый локон из его захвата. — Поняла, что ты полный придурок, Картер.

Он не ответил. Да я и не ждала ничего, просто выбралась из-под его руки и быстрым шагом направилась в сторону лестничного пролёта.

— Я предупредил, — донеслось до меня ледяным тоном.

Даже не дрогнула. Пусть предупреждает, сколько ему влезет. Что он может сделать? Не убьёт же Игната, в конце концов. Хотя тот парень в татуировках одним только своим видом говорил об обратном. Что их всех связывает?

Весь день я была как на иголках. Старалась не думать о поведении Картера, потому что логика мне отказывала. Где-то внутри я хотела верить, что он смотрел на меня, как на девушку, но... Это же Макс. Парень, который за последние несколько лет прикасался ко мне исключительно, чтобы придержать или помочь.

Что я должна подумать?

Выдохнула, успокаиваясь, и сунула конспект в сумку. Хотелось поскорее добраться до общежития, сварить кофе и просто полежать час или два в тишине. И желательно, чтобы ни одной мысли в голове.

Выйдя из аудитории, направилась к стенду с расписанием, чтобы сделать его снимок. Уже подходя, заметила двух девушек, томно вззирающих на выход, где, оперевшись плечом о стену, стоял Картер и разговаривал с очередным амбалом.

— Бли-и-и-ин, он такой крутой!

Поморщилась, услышав восклицание, и полезла в сумку за смартфоном. Знали бы, какой он крутой. Лучше всю жизнь прожить с любящим ботаником, чем с от мороженным гадом. А он и есть гад. Холодная скользкая змея.

— Крутой, но лучше с ним не связываться, — поделила моё мнение её подруга. — Говорят, он всех своих пассий перед тем, как в постель затащить, ведёт в душ.

— А что в этом такого? — удивилась, как и я, блондинка.

— А то, что ему пофиг, что ты час назад там была, — фыркнула вторая девушка. — Пока не вымоешься с головы до ног, он даже не подумает к тебе прикоснуться.

Господи, что за хрень? Вокруг Картера ходят какие-то стрёмные слухи.

— И? Все соглашаются?

— Даже ты хочешь в его койке побывать. Как думаешь? Но мой тебе совет: не лезь к нему. Вспомни про Тамилову и даже не думай искать с ним интимной встречи.

Находиться здесь было уже неприятно. Он что, действительно, самый популярный парень в институте, если секс с ним обсуждают даже у стенда с расписанием?

Сделав фото, я ещё раз взглянула на выход, но Макса и его знакомца там уже не было. Переживая, что выйдя, наткнусь на него, решила уйти через боковые двери. Всё лучше, чем смотреть ему в глаза после того, что сегодня произошло. Мне моя реакция до сих пор

кажется какой-то неестественной.

Когда открыла дверь, нос к носу столкнулась с той, кого бы мне ещё долго видеть не хотелось. Тамилова зло прищурилась, но на удивление мирно отступила в сторону, позволяя пройти. Мы ни слова не обронили друг другу, но уходя, я чувствовала её взгляд, и это было крайне неприятно.

Я успела только раздеться и лечь на свою постель, как зазвонил телефон. Мне было безумно лень подниматься и искать его среди разбросанных вещей, но все же встать пришлось — рингтон звучал не останавливаясь.

— Хай, Кэти! — отвратительно бодрый голос Игната резанул по нервам. — Хав ай йю*? Если все ок, то ищи Соню и собирайся!

Я поморщилась: что-то в его обращении мне не понравилось, что-то не соответствовало ему... Понимание пришло через несколько секунд: он назвал меня "Кэти". Как Картер. Но Платонов же не мог этого знать, верно? Он просто "перевел" на английский "Катю", а я придираюсь.

— Куда? Зачем? — удивленно отозвалась я, отгоняя глупые мысли прочь.

— Как "куда"? И как "зачем"? Ма шерИ* Кати, сегодня пятница! В клуб, конечно! Будем праздновать конец учебной недели. Ты уже одеваешься?

— Не знаю, как у тебя, но у меня и в субботу пары, — я не особо горела желанием куда-либо идти, а в клуб особенно. — Прости, но давай как-нибудь потом?

— Ты отказываешься от веселья? — парень произнес фразу так, будто до этого ему сказали, что Земля кубическая и держится на не менее кубических черепахах. — Не будь занудой! Я, между прочим, ради тебя проштудировал кучу французских фраз, чтобы сразить тебя своим остроумием, а ты?

— А я говорю, что у тебя жуткий акцент, — честно произнесла я. — И правильную русскую речь слышать моим ушам все же приятнее.

— Сорри, полиглот из меня аховый, — ничуть не обиделся парень и снова принялся за свое: — Ну давай разочек сходим? Оторвемся, потанцуем, выпьем по бокальчику коктейля, а затем сразу по домам?

Предложение звучало заманчиво, но...

— Нет. Я немного занята.

На том конце провода повисла пауза.

А мне внезапно вспомнились слова Макса. "Не общайся" и "не шлейся", значит? Потому что он предупредил? Буду общаться и буду делать все, что захочу! И не сидеть же мне в четырех стенах вечно? Тем более, что бы ни говорил Костик, у меня есть право на личную жизнь.

— Это твое окончательное решение? — уточнил Игнат.

— Слушай, я передумала, — поспешно объявила я. — Поеду в клуб, диктуй адрес...

В итоге мы договорились встретиться у входа в "Космос". Платонов предложил нас с Соней подвести, но я отказалась. Сами доедем, если, конечно, она согласится.

Соседка вернулась с занятий сегодня позднее обычного. Радостная, с сияющими глазами и определённо хорошим настроением.

— Сонь, ты будто в Раю побывала, а не в институте, — хмыкнула я.

— А? — растерянно произнесла подруга с той же глуповатой улыбкой. — Да, в Ра-а-аю!

Лешик пригласил на свидание и... ну и, в общем.

Судя по ее мечтательному виду и пылающим щечкам, "и" у них случилось весьма хорошее. У меня скоро тоже "и" случится. Только с подготовкой к семинару по латыни. Обидно.

— Очень рада за тебя, — искренне сказала я, а затем решила прощупать почву: — Сонь, а в клуб не хочешь?

— К чему вопрос? — Девушка с упала на свой диван и с наслаждением прикрыла глаза.

— Сначала ответь.

— Ну, может, и хочу. Но не сегодня, наверное. А что?

Я немного помялась и, отложив учебник по фонетике, попросила:

— Пойдем со мной в "Космос", а? Буквально на часик! Пожалуйста! Нас Игнат пригласил. Потанцуем, выпьем по напитку и обратно. Давай?

— Игнат пригласил? — удивленно переспросила она. — Зачем?

— Отпраздновать выходные, — я пожала плечами. — Сходим? Мне очень-очень надо. Пожалуйста!

Соня села, озадаченно покусывая губу, и задумчиво выдала:

— Что-то мне не очень нравится эта идея...

— Мне тоже не очень, — призналась я. — Но я просто обязана побывать в клубе. Действительно очень надо.

Чисто из принципа. Что мне сделает Макс за то, что не прислушалась к его дурацким предостережениям? Да ничего! И если Картер считает, что я реально буду заглядывать ему в рот и идти у него на поводу, то он крупно ошибся.

— Сонь, выручишь? — поторопила ее с ответом.

Она тяжело вздохнула:

— Куда я денусь? И нам же в "Космос", правильно?

Я кивнула.

— Тогда отлично. Там Лешик подрабатывает по вечерам, потому можем быть спокойны.

Когда время приблизилось к часу "Х", я критически рассматривала себя в зеркало. После прошлого похода в клуб, платье одевать я отказалась наотрез. Соня посмеялась, но ничего не стала говорить по поводу джинс и белой водолазки с проглядывающим под ней чёрным бельём. В конце концов, не на свидание отправляюсь, а для дела.

До "Космоса" доехали на такси и сразу же встретились с Игнатом. Он, как и обещал, ждал нас у входа.

— Привет, Сонюшка! Привет, Котёнок! — улыбнулся парень, протягивая руку. Как выяснилось, не для рукопожатия, а для того, чтобы сразу провести нас в клуб, минуя очередь.

Внутри было, наверное, как и в любом другом ночном заведении. Басы, пробирающиеся до костей, толпа, оглушающая музыка и многочисленные блики разноцветных ламп.

Игнат сразу повёл нас к столику, где сидела достаточно большая компания, человек на пятнадцать, преимущественно парней. Мне мгновенно стало не по себе, я совсем не так представляла начало вечера, а сейчас будто окунулась в атмосферу своего дня рождения. Парень посадил нас на свободные места на кожаном диванчике и сам устроился рядом,

закинув руку на спинку над моими плечами.

— Ты уверена? — на ухо крикнула мне Соня, перебивая шум музыки. — Если не хочешь с ними, можно спуститься к бару, там Лёшик.

И это было очень заманчиво. Но я обвела взглядом присутствующих и подумала, что не все такие же подонки, как Дамир Яцушко. Мне достаточно будет просто внимательно следить за своим бокалом и не позволять к себе приближаться.

— Катя, знакомься, это мои друзья, — Игнат перечислил имена, которые я даже запоминать не стала. Зачем? Общаться с ними не собиралась, я же здесь всего на час.

— Я принесу нам коктейли, — улыбнулась Соня.

О том, что она скорее к своему Лёшику пошла, я догадалась сразу, потому не особо расстроилась. Выпивка задержится, а это значит, что я буду трезвее. Главное — не потерять подругу совсем, за её безопасность-то я уверена, а вот за свою ещё переживаю.

— Может, пока мой попьёшь? — протянул Игнат бокал с прозрачной жидкостью. — Правда, он чуть крепче тех, что подают тут для леди.

— Нет, спасибо, — отмахнулась я. — Всё нормально, я Соню дождусь.

Игнат пожал плечами и улыбнулся.

— Тогда, может, потанцуем?

А почему нет? Не сидеть же целый час. Тем более, что танцевать я очень даже люблю, да и Соня фиг знает насколько пропала.

Я кивнула парню, и, когда он подал мне руку, улыбнулась. Игнат поражал заботливостью. Вроде ничего такого, но приятно. Было в нём что-то такое, что заставляло постоянно обращать своё внимание на него как на возможного партнёра.

Он отвёл меня на танцпол и, так же улыбаясь, принялся танцевать, увлекая меня за собой. Сначала было весело, а потом... потом я, как обычно, влилась в поток музыки и её ритма. Басы проникали под кожу, вгоняя в подобие транса, заставляя забывать где я и что вокруг. Только Игнат временами выдёргивал из этого состояния, предлагая вернуться.

Когда он всё же до меня достучался, я была липкая от пота и жутко хотела пить. Попросила принести мне газировку или холодный чай. Парень понятливо улыбнулся и сходил до бара.

— Соня, похоже, и не думает возвращаться. Болтает с парнем, — усмехнулся Игнат, протягивая мне бутылку сока с трубочкой и бокал с прозрачным зелёным напитком. — Спросила, в порядке ли ты.

— А ты что ответил? — я взяла предлагаемое, но поскольку очень хотелось пить, прильнула к бутылке.

Сок оказался персиковым. Холодным и вкусным, поэтому половину я осушила практически сразу.

— Сказал, что ты развлекаешься.

Я посмотрела на время на смартфоне и поняла, что оно еще детское. Градус настроения после танцев у меня значительно повысился, неудивительно, что мне захотелось повторить. Во второй раз на танцпол Игната вела уже я.

И я просто ушла в отрыв, поймав какой-то странный кайф от танцев, от того, как расслаблены мои мышцы, от того, как проступает на лбу испарина, от того, как Игнат ко мне прикасается, когда ритм становится особенно медленным.

Я потеряла счёт времени, просто кайфовала и пила всё, что мне приносил парень, потому что не хотела его обижать. Это почему-то казалось важным.

В итоге всё слилось в какую-то кашу. Помню, как подходила Соня и сетовала, что я слишком пьяна и мне нужно домой, но Игнат настаивал, чтобы я осталась. И я осталась, прогнав Соню к её Лёшику.

В какой-то момент показалось в толпе показалось, что я выхватила взглядом на шею знакомую татуировку. Вот только на ней были другие цифры — “2019”. Я почему-то подумала, что это новенький, а потом рассмеялась в голос от бредовой мысли.

Мы продолжали танцевать и наслаждаться ночью, пока я не обнаружила себя прижатой к стене за пределами ночного клуба. Здесь не было слышно музыки, только шум проезжающих мимо машин. Напротив стоял Платонов, он что-то говорил, улыбался и протягивал мне таблетку.

— ... от головы, Кать.

И я почему-то её взяла, поверив на слово. Зачем? Голова не болела совершенно, но я положила её на язык и сделала большой глоток из бутылки, посмотрела в глаза парня и...

Он меня поцеловал. Скользнул языком в рот и ткнулся им в нёбо. Я неумело ответила и получила смешок, от которого сделалось неудобно.

Первый поцелуй? Боже...

— Отлично, Малыш! А теперь пойдём туда, — он указывает пальцем на железную дверь в кирпичной стене. Сверху была какая-то хитромудрая вывеска, которую я так и не смогла прочесть.

— А что там? — спрашиваю, не переставая улыбаться.

Мне почему-то кажется, что нам действительно будет весело. Я иду следом, держа его за руку, и очень удивляюсь, когда он вставляет ключ в замочную скважину.

— Там мои друзья, — улыбается парень. — А ещё там бильярд, мягкие диваны и куча презервативов. Мы хотим сделать сюрприз твоему другу. Ты же не против, Малая?

И меня всё устроило в его ответе, я постаралась продолжать улыбаться. Сюрприз другу? Это же здорово, на самом деле!

— Я люблю сюрпризы, — проговариваю заплетающимся языком.

— А мы любим их подготавливать, — хмыкнул парень и открыл дверь, впуская меня внутрь.

Тёмный коридор был наполнен приглушенными звуками музыки, в которую я немедленно включилась и пританцовывая направилась внутрь. Пахло сигаретным дымом и чем-то сладковатым, странным.

— Вперёд до тупика и направо, Катёнок. Тебя там уже ждут.

— Ждут? А кто? Твои друзья?

— Ага, — улыбнулся Игнат, придерживая мой локоть. — Они тебя уже давно ждут.

Я свернула направо и попала в большую комнату, в которой были расставлены бильярдные столы. У окна за столиком сидела большая компания мужчин. Они курили, пили, играли в карты. Когда я вошла, все как один обернулись.

— Это она? — задал вопрос какой-то мужчина.

Я не могла разглядеть его лица. Черты расплывались, да и вообще всё начало расплываться, а ноги перестали держать.

— Она, Трофимыч, — Игнат обнял меня за талию и прижал к себе. — Я дал ей экстази,

бухло и только что у входа седативное. Она будет послушной. Да, Кати? — улыбнулся снова парень.

И я почувствовала, как он прижимает меня к себе чуть крепче, а после ведёт к рассмеявшимся мужчинам и толкает в сторону дивана, куда я приземляюсь, больно ударившись головой о спинку.

— Посиди пока, Малыш. Сейчас мы освободимся и уделим тебе внимание.

Я понимала, что что-то не так, но вот что? В теле расслабленность, в голове каша. Мне хорошо. Так хорошо и спокойно, что даже в голову бы не пришло, что кто-то хочет меня обидеть. Не знаю, сколько я просидела, но в конечном счёте просто уснула.

Пришла в себя, когда грубые пальцы хватили меня и рвали водолазку. Неприятный смех резал слух, а еще до меня совершенно не доходило, что происходит.

— Поставь на колени. Хочу сначала сучке рот порвать, — сказал грубый голос, и меня сдёрнули с дивана на пол, стягивая лямки лифчика и хватая за подбородок.

Я не успела закричать. Будто разучилась издавать звуки, лишь хватала ртом ставший вязким и горьким кислород, испуганно вырываясь, то ли из пут сна, то ли из чужих рук.

— Что за?.. — выплюнул кто-то. Не знаю, кто. Ничего не знаю и не вижу. В глазах словно поселилась тьма — передо мной только темнота и яркие звезды, отдающиеся пульсацией в голове.

Выстрел! Настолько сильный, что кажется, я на миг оглохла. Слепла, оглохла и онемела — прямо как три обезьянки из японской мифологии. К тому же тот, кто меня держал, разжал пальцы, и я упала безвольным мешком на пол.

Или не на пол? Что там, подо мной? Бездна, что меня утягивает? Или море, в котором я тону? С берега (а с берега ли?) раздаются крики, возня, мат, еще один выстрел, эхом звучащий у меня в ушах, и я сжимаю их непослушными ладонями.

Я силюсь открыть глаза, но не получается, точно они склеенные суперклеем.

— Кэти, слышишь меня? — когда почти тону, кто-то сильный вытаскивает меня. Отбирает у волн, что хотели меня захлестнуть и укрыть собой. Очень сильный, родной, пахнущий дымом и зимней стужей. — Кэти, твою мать!..

Перед тем, как омут захватил меня полностью, я все же смогла разлепить глаза. И увидела до боли знакомую татуировку. Цифры, собранные в дату "2012". Так близко, очень близко...

А после только голоса. Нечеткие фразы пробирающим до костей голосом Картера.

— Все целы? Серёг, унеси её в машину и смотри, чтобы... дальше мы сами.

И меня снова утянули воды тёмного омута. Закрутил в водоворот, завязал в тугой узел и притянул на самое дно.

— Найди его. Мне мало раздавить его шавок, я хочу разобраться. Он перешёл все границы, — раздался ровный голос Картера. И почему-то говорил он мне в макушку.

Я шевельнулась и попыталась открыть глаза, но те сами собой слипались. Чувствовала я себя при этом странно, будто все ещё была на грани.

— Какого хрена вообще? Почему её в клубе новичок обнаружил? Где Поль?

— Поль не успел связаться. Охрана говорит, его скрутили на входе, — доносилось до меня приглушенно. — Катю Толик обнаружил чисто случайно, он её пару раз всего видел, а тут на танцполе наткнулся на них с Игнатом. Когда сообщил нам, Платонов уже выводил её

из "Космоса", а Толик повёл их до притона.

— Поль?

— Убрали они его, Макс. Крым поехал тело забирать из какой-то подворотни. Трофимыч сказал, что Арбат отдал чёткие распоряжения. Катю должны были выбросить утром у института.

— С-сука... Найди мне его, Саня, — выдавил Картер, и я ощутила угрозу. Жуткую холодную угрозу.

— Мы найдём, Макс, — донеслось все так же приглушенно. — Что с Катей? В больницу?

Завозилась, пытаюсь высвободиться от крепких пут, но меня только сильнее сжали. А виска коснулось горячее дыхание, когда Картер ответил:

— Нет, позвоните Ларкину. Пусть приедет и осмотрит.

Попыталась ещё раз открыть глаза, и передо мной на миг возникли знакомые губы.

— Макс? — позвала сиплым голосом, сразу же расслабляясь. Во рту и в глазах было сухо, как в пустыне.

— Тише, Малая. Спи. Тебе сейчас надо спать.

И я послушалась, почему-то считая, что это важно.

Следующее пробуждение было неприятным. По глазам резанул яркий свет. Я вдохнула и тут же отпихнула от себя руку, что лежала на моем лбу.

— Что она принимала?

— Сначала ей подмешали экстази в сок. Кристаллическая форма, один грамм. Затем алкоголь, а через два часа дали дозу седативного.

Я с трудом разлепила глаза и уставилась на размытое лицо мужчины. Голова нещадно кружилась и любая попытка пошевелиться была адски тяжёлой.

— Я поставлю капельницу, чтобы вымыть токсины из организма. Но ты должен следить, чтобы она не вырвала иглу, — врач замаялся на мгновение, но потом все же сказал: — В идеале нужно её в больницу привести и обследовать.

— Не могу я её в больницу отправить, Стас. Это вызовет лишние вопросы. Ставь капельницу, я прослежу. Сколько она будет спать?

— Долго, Макс. Может, часов двенадцать, может, сутки. Что ей дали? Феназепам?

— Не знаю, сказал, таблетку седативного. Понятия не имею.

Я всё ещё пребывала в какой-то прострации. Будто была, но меня не было. Потянулась к мужчине и схватила его за руку. На миг черты лица прояснились и я увидела то ли старика с лицом молодого парня, то ли наоборот.

— Я хочу пить, — прохрипела, чувствуя, как сушит глотку.

Практически мгновенно у моего рта оказался стакан с прохладной водой. Кто-то придерживал за шею, чтобы мне было удобно, и держал стакан. И я пила, пила, пила...

— Ложись, Кэти.

Послушно легла и прикрыла глаза. На внутренней стороне век рисунком отразилось тревожное выражение лица Картера. Улыбнулась, посчитав это чем-то интересным. Макс и тревога на лице...

— Забавно, — усмехнулась я. — Ещё бы расплакался, с удовольствием бы посмотрела.

Картер пла-а-ает.

— Она под кайфом, — донеслось до меня как сквозь вату. — Через пару часов пройдёт. Вряд ли она будет помнить о произошедшем, постарайся не шокировать, ладно?

И я снова погрузилась в тёмный омут внутренней пустоты. Она жадно обнимала меня, не позволяя всплыть на поверхность. Ласкала шершавыми пальцами виски щёки, губы и нашептывала, что больше никогда и никому не позволит меня обидеть. Убьёт любого, кто осмелится. Любого, кто об этом даже просто подумает.

---

*Have are you? — "Как дела?" (Англ)

*Ma chérie — "Моя дорогая" (Фр)

Приходить в себя было жутко: всё тело ватное, глаза открывать не хочется. Мне вообще казалось, что я камень на пуховой перине, который невозможно поднять. Что я продавливаю собой мягкую поверхность до самого дна.

— М-м, — простонала, пытаюсь повернуться, но меня неожиданно резко сжали.

Бок, где саднило сильнее всего, был придавлен массивной рукой, которая обнимала меня под живот. Нащупала чужое запястье и попыталась его от себя отодрать, судорожно соображая, где я и какого вообще чёрта тут происходит. Открыла глаза и посмотрела по сторонам, не узнавая помещение.

Большая спальня в чёрно-белых тонах. Из мебели, что удалось разглядеть, только шкаф-купе напротив и тумбочка у стены в ногах. А на стене над ней висел огромный телевизор, что в данный момент очень тихо вещал новостной канал. И картинка, которая разворачивалась там, мне не нравилась. Трупы. Много трупов, чьи изувеченные тела были размыты пикселями. И напугало меня это потому, что мелькнул кадр с вывеской над входом в помещение. Не знаю, откуда, но я её помню. И даже звук проворачивания ключа в замочной скважине тоже помню, будто только что кто-то открыл эту дверь.

Я опустила глаза вниз, где чужая рука обнимала мой живот и обратила внимание, что кожа на костяшках содрана, припухла и вообще выглядела так, словно её обладатель раз за разом колотил стену.

И кто он вообще? И что я здесь делаю? Как сюда попала? Заторможенные вопросы всплывали в сознании один за другим, не позволяя снова отключиться от реальности. Всё новые и новые детали моего положения представляли перед глазами. Например, рубашка, переброшенная через спинку стула. Я видела на ней крупные капли крови, штрихи, мазки, будто неизвестный художник создавал шедевр, но бросил работу, не пожелав увидеть конечный результат. Чёрные брюки валялись на полу кучкой откинутой ткани. На прикроватной тумбочке мужские механические часы с известным логотипом. На браслете тоже виднелась засохшая кровь. Их вытирали, но действие не уберегло холодный металл от разводов.

А ещё я была голая. То есть не совсем, в нижнем белье и чужой футболке, пахнущей ополаскивателем, но всё же голая...

Очередная попытка повернуться не принесла результата, и тогда я вдохнула и просто попросила:

— Отпусти.

Парень неожиданно резко прижал к себе, и я ощутила его твёрдую грудь. Он зарылся носом в мои волосы и глубоко вдохнул.

Почему-то в этот миг представила, что меня обнимает Игнат, и содрогнулась всем телом. Я пришла в клуб с ним. В голове пронеслись кадры, как мы танцевали и пили. Неужели я так надралась, что пошла к нему домой? Почему? Я же не хотела пить. Совсем. Мне нужно было только узнать, что сделает Картер, когда ему станет известно.

Сейчас уже припоминаю, что после выпитого сока мне стало неожиданно легко и хорошо. Слишком хорошо, чтобы то были натуральные ощущения.

— Отпусти, — повторила хрипло.

— Пришла в себя, Кэти?

Голос Картера был тихим, но этого хватило, чтобы в моей голове случился взрыв атомной бомбы, сравнимый по масштабности с той, что упала на Хиросиму.

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться. Развернуться. Убедиться, что это галлюцинация, но парень так и не выпустил, продолжая крепко прижимать к себе. Да и мне не хватало сейчас сил на нормальное сопротивление.

— Угомонись, Малая. Ты тут почти сутки безбожно в подушку мордашу свою давила. Мы устали за тобой следить. Давай без истерик.

— Что случилось? — просипела я, прекратив. Просто поняла, что бесполезно, он держал меня стальной хваткой. Сейчас важно было узнать о событиях прошлой ночи.

— И без вопросов, — выдохнул в мои волосы, отчего по спине поползли мурашки. — От тебя отвратительно пахнет сигаретами, Кэти. Я просто ненавижу, когда от тебя пахнет чем-то подобным, — он разжал руки и позволил мне подняться. — Иди в душ.

— Что? — я всё ещё чувствовала себя как-то заторможенно. Будто мозги постоянно куда-то плыли, утягивая за собой разум.

Развернувшись, уставилась на Картера. Он лежал на боку, подложив руку под голову, в спортивных штанах, но с совершенно голым торсом, на котором...

Нет, смотреть на это не было ни сил, ни желания.

— Иди в душ, говорю, — он снова прищурился, одарив меня “убийственным” взглядом. — Я сделаю тебе чай покрепче, а потом увезу в общежитие. Соберёшь вещи и домой на остаток выходных.

— Но...

— В душ! — отрезал Картер. И в его глазах вновь начал трескаться лёд.

Я бы, конечно, с ним поспорила, но у меня не имелось никаких сил на это. Нашла в квартире душевую, закрыла дверь на замок на всякий случай и открыла вентиль с горячей водой. Я действительно вся была липкая от пота, да ещё и сальные волосы пропахли сигаретным дымом, как и говорил Макс.

Стащила с себя его огромную футболку и бельё, встала под горячие струи и уплыла в мир наслаждения. Вода приятно ласкала кожу, успокаивала, приводила в чувства. Нежится под струями воды было так же приятно, как танцевать.

Танцевать...

Зажмурилась, когда вспышкой в сознание влетело воспоминание о том, как Игнат прикасается ко мне во время танца. Как бит молотком бьёт по вискам, как улыбается парень, как и я, подчиняясь ритму ночи. Потом протягивает один за другим сначала бокалы, потом шоты с чем-то крепким.

"— Да, Малышка, пей... Сегодня нам будет весело!"

Жмурюсь, силясь вспомнить что-то ещё, но в голове лишь вязкая пустота.

Что же произошло? Почему я оказалась у Картера в кровати? Игнат действительно мне что-то подмешал? В сок? Или в тот коктейль, который я выпила намного позже? И подмешивал ли?

Протянула руку к полке с гигиеническими средствами и замерла, увидев только один пузырёк с женским гелем для душа. И он был с моим любимым ароматом. Ароматом

инжира...

— Крутой, но лучше с ним не связываться. Говорят, он всех своих пассий перед тем, как в постель затащить, ведёт в душ.

— А что в этом такого?

— А то, что ему пофиг, что ты час назад там была. Пока не вымоешься с головы до ног, он даже не подумает к тебе прикоснуться.

Черт! Что за глупые мысли лезут в голову? Картер никогда, даже если хоть двадцать раз приму душ, ко мне не притронется. Я ему не интересна как девушка, о чем он сообщил открыто в день, когда признавалась ему в любви в последний раз. Я просто сестра его друга, малявка, та, которой он вытирает слёзы и дарит платки.

Действительно глупости. А "вкус" геля — всего лишь совпадение. Может, его выбирала... девушка? Любовница? Вдруг поняла, что ни разу не видела его девушек. За Максом волочилась разве что Тарзан, к ней все привыкли, но больше никого.

Тряхнула головой, прогоняя непрошенные думы, и продолжила водные процедуры. Наспех вытеревшись и надев снятые вещи обратно за неимением других, глянула на себя в зеркало. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, которые сейчас делали еще более заметными потемневшие от воды волосы. Красавица, слов нет.

Что же произошло?..

Вопрос вспыхнул новым воспоминанием, которое, словно, отчего-то размытые, кадры старого кино, пронеслось мимо.

"Моего лба касается чужая ладонь, которую я, даже сквозь пелену слабости, скинула.

— *Что она принимала? — мужской незнакомый голос. Кажется, это была его рука.*

— *Сначала ей подмешали экстази в сок, — только кажется, что Картер спокоен, на самом же деле скрывает подо льдом необъятную ярость. — Кристаллическая форма, один грамм. Затем алкоголь, а через два часа дали дозу седативного."*

Я пошатнулась и упала бы, если бы не ухватила за раковину. Сжав виски похолодевшими пальцами, пытаюсь выловить из памяти еще один кусочек пазла, но не могу. Мы пошли в клуб, Соня ушла за напитками, Игнат пригласил потанцевать, потом он же протянул мне сок, который передала подруга, сообщил, что она со своим парнем, и дальше тупик. Пустота, в которой летают обрывки фраз, сияющие, будто неоновая вывеска.

Вывеска? Ключи и...

Раздался стук в дверь, и я вздрогнула от неожиданности, обернулась, испуганно озираясь.

Тоже дверь. Выстрел. В клубе??

— Кэти? Все в порядке? — раздался голос Картера.

Я кивнула, а потом только поняла, что он не видит, и произнесла:

— Да, сейчас выйду.

— Я жду тебя на кухне, — бесцветным тоном отозвался он.

Снова кивнула и бросила последний взгляд на зеркало. Что же произошло дальше?..

Кухня, как и остальные помещения в квартире Макса, тоже была просторной и выполнена в бело-черных оттенках. Только в отличие от спальни, она более необжитая, полупустая и чуть ли не стерильно чистая.

— Садись, — Картер указал на высокий стул. Сам он стоял у плиты и что-то жарил.

Я прошла и села за барную стойку, где уже стояла кружка с крепким красным чаем и

стакан воды, при этом как можно ниже оттягивая края футболки, чтобы прикрыть обнаженные ноги. Факт моей почти что наготы немного... напрягал.

— Слушай, а моя одежда... — начала я, обняв ладонями чашку и согревая таким образом пальцы.

— Джинсы найдешь в шкафу, — Макс, за движениями которого я пристально следила, взял с полки две тарелки. Так как он до сих пор ходил с обнаженным торсом, то я отчетливо видела, как перекатываются под кожей стальные мышцы.

— А водолазка? — мой голос немного охрип.

Он ответил не сразу. Сначала переложил на тарелки омлет с зеленью, поставил одну порцию передо мной и, скользнув по мне холодными глазами, сказал:

— Походишь пока в моей футболке. И ешь. Поговорим после завтрака.

Я хотела было возмутиться, но тут заурчал от голода желудок. Решив, что время на разговоры еще будет, взялась за вилку. Кроме голода, мною двигал интерес: умеет ли Картер готовить? Судя по запаху, умеет и очень даже ничего.

Однако я успела съесть лишь пару кусочков, когда почувствовала его взгляд. Пристальный, обжигающий горячей стужей и пробирающий до костей.

Я не сумела расшифровать, с какими он эмоциями смотрит на меня. Лицо спокойное, разве что скулы немного напряжены, а взгляд... Загадка. Лед, пламень и дикий ураган — пугающий, темный, сметающий все на своем пути. Что они значит? Ненависть? Только почему? Что я ему сделала? Неприязнь? Раздражение? Последнее подходило больше всего. Ему, скорее всего, просто надоело нянчиться со мной.

Боже, у Картера же своя жизнь, свои порядки и планы, а тут я! Стало очень стыдно и неловко. Настолько, что захотелось просто исчезнуть отсюда, провалиться под землю. Что угодно, лишь бы убраться от удушьящего ощущения, состоящего из стыда и жалости к себе.

— Понимаю, что раздражаю тебя. Только можешь, пожалуйста, не показывать это так открыто? Мне неприятно, — сжав столовые приборы в пальцах до легкой боли, попросила я и поднялась. Аппетит пропал напрочь. — Я сейчас уйду. Спасибо большое за гостеприимство и помощь, я тебе очень признательна и...

— Стоп, — перебил меня Макс. — Никуда ты не пойдешь. Сядь обратно и ешь.

— Не хочу, — твердо ответила я, сделав шаг назад.

Парень зло выдохнул и прошелся ладонью по волосам, словно успокаиваясь, а затем сказал:

— Кэти, я тебя не выпущу, пока не поешь. Сядись. Быстро! — оглядел меня с ног до головы потемневшими глазами и добавил: — И ты меня не раздражаешь.

— Сяду, если ты обещаешь рассказать, как я оказалась у тебя, — нашла я.

— Окей, постоишь, — Картер принялся есть свой омлет как ни в чем не бывало. — Можешь даже в угол себя поставить. Тебе как раз будет полезно.

Я ошарашенно на него посмотрела. Издевается?!

— В угол?! Полезно?!

— Да. Подумаешь о своем поведении.

И я просто не выдержала:

— О своем поведении ты подумать не планируешь? Надо бы!

— Я, в отличие от некоторых, совершаю только обдуманные поступки, а не лишь бы назло кому-то. — Макс швырнул вилку на стол и сжал в руках стакан с водой. Не сильно, но

мне почудилось, что раздался треск.

— А я, в отличие от некоторых, не диктую всем, как жить! — вспыхнула я. Понимала, что в чем-то Макс прав, но... Но одно дело сказать, что человек опасен и предоставить доказательства, а другое — просто запретить общаться. Я очень благодарна Картеру, потому что даже те отрывки воспоминаний, которые мне подкинула память, говорят — все было хреново и он меня спас, привез к себе и вызвал врача. Я безумно благодарна, однако что-то не дает мне расслабиться. Вероятно, то, что Макс сам как бомба. Неверный шаг, неверное слово, и произойдет взрыв. Как в тот раз с безобидной шуткой, а сейчас я не готова огрызаться и давать отпор. Иголки, что меня защищали, слезли и пока новые не выросли, и я буквально чувствую себя беззащитной. Пустой.

— Ты невыносима, — парень сжал челюсть и глубоко задышал, чтобы успокоиться, потер ладонями лицо.

— А ты... — я только открыла рот, но произнести гадость, что крутилась на языке, не успела. Макс рывком преодолел разделяющее нас пространство, заставив отступить, пока я не уперлась спиной в столешницу.

— Буду учить тебя правилам поведения, — опаливая своим дыханием кожу, сказал он, запечатывая меня между своим телом и кухонным островком.

— Что?.. — голос предательски сел, а в горле пересохло.

Его рука скользнула по моей шее вверх, обхватила затылок, приподнимая голову.

— Правилам поведения и послушания, — повторил Картер. — Слушай внимательно, Кэти, и запоминай...

В знак протеста я успела сделать только короткий вдох, когда повела плечом, пытаюсь избавиться от его руки.

— Правило первое: с этого дня в твоей жизни не будет никаких парней, — он на миг сильнее сжал челюсти, видя что мои губы растягиваются в насмешке, прищурился. — И только попробуй...

Но я перебиваю, даже слушать не желая:

— Плевать я хотела, на твои правила, Картер! — пихаю его в грудь, чтобы убрать с пути, но сдвинуть его, оказывается, не так-то просто. — Уйди!

Упираюсь уже двумя руками, чувствуя под пальцами стальные мышцы, но он неожиданно наваливается, прижимая сильнее к столешнице, хватая за подбородок и заставляет разглядывать рисунок ледяной корки на дне его глаз.

— Правило второе: ты пишешь мне сообщение каждый раз, когда куда-то собираешься. В кафе, библиотеку, к подруге. Каждый раз.

— Да иди ты! — снова дёргаюсь я, стремясь вырвать собственный подбородок из цепких пальцев. — Макс, ты совсем охренел? Я Костику расскажу!

Но по его губам вдруг ползёт ухмылка, от которой мне становится не по себе. Она холодная, жёсткая, самоуверенная и злая.

— А ты расскажи, Малая. Расскажи, как ночью в клубе один знакомый, от которого я пытался уберечь, подсыпал в твой напиток наркоты. Расскажи, как под кайфом ты напилась, а потом ушла с ним на улицу, где благополучно приняла ещё один наркотик. Расскажи, как из-за тебя едва не убили человека. Моего человека, Кэти, который сейчас лежит в реанимации, и я не знаю, выживет он или нет. Можешь вскользь упомянуть, что тебя чуть не изнасиловала толпа мужиков, когда другая толпа пыталась прорваться в помещение, где всё происходило, — он резко сжал пальцы на затылке и дёрнул вниз, вынуждая задрать голову.

Сам же склонился, взглядом проникая в душу. — Ах, да... не забудь сказать ему, что всех злодеев наказали. Семь трупов, Кэти. Семь жизней, которые пришлось забрать только из-за того, что тебе взбрело в голову пойти мне наперекор, — я смотрела на него распахнутыми глазами, не веря собственным ушам. — А также не забудь сказать, что чуть не откинулась от интоксикации. Я знаю, ты ничего не помнишь, но не думай, что я позволю тебе делать вид, что всего этого не было. Достаточно того, что обо всём прекрасно помню я.

Он ждал ответа, переведя взгляд на мои раскрытые губы, но поняв, что я собираюсь и дальше молчать, потрясённо переваривая информацию, разжал пальцы и резко отстранился.

В голове зашкварчали мысли. Я схватилась за столешницу, пытаюсь устоять на ногах, и смотрела на Макса, который с каким-то нечеловеческим равнодушием сел обратно за стойку и принялся доедать омлет. Мне же сейчас любой кусок поперёк горла встанет.

Получается, Игнат меня всё же опоил и... Господи, жуть какая. Какой же надо быть дурой, чтобы дважды попасться на один и тот же трюк? Видимо, непроходимой.

Твою мать!

Я же не ожидала от него! Он же таким хорошим парнем прикидывался. Даже Соне не поверила, когда та сказала, что он мутный и девушка у него... Зажмурилась, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

Что я ему сделала? Мне казалось, я ему нравлюсь. Казалось, что пройдёт ещё немного времени и, может быть, я почувствую к нему тоже, что когда-то чувствовала к Картеру... А в итоге всё вылилось в...

Он сказал, они убили семерых? Убили?!

Я замерла, забыв, как дышать. Кто они? Почему Игнат это сделал?

Перед глазами поплыли "картинки" с татуировками годов на шеях различных парней. Картер, Костик, Даня, Саня, ещё несколько не очень близких знакомых, случайно увиденные мной гости в доме Макса, парни в институте...

— *Еще парни считают, что он из одной из группировок. Ну, бандитских.* — всплывает в голове голос Сони.

Стало плохо до головокружения, ноги задрожали, руки ослабли, а в глазах запрыгали мушки. Неужели я так много не замечала? Или не хотела замечать? Все эти странные разговоры про семью, которые Костик прекращал при моём появлении, про разборки или ещё что-то в том же духе. Я прекрасно помню, как они смотрели на меня, когда я появлялась на горизонте. Была раздражающим фактором, при котором все умолкали. И ведь никто даже не пытался прогнать, просто ждали, когда сама уйду, а если не уходила, то и не настаивали никогда.

— Те люди... — просипела я. — Почему вы их... За что?..

— Они перешли границы, — ответил, не оборачиваясь. — Больше никаких вопросов, Малая. Если не хочешь есть, иди одевайся и поехали.

Но ни есть, ни, тем более, куда-то ехать, я была не в состоянии.

“Они перешли границы” — эхом звучало в голове, пока мозг лихорадочно вытаскивал информацию из огромной пропасти под названием память.

Бандитские группировки есть ни что иное как сборище самых отъявленных негодяев. Они способны калечить, убивать, насиловать, похищать, вымогать... Они не знают жалости, у них свои честь и закон, свой кодекс. Перед глазами плывёт реальность заволакивая совсем другой картинкой. Воспоминанием, которое я хочу навсегда в себе задавить.

Слова Сони продолжают крутиться в моей голове, и я вспоминаю Тамилу. Вспоминаю синяк на скуле Леры, Дамира и новость о том, что он в коме. Вспоминаю фразу Маси, что Николаю выбили все зубы. Вскидываю взгляд на Макса и смотрю на сбитые костяшки... и снова вспоминаю, как у меня дома он прятал её под стол от моего взгляда.

— Макс, — зову хрипло, чувствуя, что мне не хватает кислорода. Я задыхаюсь от понимания. От осознания. Картер оборачивается и приподнимает бровь на бесстрастном лице. — Ты бандит?

Вопрос прозвучал осторожно и тихо. Я уже знала ответ, но хотела, чтобы он сам мне это сказал.

Он снова отвернулся и продолжил есть.

— Знаешь, Кэти, я всегда удивлялся твоему умению закрывать глаза на очевидные вещи, — Катер отпил воды из стакана и поставил его обратно. — Удивлялся, восхищался и без зазрения совести это использовал, поскольку понимал, что до определённой поры, до некоего толчка, ты будешь упорно думать, что всегда знала правду.

— Что ты имеешь ввиду? — задала я резонный вопрос.

Картер раздраженно отшвырнул вилку, поднялся и снова направился ко мне.

— Я сказал никаких больше вопросов! — он схватил меня за запястье и потянул в комнату, не обращая внимания на мою попытку вырваться.

— Отпусти! Макс! Что ты делаешь?

Продолжая держать, подошел к шкафу, вытащил оттуда мои джинсы и швырнул их на кровать, после чего развернулся ко мне лицом и начал медленно наступать, заставляя пятиться. Я не смела поднять взгляда выше его мощной груди. Знала, что там, наверху, бушует ледяная ярость.

Мне отчего-то становилось страшно. Это чувство закипело в груди и осело внизу живота. Отравило сладкой горечью, ударило в горло и выплеснулось в сиплое:

— Я оденусь, — сказала почти шепотом, — оденусь.

С секунду ждала ответа, но вместо него Картер протянул руку и толкнул меня назад. Споткнувшись о край кровати, упала в её мягкие объятия. Парень же встал коленом на матрас между моих ног, наклонился, вглядываясь в глаза, и упёрся руками в кровать над плечами, слегка касаясь их запястьями.

— Лучше не беси меня, Кэти. Мною сейчас владеет только одно желание, которому я устал сопротивляться, — он посмотрел в мои глаза, перевёл взгляд на губы и выдохнул: — Я просто неистово хочу тебя... придушить.

Я вспыхнула мгновенно. Придушить, значит? Ладонями уперлась в его горячую грудь, пытаюсь оттолкнуть, но ничего не вышло. Он лишь склонился ко мне еще ниже.

— Отпусти! — получилось отчего-то тихо.

Макс так близко, что я чувствую его дыхание, тяжёлое, словно он пробежал марафон, и вижу отчетливо татуировку на шее. И эта близость странно действует на меня. Обжигает огнем кожу, собирается в жаркий клубок в животе, причиняя сладкую и одновременно горькую истому.

Татуировка. Четыре цифры, что собираются в дату...

— Что она означает? — вопрос вырывается нечаянно. Слова в голове перепутались, смешались в вязкую кучу, из которой я не сумела собрать "слезь с меня" или какую-нибудь колкость на его грубость.

— Что?.. — прохрипел Картер с удивлением.

Я машинально облизнула высохшие губы и ответила:

— Тату. Что означает дата?

Моя рука, подчиняясь какой-то неведомой силе, но точно не моей воле, скользнула по его напряженному торсу вверх, пальцы коснулись участка на шее, испещренного чернилами, погладили, обвели двойку...

Господи, что я творю?!

Реакция Картера была мгновенной! Я даже не успела отдернуть ладонь, как он накрыл меня собой и бросился на мои губы. Рыкнул, сжав мои бедра и жадно их поглаживая.

Я замерла, и время тоже будто застыло тягучей патокой. Пара секунд слияния растянулись на невыносимые минуты, которые обрубил сам же Макс. Отшатнулся от меня, как от прокаженной, выдохнул сквозь стиснутые зубы воздух и вылетел из спальни, хлопнув дверью. А я осталась. Растерянная, с горячей кожей после произошедшего, недоумевающая и... желающая продолжения. Я попыталась убить в себе последнее, раздавить злостью и стыдом, но ничего не вышло. Чертово вожделение никуда не ушло.

Что это, мать его, было?!

То, что он сделал, даже поцелуем сложно назвать. Просто прикосновение губ, столкновение двух разных вселенных. Мимолетное, резкое, дикое и очень быстрое, чтобы назвать его чем-то большим, кроме как ошибкой.

Только почему у меня пойманной птицей бьется сердце? А дыхание никак не приходит в норму?

Села на кровати, поджав ноги, и коснулась рта. Губы горели, щеки пылали, а в голове царил полный беспорядок. Мысли мельтешили туда-сюда, мешая мне сосредоточиться и осознать, что...

Меня чуть ли не поцеловал Картер?!

Сама фраза казалась чистейшим бредом. Оксюмороном. Чем угодно, но не реальностью. В моей реальности я не сидела в квартире Макса в его футболке, не ела приготовленный им омлет и не пила чай, тем более не просыпалась с ним на одной постели и он не вел себя... так. Или я сплю, или наркотики до сих пор не "выветрились".

Ущипнула себя за запястье. Больно. Не сон.

Натянув джинсы и немного похажив по комнате в нерешительности, я забрала с тумбы свой телефон и выглянула из спальни. Запах сигарет услышала сразу же. Аромат горьковатого дыма до меня донес ветерок, ворвавшийся из настежь открытого окна кухни. Макс стоял, вглядываясь в ночную мглу, освещенную луной, оперевшись на подоконник и курил.

Каким-то невероятным образом он почувствовал мое приближение и спросил бесцветным, холодным голосом:

— Готова?

— Да, — я направилась к стойке и взяла кружку с остывшим чаем, чтобы осушить несколькими глотками. И вместе с жаждой я запила мешок ненужных вопросов и все те слова, которые не находили выхода.

Парень потушил сигарету, бычок отправил в пепельницу и, даже не коснувшись меня взглядом, прошел мимо.

Еле скрывая раздражение, с отчетливо слышным стуком поставила на стол чашку и уселась за стул. Включила смартфон и удивленно ахнула. Вечер субботы, куча сообщений от брата и Сони.

Черт!

Дрожащими пальцами открыла диалог с Костиком и выдохнула с облегчением, прочитав его письма:

"Эй, Малая, ты что, обиделась?"

"Не дуйся, Катюха, а то ты становишься похожей на объевшегося бурундука"

"Ну вот и молчи, обижуська. И я тоже буду молчать об одном очень интересном сюрпризе;P"

Если бы он узнал о произошедшем... Мне даже сложно представить, что бы он сделал! Одно понимала точно: мне крупно влетит.

"Я уже не обижаюсь. Колись давай, что за сюрприз?" — напечатала я в ответ.

Ответ, как и всегда, пришел достаточно быстро:

"О, кого я вижу! Точнее, читаю. Так и знал, что сюрприз — это очень даже волшебное слово. Но я ничего не скажу. Ты опоздала))"

Вот... Костя Котов. Слов нет.

"Я говорила, что ты меня бесишь?))" — написала с улыбкой на губах.

"Неа. Я даже успел соскучиться по твоим чистосердечным признаниям"

Моя улыбка теперь могла посоперничать с улыбкой Чеширского кота. Костя такой Костя. Одним словом может вывести меня из себя, а вторым успокоить и развеселить. Я словно сбросила все проблемы и плохие мысли, очистилась и остыла.

"Специально для соскучившихся: ты меня бесишь, но так и быть, беси дальше. С тобой жизнь дурнее, но не настолько гадость как обычно"

Я только успела отправить сообщение, как телефон у меня просто вырвали из рук. И, Макс, который кое-как умудрился неслышно подойти ко мне со спины, до отвращения спокойный и холодный, как айсберг, принялся читать МОЮ переписку!

— Что ты творишь?! Отдай! — поднявшись, попыталась отобрать гаджет обратно, но он меня просто-напросто скрутил одной свободной конечностью и продолжил листать

послания. Я не сдалась и сделала очередной рывок, из-за чего оказалась еще и прижатой к ближайшей стене. Волшебно!

— Тише, Кэти, ты ведь знаешь, что я все равно завершу начатое, — мое возмущение проигнорировали.

— Ты идиот! — прошипела, вырываясь. — Я переписывалась с Костей! С братом-то мне хоть можно общаться?! Или он, как человек противоположного пола, тоже относится к твоим глупым правилам?!

Я хотела пробудить совесть Макса, но совершенно забыла, что у него ее никогда и не было. Атрофировалась за ненадобностью давным-давно.

— Да ты просто... просто... — я в шоке. Даже Костик, каким бы бесцеремонным не был, ни разу не позволял себе подобного.

— Давай просто не будем? — парень вышел из диалога с братом и принялся читать сообщения Сони.

Зло на него посмотрела и сжала зубы, чтобы уменьшить соблазн взять и укусить его. Мало ли, вдруг паранойя и тупость передается через подобный контакт? Но зачем ему это надо?

— Слушай, — я поерзала, чтобы стало удобнее прислоняться к стенке, — ты к врачу, что ли сходи, Картер. Что-то часто ты начал опираться на меня. Я, может, не в восторге от того, что...

На меня посмотрели так, что я моментально замолчала. Окей, мне не сложно. К тому же он уже вышел из мессенджера и отчего-то зашел в контакты и стал набирать номер.

— Что ты делаешь?

Мой вопрос, конечно же, остался без ответа. Картер закончил вводить и сохранил, подписав своим именем.

Что?! Он вбил свой номер телефона?!

Я открыла рот, но не успела и слова произнести, как Макс отпустил меня, вручил мне мой смартфон и сообщил мне холодно:

— Куда бы не пошла — отписываешься мне, что-то надо — звонишь. Понятно? И только попробуй слать свои признания, Кэти...

Я отошла от него подальше, засунула гаджет в задний карман и мрачно пообещала:

— Сегодня же удалю контакт и добавлю в черный список. Превентивные меры, чтобы не начать со скоростью света строчить тебе дифирамбы.

— Я тебя предупредил!

Я закатила глаза и фыркнула:

— Вот и скажи потом, что я к тебе пристаю. Все в прошлом, Макс, ты мне больше не нравишься. Нет, даже не так: ты меня бесишь.

Картер двумя пальцами схватил мой подбородок и криво улыбнулся:

— Ты, Малая, можешь сколько угодно врать и говорить, что всё в прошлом, но твой взгляд всегда утверждает об обратном.

— Ладно, считай как хочешь. — Качнула головой, сбрасывая его руку, и напонила: — Мне надо в общагу до полуночи, а то карета превратится в вокзал. То есть ночевать придется на улице.

— Я тебя отвезу домой, — парень спрятал ладони в карман черных джинс, на которые сменил домашние штаны. К слову, он наконец-то натянул футболку, а то его полуобнаженный вид меня... напрягал. — Но сначала в общежитие, где ты переоденешься и

возьмешь необходимое.

Конечно, отличный план, если бы не один нюанс:

— А ты не думал, что я решаю, ехать мне домой или нет? Ну хоть на минуточку задумывался?

— А зачем? — широко ухмыльнулся Картер. — Сама ты жить без проблем не можешь, поэтому с сегодняшнего дня за тебя решаю я. А я решил, что ты проводишь воскресенье в Подольске, а в понедельник я тебя привезу обратно. Сам. На машине. Заеду за тобой. Точка.

Если до этого времени я наивно предполагала, что искусством выводить меня из себя владеет на совершенном уровне Костик единолично, то сейчас пришло понимание: да его придирки в подметки не годятся тому, что что творит его друг. Больше всего, после семьи, я дорожила своей свободой, а он... Он же играет мною, как безвольной куклой! Туда не ходи, то не делай. Что будет дальше? Не ешь зеленое, а ешь желтое в крапинку? А потом "не дыши, а то мне воздуха мало"? И мне совершенно не было смешно. Я злилась. Нереально. И если бы не разница в физической форме, я полезла бы драться. Какого черта он делает?!

— Знаешь, что, милый?! Вали-ка к родственничкам в Ад с такими словечками! — я быстрым шагом направилась в прихожую, достала из полки свои кроссовки. — Я сама дойду. Спасибо за все и...

— Ну-ну, — насмешливо протянул Макс, спокойно наблюдая за тем, как я зло дергаю за шнуровку, пытаюсь распутать узлы. — Попробуй уйти дальше подъезда. Я посмотрю.

— А я посмотрю на тебя, когда я все же добьюсь своего!

Надо мной раздался тихий смех, и я на несколько секунд в растерянности замерла, чем воспользовался Картер. Он приподнял меня за плечи, усадил на небольшой пуфик и, опустившись, принялся сам завязывать мне шнурки.

Я вспыхнула. Дыхание отчего-то участилось, а боевой настрой словно испарился. Я же минуту назад только хотела его придушить, а сейчас неотрывно слежу за его пальцами и не предпринимаю никаких попыток встать.

— Ты такая забавная, Кэти, — парень приступил ко второму кроссовку. — Особенно когда надуваешь щеки и становишься похожей...

То хрупкое чувство, что удерживало меня, с треском сломалось. Как испортить все одной фразой? Картер и Костя могут, умеют и практикуют!

— Если скажешь про бурундука, то я... я тебя... — замолчала, так и не найдя подходящей угрозы. На ум пришло только "признаюсь в любви", но я сразу отмела этот вариант. Он не поймёт и снова начнет действовать мне на нервы.

— То ты что, Малая? — Макс поднялся, открыл раздвижной шкаф и вытащил из него косуху.

— То что-то случится, — мрачно заверила его я.

— Ну, хорошо, — он вдруг близко подошел и накинул кожаную куртку мне на плечи. — Кстати, ты сейчас тоже похожа на откормившегося бурундука. Костя прав на все двести процентов. Так, теперь идем.

После сказанного я желала идти разве что убивать. Бесит. Как же он меня бесит! Специально выводит из себя. Играется, как хищник, что забавляется с загнанной жертвой: дергает за хвост, легко проводит стальными когтями, а затем, когда зверек потерял бдительность...

Что за глупые мысли? Отогнав их прочь, двинулась за Картером. Пусть доведет до

общезития, а там я благополучно "потеряюсь" в своей комнате. Вряд ли его пустят внутрь, потому, уверенная в своем плане, села в его машину. На заднее сиденье, место рядом с водителем просто проигнорировала.

Однако я круто ошиблась, посчитав, что комендантша его не пропустит. Но ведь она меня как-то чуть ли не на улице оставила, заявив, что не помнит меня, а пропуск я смогла украсть! Прямо со своей фотографией. А тут Макс, перед которым она разве что не станцевала вальс знакомств. Что за фигня?!

— Подожди меня внизу, я еще в силах собрать свои вещи, — прошипела я, буквально сгорая от ярости.

Он и бровью не повел:

— Поднимайся, Кэти, у меня нет лишнего часа на выслушивание глупостей.

— Глупостей?! Ты называешь отстаивание своих прав глупостью?

— Я называю глупостью пустую трату времени, потому что все равно будет по-моему, — холодно отозвался Макс. — Вперед, иначе я потащу сам, и тебе это не понравится.

Бросив на него испепеляющий взгляд, продолжила подъем по лестнице на третий этаж.

Наше появление привело в шок Соню, но она благоразумно смолчала и не стала задавать кучу неуместных на данный момент вопросов. Лишь уточнила, все ли со мной хорошо и посетовала на то, что я ей не отписалась, ведь девушка волновалась. Собиралась я под присмотром Макса, поэтому поговорить особо не удалось.

— Ты в порядке, и помощь точно не нужна? — уточнила третьекурсница, когда дверь за Картером закрылась. Он оставил нас, чтобы я переоделась.

— Какая уж тут помощь? — натянула теплый свитер, сняв футболку парня. — Разве что психологическая, чтобы я случайно не подсыпала ему что-нибудь интересное и не обняла со всеми бушующими во мне эмоциями. За шею. Крепко.

— Но он тебя... он...

— Спас, — завершила я за подругу. — Игнат оказался не тем, кем притворялся.

— Так и знала, что не стоило вчера никуда идти, — девушка с сожалением на меня посмотрела. — Прости. Я действительно пыталась помочь, но ты меня сначала сама прогнала, а затем нас с Лешей послали куда подальше его дружки. И у них было оружие, Кать... В общественном месте! Но к черту это, меня другое интересует: почему Игнат выбрал именно тебя?

Я промолчала. У меня была мысль, но я старательно прятала ее даже от себя. Маленькая глупышка. Если закрыть глаза на правду, она не станет слаще, не поменяет полюс и не исчезнет. Правда вечна, к сожалению. И в нее иногда до боли не хочется верить. Не хочу думать, чем занимаются самые близкие мне люди. Не хочу верить, что они могут причинять боль, переступать через чужую жизнь и поступать как Платонов и Яцушко.

Попрощавшись с девушкой, я перекинула рюкзак на плечо и вышла к ожидающему меня Максу. Тот до моего появления тихо говорил по телефону, но, увидев меня, моментально свернул тему и сбросил звонок.

Он общался... со своими?

Мне вдруг подумалось, что у него могут быть проблемы. Из-за меня. Он ведь вступился за меня, он... Спас. Помог.

— Доволен? — язвительно спросила, покрутившись и показывая, что выполнила все его приказания.

— Нет, — парень окинул меня холодным взглядом и отобрал рюкзак. — Я проторчал у дверей полчаса, которые мог потратить на что-то более полезное.

— Я тебя не держала, — отметила очевидное я.

— Ошибаешься, Кэти, — и Макс пошел вперед, к арке, что вела на лестничную площадку.

Стиснув зубы и пыхтя, как паровоз, двинулись следом. Глядя на крепкую шею, я представляла, как кладу на неё руки и сжимаю изо всех сил, как он дёргается, пытается вырваться и начинает задыхаться. Жаль, этой фантазии не суждено сбыться. Если я попытаюсь провернуть что-то подобное, Картер в миг уложит меня на лопатки.

Сев в машину, я сложила руки на груди и, приподняв голову, уставилась на окно своей комнаты. Соня отодвинула шторы и внимательно за нами наблюдала. Я понимала, что подруга переживает, но успокоить её не в моих силах. Чтобы я ей ни сказала, она все равно будет думать, будто Картер для меня наихудшая компания.

Достав смартфон и закусив губу, я отправила ей сообщение:

"Не волнуйся, он отвезёт меня домой. В понедельник я вернусь"

Машина Макса тронулась с места и покатила к выезду с парковки.

"Я очень надеюсь, что у тебя с ним проблем не возникнет"

"Ты совсем не знаешь Картера. Он сам по себе одна большая ходячая проблема))) Но не волнуйся, со мной все будет в порядке"

Я отложила смартфон и обернулась, чтобы столкнуться с холодными глазами, на дне которых трескался лёд.

— Кому ты писала?

Вздыхнула, перебирая в голове все виды его реакции на мои агрессивные ответы. Ничего хорошего, в общем.

— Что с тобой случилось? Я тебя не узнаю.

Он вернул внимание дороге и хмыкнул:

— Может, ты меня и не знала никогда, Малая?

И, видимо, не желая слушать мой ответ, он крутанул пальцем регулятор громкости, чем свёл на нет любое общение. Бросив короткий взгляд на панель, я заметила, что играл плейлист. Даже странно, что Картер слушает что-то такое нежное и мелодичное, ведь песня "Alibi" группы Thirty Seconds to Mars, как мне кажется, не подходит под вкусы парня, занимающегося ММА. Слишком... по-девчачьи, что ли.

Огни дорожных фонарей мелькали за окнами авто, музыка плескалась в душе, а голос певца, всякий раз напевающий о том, что он расклеился, трогал какие-то ниточки. Особые нотки в памяти, которые дёргали уже струны, рождая другую мелодию. Мелодию чувств, тянущихся из далёких воспоминаний.

***

15 лет

Я всегда восхищалась тем, как наши мальчишки играют в баскетбол. У меня никогда не возникало сомнений, что, если бы они занимались им профессионально, попали бы в какую-нибудь всемирно известную команду. Но Костик и Макс очень много внимания уделяли другому виду спорта, с тренировок которого нередко приходили с синяками и ссадинами. Костик вообще как-то раз мышцу порвал, из-за чего проходил курс специального дорогого лечения.

Глядя на их первую игру после возвращения из армии, я бы не сказала, что они потеряли

сноровку. Наоборот, играли даже более агрессивно, чем обычно, несмотря на радость и хорошее настроение.

Я сидела на скамье и переписывалась с Масей, которая из-за приезда гостей не могла прийти к нам, хотя очень хотела повидаться с Костиком. Макса она всегда недолюбливала. Я же поостыла в своих симпатиях и ненависти. Была рада, что друг брата вернулся, но не более того.

— Малая, давай к нам? — позвал Саня.

Я задумалась. Против тех двоих играть бессмысленно. Если Даника мне ещё удавалось уделывать проворством, то Костика точно не обойти.

— Нет, я не...

— Малая научилась играть? — задал вопрос брат. — Да ну не... — он скептически оглядел меня, вертя мяч в руке. — Скорее Даник в балерины заделается.

— Мне пачка не к лицу, — рассмеялся тот.

Жаль, Костик не в курсе, кто в этом году ездил на городские соревнования от школы. Я только рукой на него махнула. Всё равно мне против этих качков не светит выстоять. Может и смогу забить пару очков, но вся проблема в том, что они меня просто снесут.

— Я ж говорю, — хмыкнул Костя. — Да она и сама боится.

Прищурилась, пристально разглядывая брата. Если он сейчас ещё что-то в этом духе ляпнет, я покажу ему...

— Не бабская это игра, — хохотнул за него Игорь, чем задел за живое.

Мы в с девчонками из команды часто слышали подобное. Мол, баскетбол — игра для мужиков. Типа как хоккей. Но мало кто знает, что женщина способна обставить мужика в любой игре, будто то хоть футбол, хоть армрестлинг. Всё дело в желании, умении, опыте и сноровке.

Чертыхнувшись, я положила смартфон, поднялась со скамьи и стащила с себя розовую мастерку. В идеале бы ещё и джинсы на свободные шорты сменить, но чем богаты. Ладно, хорошо, кеды на ногах, пусть и не совсем подходящие для игры.

Вышла на площадку и махнула Костику, что я готова. Саня, Даня и Игорь заулыбались, Картер нахмурился, а брат смотрел с насмешкой и вёл мяч на месте, пока я двигалась к центру.

— Кэти, тебе не стоит играть с парнями. Девушкам вообще здесь не место, — подал, наконец, голос Макс.

Удивил. Он ведь даже вчера молчал, когда мы его с Костиком с поезда сняли. Страбастал в свои медвежьи объятия, едва рёбра мне не переломив, пыхтел в макушку, как паровоз, и молчал. Честно говоря, после того, что он устроил мне на свои проводы, я не хотела его встречать. Я его вообще видеть не хотела.

— Да иди ты, — хмыкнула ему беззлобно.

Остановилась и замерла в ожидании подачи от Кости. Сбить её я бы не смогла при любом раскладе, поэтому даже не дёрнулась, когда Саня сильным умелым прыжком достал до мяча. Одно касание и он летит к нашей корзине, но Даник его сносит и отбирает мяч, после чего ведёт его в зону противника. Я стараюсь держаться края, внимательно следя за Картером и Костиком. Здесь они сильнейшие игроки, и мне только на руку, что на меня у них нет времени. Игорь обходит парней по противоположному краю площадки, чем отвлекает внимание на себя, и когда Костик идёт на перехват, Даник делает обманный пас

Игорю, но мяч в итоге летит ко мне. Перехватываю, делаю несколько пружинных шагов, подпрыгиваю и метко закидываю двухочковый, после чего с ухмылкой на лице, демонстрирую Картеру средний палец.

— Выкуси, парень!

Прищурился, но промолчал.

— Да ты, смотрю, время зря не теряла, Малая! — рассмеялся Костик. — Какие ещё секреты скрывает моя мелкая сестрёнка?

Следующая подача была отыграна уже более аккуратно. Парни постоянно держали меня в поле зрения, не позволяя передать команде пас. Однако это не значит, что я топталась на месте. Оказывается, у любой девушки в игре против них будут преимущества. Мне довелось споткнуться рядом с Костиком, на что тот отреагировал мгновенным склерозом. Он совершенно позабыл, что происходит вокруг, и принялся проверять, не подвернула ли я ногу.

— Ты серьёзно?! — психанула я, пихнув брата в плечо. — Нормально всё со мной! Вернись в игру.

— Точно не больно? — методично ощупывая ступню, спросил он.

— Не больно!

— Кос, чего там? — Я фыркнула и скрестила руки на груди, глядя на Картера.

— У моего брата поехала кукуха, вот чего!

Сын дьявола даже не взглянул на меня, внимательно наблюдая за действиями Кости. Парни тоже не остались равнодушны, быстро окружив, они шутили о гиперопеке некоторых. Не смешно было только нам троим.

Убедившись, что всё в порядке, брат, наконец, выпустил мою ногу из пальцев.

— Малая, ты бы аккуратнее бегала. Тебе на этих ножках ещё детей вынашивать.

— Да пошёл ты, придурок, — оскорблённо ответила, треснув ладошкой по его плечу. — Мне пятнадцать! Какие дети?!

Следующую четверть меня вообще к мячу не подпускали. Игорь и Даня не раз пытались подавать пасы, поскольку я находилась в выгодной позиции за спинами противников, но Картер соображал шустро, а играл ещё лучше. Все мячи доставались ему. В итоге по очкам мы сильно сдавали.

В один прекрасный момент у меня появилась возможность отбить мяч у Макса и сразу забросить в корзину. Не стала размышлять, пока Даня оттеснял Костика, я подобралась Картеру и уверенно заблокировала бросок. Да, я была невысокого роста, но прыткой и сообразительной. Юркнув ему под руку, крутанулась на месте и отжала мяч. Глупо было полагать, что меня свободно выпустят, нет. Картер и Саня налетели с двух сторон. Оба были готовы в любой момент заблокировать в прыжке, но я же Котова! Меня на площадке зовут Хитрая Кошка. В прыжке создаю видимость броска в корзину, но вместо него поджимаю руку и даю пас Данику.

— Ах ты мелкая... — шипит Санёк.

Усмехаюсь и наблюдаю, как парни срываются к Дане, но тот тоже не льком шит. Видя, что я открыта, бросает мяч обратно. И вот в момент, когда я почти касаюсь его, меня сносит. Сносит твёрдое мускулистое тело. От мощного удара отбрасывает на асфальт. Я не сразу пришла в чувства, потому что в этот миг болело всё.

— Кэти!

Сильные руки тут же треплют за плечо, ощупывают колени, локти.

— Где болит? — рывкает брат.

— Да идите вы, — хриплю, пытаюсь подняться.

Один локоть у меня содран в кровь, и бедро отбито. Синяк обеспечен. Но это не первые ушибы и, тем более, не первое падение. Отпихнув их руки, с горем пополам поднялась, понимая, что дальше я не игрок. Вот о чём думала, идя к ним на площадку? Говорила же, что снесут!

— Так, Малая, пошли домой. Всё, доигрались.

Бросив злой взгляд на Саню, который был виновником моего падения, я мысленно пообещала отомстить ему в следующей игре. У девочек тоже есть неприятные приёмы, о которых мало кто знает, потому что применяются они редко.

— Пока, парни! — махнула я рукой, забирая со скамьи свои вещи.

Пропущенный от папы заметила сразу, но перезванивать не торопилась, увидев, что Костик набирает кого-то на своём телефоне. Наверняка его же. Больше чем уверена, что и мне он звонил, чтобы брата найти. Мы с отцом не очень ладим, особенно в последнее время.

— Звонил, пап? — тут же подтверждает он мою догадку. — Когда? Через час вылет или?.. Ага. Нет, я не против, если на пару дней всего. А Катя? — он обернулся и с сомнением взглянул на меня. — Нет, она, конечно, одна не останется, но я думаю, что будет лучше, если мы возьмём её с собой... Оу. Тогда конечно. Хорошо. Да, мы через полчаса уже будем. Я только вещи в сумку брошу. Ага. Давай, — Костик сбросил вызов и посмотрел на Картера. Многозначительно посмотрел, я бы сказала.

— На сколько на этот раз? — спросила осторожно ступая на больную ногу.

— На пару дней всего, Кать. Макс за тобой присмотрит.

— Не надо ему за мной присматривать. Я знаю, что отец оставит охрану у дома. Это лишнее, Кость.

Картер молчал, Костик тоже решил не действовать мне на нервы. Мы распрощались с парнями и двинулись до дома. Братец несколько раз порывался усадить меня на свои плечи, но был послан далеко и надолго. Несмотря на лёгкую хромоту, дойти до дома я была в состоянии.

У ворот Костик с другом распрощался, а я даже рукой не махнула. Плевать мне на него.

Когда Костик с отцом уехали, я села на свою кровать и задумчиво разглядывала фотографию в позолоченной рамке. На меня, улыбаясь, смотрела красивая молодая женщина с волосами цвета пшеницы. Я хорошо помню какой она была. Помню нежную улыбку, запах и тёплые руки. Помню, как сильно она любила нас с Костиком, как много времени проводила с нами в игровой комнате.

Сейчас её фото не вызывает тех жгучих слёз, но на него отзывается пустота в груди. Мне не хватает матери. Мне не хватает этой тёплой женщины, которая всегда пахла инжиром и солнцем. И всякий раз, думая о ней, я не могу не вспоминать, как её не стало. Не могу не думать о людях, что отняли её у меня.

Похитители, бандиты, мерзавцы...

Из горьких воспоминаний вырвал тихий скулеж собаки. Я мгновенно отложила фотографию и побежала вниз, в гостиную. Шира уже пару месяцев как не залезает на второй этаж — ей трудно, уже на седьмой лесенке появляется одышка и усталость.

— Эй, малышка, ты чего? — я опустилась на пол перед лежащим, поджав лапы, лабрадором и приподняла безвольно опущенную морду. — Что такое, Шир?

Она стонала. Жалобно, так, что у меня на глазах выступили слезы.

— Шира, ты меня пугаешь...

Собака что-то прокряхтела в ответ и замолчала, тяжело дыша. Я посмотрела ей в глаза

— мутные, слезящиеся. Да что такое?! Решила проверить температуру и...

Ее бил озноб. Знаете, как бывает при ангине? Когда трясет то ли от жары, то ли от холода, смешанного с огнем.

— Широчка, милая, потерпи, а? Ширусик, я сейчас, секунду!

Опустила собаку и бросилась наверх, чтобы позвать Костика, но запоздало вспомнила, что он уехал. Господи, как же не вовремя отцу приспичило в командировку!

Снова раздался то ли вой, то ли всхлипы, которые в тишине пустого дома, словно издеваясь надо мной, звучали громче.

О черт!

Взяв телефон, все равно решила позвонить брату. Костя старший и вообще очень ответственный, он обязательно придумает что-нибудь. Я одна ни за что не справлюсь: Шира весит лишь килограмм на пятнадцать меньше меня.

— Ну же, возьми трубку! — вслушиваясь в протяжные гудки, взмолилась я.

— Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Перезвоните позже, — зачитал механический женский голос, — или оставьте сообщение после сигнала.

Меня просто захлестнула паника. Что делать? Что делать?

Я по очереди позвонила всем, кому можно: отцу, но он тоже был недоступен, затем набрала Масю, но подруга уже спала, следующим выбор пал на Даню, но тот сбросил звонок сразу же, сказав короткое "я занят".

Чееерт! Я чуть ли взвыла. Как же быть?

Шире стало совсем плохо. Она дрожала, не поднимала больше голову и даже не скулила. В доме воцарилась звенящая отчаянием тишина.

— Милая, еще немного, и мы пойдем к врачу, хорошо? — я ласково погладила тусклую, испещренную белыми нитями седины, шерсть. — Ты подожди, а я быстро заскочу к Максусу. Он поможет, обещаю.

Картер был моей последней надеждой, и я очень надеялась, что он не откажет мне. Я внезапно осталась совсем одна. Впервые. Словно выкинутый во взрослую жизнь слепой котенок. Я прошу помощи, но все проходят мимо, никто не слышит меня, не видит и не чувствует мою боль. Я одна. И мне страшно, настолько страшно, что хочется забиться в угол и просидеть так, пока все проблемы не решатся. Но у меня нет времени.

Я выскочила на улицу чуть ли не босиком, только в последний момент поняла и сунула ноги в кеды Кости, что валялись в прихожей. Пробежала, чуть ли не падая, до дома Картера и начала стучать кулаком. Костяшки сразу же заныли.

— Макс! — позвала, еще раз стукнув по дорожному дереву. — Открой, пожалуйста! Это вопрос жизни и...

Я не успела договорить — открылась дверь, явив Картера. Недовольного, полуодетого, с растрепанными отчего-то волосами и странным, лихорадочным взглядом.

— Там Шира, она... ей плохо, — задыхаясь в словах, начала я. — Ей надо к врачу, а я одна. Костик не берет трубку, папа и Даня тоже. Макс, помоги!

Последнюю фразу еле проговорила — слезы начали душить.

— Тише, Кэти, — он меня мягко обнял, погладил успокаивающе и обещал: — Иди к Шире, а я сейчас приду и со всем разберусь, хорошо? Только не плачь, Малая.

— Я никогда не плачу, — всхлипнула я.

— Иди давай, я буду через минуту, — меня аккуратно развернули и подтолкнули вперед.

Парень действительно разобрался. Поднял собаку и перенес в свою машину, и мы вместе повезли ее в ветеринарную клинику. Всю дорогу Шира скулила, кряхтела и жалобно на меня смотрела, а я обнимала ее, гладила и шептала:

— Все хорошо, милая. Все хорошо. Врач тебя вылечит, и будешь снова бегать и портить мои книги.

Макс понёс ее на осмотр сам, оставив меня ждать в коридоре. Я нервно грызла ногти в ожидании, когда они выйдут, и Картер подтвердит сказанные Шире слова. Однако все пошло не так. Совсем не так.

— Я не хочу, чтобы ее убивали!

— Усыпили, — поправил он меня.

— Да мне плевать, смысл один и тот же. Не хочу и не будем! Костик придет и найдет нового врача, нормального, который вылечит ее и...

— Кэти, Шире больно, — перебил меня Макс. Он говорил мягко, ласково, но... уговаривал совершить просто чудовищную вещь. — Она мучается и с каждым днем ей будет все хуже. Вылечить ее нельзя, она старая. Усыпление — единственный выход.

Я скинула его руки с плеч и насупилась:

— А Костя найдет еще двадцать выходов! Тебе просто Шира никогда не нравилась, потому и не желаешь ей помогать.

— Неправда, она единственная собака в моем... э-э-э... сердце.

Меня колотило. Трясло так сильно, что даже зубы стучали. Усыпить верного друга, члена семьи, было чудовищным решением. Я не могла. Не была вправе отнимать жизнь.

— Ничего не хочу слышать. Шира будет жить и точка.

— Иди сюда, Малая, — Макс привлек меня к себе, обнял, несмотря на мое вялое сопротивление. — А ты думала о Шире? Что она чувствует?

Он что, издевается?

— Что за бред? — я пихнула Картера в бок. — Отпусти, я пойду сама искать другого врача и...

— Ответь, — настоял он, и не планируя ослабить хватку.

— Все живые хотят жить, и Шира не исключение, — мрачно выдала я. — Все?!

— Нет, не все. Ты сейчас поступаешь эгоистично и думаешь только о себе. Почему? Потому что чужая боль мало кого волнует, Кэти.

Я замерла.

— Ты хочешь сказать, что Шира сама бы... — мой голос задрожал.

— Она мучается, Малая. Не видишь? И ждет, когда ее мучения закончатся. Но мы ей можем помочь, и ей даже больно не будет.

Покусала губу, напряженно размышляя и пытаюсь представить себя на место бедного животного. Жить в боли или?.. Я бы выбрала жизнь несмотря ни на что, потому что у меня Костик, папа, в конце концов Макс, но... Сложно. Страшно. Но то я. Людям проще, люди могут стерпеть очень многое ради своих близких и их состояния, а Шира? Она не должна страдать от того, что мне станет плохо после ее смерти.

— Макс, — позвала я, сглотнув ком, застрявший в горле, — а ты обещаешь, что Шире не будет больно?

— Обещаю, — твердо сказал Картер.

И я ему поверила.

— Только чтобы не больно, — выдохнула, зажмурившись.

В тот день я не пошла домой. Просто не смогла бы находиться в огромном доме, наполненном тишиной и запахом Ширы. Стены помнили ее зубы и когти, диван хранил ее тепло и шерсть, везде лежали ее игрушки, а на кухне стояла нетронутая миска с кормом. Макс поддержал меня и сообщил, что мы можем остаться в его машине. Бросать меня и уходить он не собирался.

В тот день я заново влюбилась. В тот день начался новый виток моих чувств, которые стали гораздо сильнее прежних. Я смотрела на идеальное правильное лицо парня и видела, кажется, его душу. Более красивую, сияющую добром и благородством.

— Кэти, мы сейчас заскочим кое-куда и поедем, а затем... — Макс замолчал, перебирая варианты. — Погуляем. До утра. Ты только не говори Косте, хорошо? Будет наш с тобой секрет.

Я закивала. Пусть будет нашим секретом.

— Включить музыку? — спросил он, заводя мотор.

— Давай. Но грустную. Не надо ничего веселого.

В тот день я потеряла очень важное мне существо и приобрела новые чувства. Необычные, сильные, греющие и такие глупые.

Только кто же знал, что Макс заставит себя ненавидеть? Что для него мои чувства к нему — глупость, бред, то, чего не должно существовать? И он старался, уничтожая их, каждый раз доводя до слез и метко ударяя словами. В цель. В самое сердце. Показывая, какая я слабая и безвольная, потому что не могу сдержать обещание, позволяя себе выплеснуть влагу наружу.

Я тысячи раз убеждала себя, что мне не будет больно. Тысячи раз кусала до крови губы, чтобы не разрыдаться и не дать повод маме разочароваться в своей дочери, которая обещала прожить жизнь счастливо. А что в итоге? Снова и снова на те же грабли. И я ненавижу его за это!

— Приехали, — выдернул меня голос Картера из потока негативных мыслей.

Я огляделась и обнаружила, что мы действительно стояли у ворот моего дома. Свет нигде не горел, что говорило мне только об одном:

— Дома никого.

Макс заглушил мотор и молча вышел из машины, не став дожидаться меня. Он пошёл куда-то вверх по дороге, где улица оставалась неосвещенной. Я выбралась следом и уставилась во тьму, куда исчез парень. Хлопнула дверца авто, и раздались приглушённые голоса, которые невозможно было разобрать.

— Картер? — тихо позвала я.

— Жди там, Малая, я сейчас.

И с кем он? Я вздохнула и слегка пнула колесо машины. Стоять здесь мне совсем не улыбалась, хотя я знала, что пока Макс рядом, мне ничего не угрожает. Минуту или две спустя, парень вернулся, и, судя по звуку шагов, находился он буквально в метрах двадцати от меня.

— Кто это был?

— Никто, — хмыкнул он и пошёл открывать калитку, ведущую в мой двор. — Пошли, Малая. Я сильно задолбался и хочу отдохнуть.

Я и с места не сдвинулась, глядя в спину удаляющейся фигуры.

— Макс, я в состоянии сама войти в дом!

— Не похоже, — обернулся парень. — Ты и шагу не сделала, а значит, тебе необходима помощь. На руках занести, Кэти?

Издевается, что ли?! Я быстро зашла во двор, достала ключи и открыла дверь, не забыв снять сигнализацию. Макс вошёл следом, чем вызывал у меня неприятные подозрения.

— Спасибо, что подвёз, — обернулась я. — Нескучной ночи, Картер, кошмарных снов! — пожелала традиционно.

— Ага, — кивнул тот и нагло обошёл меня. — Сладких снов, Кэти. Я лягу в гостиной.

— Что?!

Макс дважды хлопнул в ладоши, активируя свет, и усмехнулся, увидев потрясение на моём лице.

— Ты думала, после всего, что случилось, я оставлю тебя без присмотра?

Я несколько долгих секунд смотрела в серые глаза и старалась задушить в себе это. Ту часть сознания, которая знала правду. Знала обо всём, что касается Макс. Я не хотела верить. Не могла.

— Делай как знаешь, — выдохнула, стягивая кроссовки. — Если что, я у себя.

— Если что? — насмешливо переспросил Макс. Снова подняла на него взгляд. — Что за намёки, Малая? Что мне может понадобится от тебя глубокой ночью, когда мы одни в доме?

— Конечно же, секс, — фыркнула я ядовито. — Я же только и жду, когда ты придёшь ко мне посреди ночи и возьмёшь то, что так давно тебе предлагаю.

О, я всегда мечтала увидеть это каменное выражение лица, да. И взгляд полный арктического холода, от которого возникает только одно желание — самоустраниться потихому.

— Провоцируешь?

Я вздохнула, пряча испуг, и покачала головой, после чего обошла парня и направилась в свою комнату.

— Это единственные шутки, Картер, которые ты не можешь воспринимать. Думаешь, до меня не доходит, что это наигранная реакция? Угомонись уже. Я не приглашаю в свою постель. Мои детские чувства давно угасли.

Не знаю, почему я перешла на язвительный тон и зачем дерзила. Просто захотелось выплеснуть все то, что накопилось, но даже подобным способом не получилось освободиться. Я ощущала внутри себя столько лишнего, и это неподъемным грузом ложилось на плечи и тянуло вниз.

Побить подушку, что ли? Или эффективнее будет покричать в нее?

С такими глупыми мыслями в голове я и поднялась в свою комнату, делая вид, что будто не ощущаю пристальный взгляд, впивающийся в лопатки сотнями копьев изо льда. Не ему же одному выводить меня из себя?

В спальне я бросилась на постель, закуталась в свое любимое пушистое одеяло и взялась за телефон. Надо бы написать Соне, что доехала, и предложить Нэле встретиться, раз я в родном городе.

Как только я вошла в мессенджер, отреагировал брат:

"Малая, чего не спишь? В половину второго ночи маленькие девочки должны видеть десятый сон:/"

Следом пришло ещё одно сообщение:

"Ты где?"

Закатив глаза, напечатала ответ:

"И тебе привет. Я дома. Иду спать. И вообще, почему сам не спишь?"

"Не переводи тему. Какой еще дом?"

"Обычный. Отчий. С коричневой крышей, под которой ты мозги свои запрятал перед отъездом", — огрызнулась я.

"Ха-ха. Смешно. (нет)

Ложись спать. Утром пообщаемся." — очень сурово и расставив все точки, что уже означало его недовольство, написал Костик.

Послала ему стикер с высунутым языком и перешла в диалог с подругой.

Утро бывает разным: неудачным, серым, будничным, рутинным, но, кажется, почти никогда добрым. Мало того, что я не выспалась, так еще и подарочек в виде Макса, который не спешил валить к себе и вальяжно устроился на диванчике, радовал глаза до такой степени, что те уже дергались.

— И чего ты добиваешься на этот раз? — устало задала я вопрос, добавляя в турку сахар.

— Завтрака, — нагло заявил парень. — В том, что я здесь, виновата ты, поэтому выкручивайся как хочешь.

Я просто опешила от его слов и, зло поставив на огонь джезву, повернулась к нему:

— Я?! Ты еще скажи, что я дала тебе дубинкой по голове и потащила в машину! Даже не знала, что ты настолько безвольный.

Он и бровью не повел и так же спокойно произнёс:

— Нет, но ты совершила то, из-за чего у меня не осталось другого выбора.

Настроение испортилось окончательно. События пятничного вечера я старалась забыть. Закрывать глаза и сделать вид, будто ничего не произошло. Выпила, связалась с не самой лучшей компанией, получила нагоняй от Картера — все в пределах нормы. Самообман, понимаю, но... Но это лучше, чем сгорать каждый день от укулов совести в бессмысленных "а если...".

— Ты видишь на мне значок "Макдональдс"? Или "Бургер Кинг"? — выдохнула я, открывая холодильник и рассматривая полупустые полки. Ну, мыши еще не вешались, пожалев остатки еды, но определенно уже в поисках крючка и мыла с веревкой.

— Не отвлекайся, — посоветовал Макс. — К сведению: я не фанат горелого, это Костя у нас извращенец и может грызть целую неделю прожаренный до угля десерт.

Моя ладонь, что взялась за ручку турки, дрогнула, и несколько капель обжигающего напитка попала на кожу. Зашипев от боли, отложила джезву и...

— Как же ты меня бесишь, Кэти, — раздалось над ухом, и мои запястья сжали сильные пальцы.

Картер подтолкнул меня к раковине своим телом и открыл холодную воду раньше, чем я сумела хоть как-то отреагировать.

— Говорил же, чтобы не отвлекалась. Ты вообще следишь за тем, что делаешь?!

Его горячее дыхание касалось шеи, и я не могла сказать, где пекло больше. От чего у меня ожог? От него или же от кофе? Что больше всего ранит меня? Его слова или же весь остальной мир?

Под слоем искусственно нарощенной пыли, что скрывает мои истинные чувства, бьётся одно давно позабытое. Я никогда не сойду с него сухую грязь. Никогда не освобожу из тисков застывшей во времени ненависти. Буду равнодушно наблюдать, как оно извивается в агонии, и ждать момента, когда в очередной раз обессиленно опустится на колени. Оно может сколько угодно поднимать голову, но я никогда не позволю ему выбраться наружу и вновь меня изувечить.

— Отпусти, — проговариваю ровным тоном, наблюдая, как большие пальцы Картера поглаживают кожу на моих запястьях. — Я в состоянии сама о себе позаботится.

— Ты не в состоянии даже кофе сварить без травм, Кэти, — шепчет он, поднимая со дна мурашки, рванувшие по моей спине.

И тем не менее, скользнув носом по моей шее, он выпускает мои руки и отходит. Я тут же перекрываю вентиль с холодной водой и лезу в холодильник за спреем от ожогов, который всегда лежит здесь на случай, если я обожгусь, что происходило нередко. В этом доме готовила только я. Мы не жаловали прислугу. Даже клининговая служба приезжала только когда дома никого не было. По той же причине в нашем доме не бывает охраны.

Обработав ожоги, я вернулась к джезве и разлила кофе на две чашки, после чего

принялась за завтрак. Из того, что нашла в холодильнике, приготовить возможно было немного. Я не любитель обычных бутербродов, хотя знаю, что Макс съест всё что угодно и можно не морочиться, но мне хотелось полноценного завтрака. Даже в общежитии я не позволяла себе так кощунственно подходить к утреннему приёму пищи. Поэтому, не имея особого выбора, сделала овсяные блинчики с начинкой из плавленого сыра и огурца. Не густо, но до обеда калорий хватит.

Поставила тарелки на обеденный стол и, не глядя на гостя, позвала его завтракать.

— Приятного аппетита. И только попробуй опустить один из своих едких комментариев по поводу моих кулинарных способностей. Ты в любой момент можешь собраться, перейти дорогу и поесть в собственном доме.

Картер только усмехнулся в ответ, разрезая хрустящий блинчик. Несмотря на всё моё нежелание смотреть на парня, я всё же украдкой подмечала, с каким аппетитом он уплетает еду, и как прикрывает глаза отпивая свежесваренный кофе. Вот тебе и “обычный”.

Было не по себе. Не по себе от того, что мы сидели с ним за одним столом в моём доме, в то время как Костик наверняка видел десятый сон в Питере. И если задаться вопросом, как я к этому пришла, то неизбежно всплывёт и другой: что делать?

О том, что мне необходимо избавиться от спутника и речи не шло, это является непреложной истиной, ибо до добра подобное общение не доведёт. Я не знала, чем планирует заниматься Картер, но надеялась, что после завтрака он свалит по своим делам. Впрочем, как выяснилось позже, совершенно зря надеялась. Макс даже навстречу с Нэлей повез на своей машине, абсолютно не стесняясь моих проклятий, сыпавшихся, как из рога изобилия.

— Какого чёрта происходит, Макс?! — отпихивала я его руки, когда он пристёгивал мой ремень безопасности. — Ты совсем умом тронулся?!

Он наклонился, и я увидела, как дёрнулись на его скулах желваки. Ничего не ответив, хлопнул дверцей авто и пошёл на своё место. Чуть вдали я увидела стоящую машину. Неприметная серебристая иномарка, коих полно в любом городе, но эту я узнала по квадратной красной наклейке в углу лобового стекла. Тачка моего сопровождения.

А не с водителем ли общался вчера Картер?

Я обернулась, чтобы посмотреть на парня. Он спокойно сел за руль и завёл авто. Закусив губу, принялась вести внутреннюю борьбу с самой собой. Рано или поздно я должна буду открыть глаза и взглянуть на прошлое. Должна буду признать, что была слепа. Готова ли я к этому сейчас?

Тряхнув головой, я отогнала прочь мысли. Мне нужно непременно разложить всё по полочкам, но пока в груди в тугий комок сжимается страх и оседает тяжестью, нужно отвлечься. Я не хочу с головой прыгать в эту трясиину, потому что знаю: она утащит на дно.

Поездка прошла в молчании. Макс изображал немногословного хмурого охранника, лишь изредка отвлекаясь на входящие звонки. Я старалась не слушать его разговоры, но не могла не заметить, как в большинстве случаев он ведёт беседу. Резко, отрывисто, словно отдаёт приказы. Кого-то найти, что-то узнать, с кем-то поговорить. Но парень ни разу не назвал имен. Безличные разговоры, холодные, деловые и... страшные. И я не хотела знать, как круто перевернется чья-то жизнь после каждого его слова.

— Ну хоть с Нэлей-то ты оставишь меня одну? — с надеждой спросила у Макса, когда тот припарковался у нашего с подругой любимого торгового центра.

— Оставить одну? — он смерил меня насмешливым взглядом, затем собственноручно расстегнул мой ремень безопасности и сообщил: — Забудь эту фразу, Кэти. Ты больше никогда не будешь одна.

Что?!

И пока я растерянно хлопала глазами, пытаюсь понять, что именно он имел в виду, парень вышел из машины и поторопил:

— Выходи, Малая. У меня крайне паршивое настроение, и нам обоим не понравится то, что произойдет в случае твоего непослушания.

Зло пыхтя, вылезла, с силой захлопнула дверцу и раздраженно ответила:

— Макс, на всякий случай напоминаю: я все та же Катя Котова, сестра твоего друга. Мы друг другу никто, потому перестань, черт подери, уже контролировать меня!

— Если ты высказалась, то идем, — спокойно отозвался Картер.

— Да ты просто... — я вовремя прикусила губу и быстрым шагом направилась к дверям здания. Как некстати, что мы на улице и вокруг столько людей! Некоторые прохожие уже с интересом пялились на нас. Были бы у меня дома, я непременно устроила бы скандал. Как же он надоел за эти пару дней!

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Сегодня же пожалуюсь Костику. Его друг, пусть и разбирается, иначе никаких нервов не хватит его терпеть. Чего Картер вообще добивается? Если появления у меня агрессии и непреодолимого желания стукнуть его, то он уже справился со своей задачей на все триста процентов и даже медаль за старание заслужил.

Выражение лица Нэли, когда она увидела нас с Максом, было непередаваемым. Она сначала улыбнулась, затем, заметив парня, чуть ли подавилась воздухом. Да, не только мне ситуация кажется ирреальной и чуть ли не фантастической. Картер, который всячески избегал меня и намеренно доводил до слез, сейчас ходит за мной хвостом и превращает мою размеренную жизнь в хаос. Скажи кто мне еще год назад подобное, я бы рассмеялась ему в лицо и не поверила.

— Привет, Катя, привет... Макс, — подруга заключила в свои объятия и быстро шепнула на ухо: — Что происходит?

— Еще б я знала, — пробормотала я.

— Хм... ладно, — девушка отстранилась и, явно чувствуя некоторую неловкость, предложила: — Давайте посидим где-нибудь и выпьем по чашечке кофе?

— Конечно, идем, — я взяла под руку Нэлю и с намеком протянула: — Может, с порцией вкуснейшего глясе реальность перестанет быть такой бесячей.

Картер лишь хмыкнул и последовал за нами. Да, совесть у него действительно атрофировалась, зря я надеюсь на ее внезапное появление.

— Кать, я тут недавно кое-что услышала... — помявшись, начала подруга, когда мы уже устроились за столиком и ждали заказ.

— Хорошее или плохое? — хмуро спросила я. Присутствие парня рядом меня напрягало. Особенно в компании Нэли. Мало ли, какие у нас могут возникнуть девичьи разговоры!

— Даже не знаю, куда соотнести весть, — она бросила короткий взгляд на Макса, который нас совершенно игнорировал и сидел, уткнувшись в телефон, и решила начать: — Помнишь Яцушко? Ну, наш общий хороший... знакомый? Который тяжело заболел?

Дамир?

У меня моментально похолодели пальцы, а в горле пересохло, но я кивнула:

— Допустим. И что?

— Ну, он... выздоровел, — скомкано закончила девушка и замолчала, ожидая мою реакцию.

А я внезапно повернулась и посмотрела на Макса. Он делал вид, что все так же увлечен своим смартфоном, но мне показалось... Нет, наверное показалось.

— Хорошая новость, я рада за него, — разорвав повисшую пелену тишины, произнесла я. Мне не хотелось развивать тему. Не здесь, не сегодня и не в данной компании. И как же удачно подошел официант с напитками!

Если я думала, что на этом все неприятные моменты завершатся, то глубоко ошибалась. Катя Котова и без проблем? Уже звучит абсурдно.

Началось все с безобидного комплимента симпатичного официанта и его попытки заполнить мой номер, когда Картер на несколько минут отошел в туалет. Улыбнувшись, я отшутилась и вернула внимание подруге, но парень, по всей видимости, был не робкого десятка.

— Да, бросьте, я же прошу только номер телефона, — глаза официанта горели лукавством.

Я посмотрела на него более внимательно и неожиданно для себя вспомнила. Кажется, мы учились в одной школе. Точно! А ещё я частенько видела его в компании Паши Вишнякова, когда училась в седьмом классе. Они вроде бы в одном доме жили.

— Ну? — улыбнулся он.

В душе плеснулась радость от встречи, и я, не отдавая себе отчёта в том, что делаю, схватила ладонь парня и сжала её.

— Господи, да тебя не узнать совсем! Вымахал-то как! — Обернулась к Нэле и с несвойственной мне непосредственностью воскликнула: — Нэль, помнишь его? Олег Веридов из параллели! Он ещё с нашим очкариком дружбу водил!

— Тот Олег, что тебе открытки на все праздники таскал? — усмехнулась подруга. — Как не помнить? Мы же всем классом тебя подкалывали потом.

Олег рассмеялся и свободной рукой щёлкнул меня по носу.

— А вот вы, Екатерина, совсем не изменились. Так что на счёт обмена цифрами?

— Да, конечно, — улыбнулась я, уже собираясь продиктовать свой номер, но на плечо Олега легла знакомая рука со сбитыми костяшками.

— Свалил, — холодно бросил Картер, отодвигая парня в сторону.

Я оторопела, услышав нотки глухой ярости, хорошо скрытой под толщей равнодушия.

— Макс, это...

— Мне плевать, Малая, — хмыкнул он и подвинул стул, вновь обращаясь к застывшему Олегу. — Что непонятного в слове “свалил”? Тебя форма времени смущает или ты просто страх потерял?

Знакомый напрягся, вероятно не собираясь спускать Картеру подобного отношения, но я прекрасно помнила, кто такой Макс, и как давно он занимается ММА. Олег же не был похож на человека, который сможет противостоять борцу. Да и, проблемы у него на работе могут возникнуть нешуточные.

— Прости, — я бросила взгляд на Картера и пояснила: — Друг брата слишком рьяно относится к просьбе присмотреть за мной.

Несколько секунд Олег оценивающе взирал то на меня, то на Макса, но в итоге усмехнулся. И усмехнулся он точно не мне, потому что Картер напрягся.

— Было здорово повидаться с тобой, Катя.

Я кивнула, чувствуя, как оседает в груди неприятный осадок.

— Мда, — прокомментировала Нэля, глядя в спину удаляющегося парня. — Не у одной меня весело, — хмыкнула девушка и потянула через трубочку свой молочный коктейль, который принёс официант.

Я же кипела изнутри, стараясь прикрывать истинные чувства милой улыбкой. Он не имел права. Никакого морального права вмешиваться в мою жизнь, вторгаться в пространство и диктовать условия!

Всю обратную дорогу я сдерживалась как могла. Словно вулкан, накапливала силы, чтобы взорваться концентрированной злостью. Как он смеет так себя вести?! Я не игрушка, я живой человек. И Олег не сделал ничего предосудительного. Он просто попытался пообщаться, что в этом такого?!

— Кэти? — позвал пару раз Картер.

Но я сжимала пальцы в кулак и упрямо молчала. Вот дома я ему устрою, а сейчас пусть наслаждается тишиной и водит.

Макс только припарковался, когда я выскочила из машины. Я знала, что он пойдет за мной.

Так и случилось.

Я хотела прикрыть дверь за собой, но он ее придержал для себя, вошел и потом только закрыл. Не обращая на него внимания, наклонилась, чтобы снять кроссовки...

— И что ты желаешь доказать показательным игнором? — поинтересовался Картер холодно.

Я медленно развернулась и, сложив руки на груди, посмотрела на него, готовая слушать. Ну давай, взбеси меня еще больше.

— Что я не прав? Малая, я тебе сразу сказал: никаких парней и малейшего непослушания.

— То есть, по-твоему, виновата я, так? — сузив глаза, уточнила я.

— Правильно мыслишь, Кэти, — похвалил издевательски Макс.

И я просто не выдержала и набросилась на него с кулаками. Бесит! Невыносимо!

— Не смей мне указывать! Не смей вести себя со мной пренебрежительно! Не смей... — я успела ударить его лишь раз, и то больно было явно мне, а не ему, потому что он сразу же заключил в капкан своих пальцев мои запястья и прижал меня к стенке.

— Успокойся. От твоей истерики ничего не поменяется. Ты сама во всем виновата.

Злость во мне распухла еще больше, превратилась в черный сгусток ярости, что требовал если не крови, то еще парочки ударов точно. Я покрутилась, пытаюсь вырваться, но парень навалился на меня всем корпусом, тем самым сильнее впечатывая в твёрдую поверхность.

— Отпусти меня сейчас же, придурок! Отпусти, иначе...

— Иначе что? — насмешливо спросил он.

Его нос почти касается моего, а дыхания смешиваются из-за слишком ничтожного расстояния. Наши взгляды схлестнулись. Мой — сверкающий гневом и его — подернутый

дымкой холодного инея.

— Иначе я сделаю тебе больно, — слова ложатся на язык сами.

— Ну, попробуй, — Макс все так же насмешливо кривит губы.

Я, наверное, совсем потеряла голову от злости, иначе никак не могу объяснить свой поступок. Глупый, импульсивный, внезапный.

подавшись немного вперед, я сомкнула зубы на его нижней губе, чтобы уже убрать с его лица поднадоевшую усмешку. Укус вышел сильный, едва не до крови. А на месте, где наша кожа соприкоснулась, вспыхнул пожар, подначивая продолжить, не отпускать его быстро. Хотя кто кого должен отпустить? Макс сжимал меня едва ли не до хруста костей. Не отталкивал, не пытался перевести то, что творилось, в поцелуй, а просто... ждал? Брал меня на слабо?

Не знаю. Мне было плевать. У меня к чертям полетели предохранители, потому что я провела языком по месту укуса, слизывая причинённую боль, а затем сама же прихватила нежную кожу губами.

Снова не знаю, зачем и почему. Наверное, мои мучения стоят того, чтобы хоть разок почувствовать его вкус и... И послать его в Ад. Может, после этого мое сознание успокоится и забудет Картера как страшный сон? Может, только этого я добивалась? Один поцелуй, чтобы доказать самой себе, что...

А что доказать?..

Это продолжалось всего несколько мгновений, пока я не почувствовала, как его рот растягивается в улыбке. С сознания в ту же секунду спала пелена, я отстранилась и приложила затылком о стену, стараясь выровнять дыхание. На губах Картера была какая-то очень... очень нехорошая улыбка.

— Надеюсь, тебе стало легче, Кэти? — поинтересовался он, опустив взгляд на мои губы.

— Отпусти! — процедила сквозь зубы, чувствуя стыд, раздражение, возбуждение и злость на саму себя. — Клянусь, Картер, если ты сейчас же меня не выпустишь, я найду способ тебя достать!

— Да ты уже достала, Малая, — усмехнулся он и склонился к моему лицу, едва ли не повторяя то, что я делала несколько секунд назад. — Так достала, что сил никаких нет. Сколько можно говорить, чтобы ты не докучала мне со своими пустыми признаниями? Теперь перешла к более активным действиям, чтобы наверняка?

Я вспыхнула и снова попыталась вырваться, но Макс не собирался меня отпускать настолько быстро. Сейчас начнётся излюбленная пытка унижением и насмешками, через которые мне уже давно не доводилось проходить.

— Я устал повторять, что ты меня не привлекаешь, Кэти, — пакостная ухмылка, которую хотелось стереть кирпичом, не сходила с его лица. — Мне не нужна легкодоступная девушка вроде тебя.

— Да пошел ты! — рыкнула я, снова делая попытку вырваться.

— Что? Скажешь, не так? Думаешь, я не знаю про Яцушко? Ты же добровольно с ним пошла, я видел. Про Игната? Несмотря на моё предупреждение, ты всё равно поехала с ним в клуб. И я уверяю, в ту ночь ты бы спокойно стояла на коленях перед толпой мужиков, принимая их “подарки”. И после всего у тебя ещё есть желание заводить новые знакомства с официантами? — на последнем слове он сделал акцент, погасив улыбку. — А теперь ещё с поцелуями ко мне лезешь. Я неоднократно предупреждал, чтобы ты не выкидывала ничего

подобного. Забыла уже, в конце концов. Но ты с упорством самоубийцы продолжаешь нарываться, Кэти, не оставляя мне выбора.

— Что ты несёшь? — спросила, потеряв нить разговора. — Слушай, Картер, отпусти. Серьёзно! Я не знаю, что на меня...

— Я предупреждаю, Малая, — перебил меня Картер таким тоном, от которого волосы на затылке встали дыбом. — Самый крайний, самый последний раз. Я терплю всё это только из-за Костика. Только из уважения к нему. Ты давно ходишь по тонкому льду и не замечаешь, что под тобой ползут трещины. Сделай ещё шаг в эту сторону, и я проглочу тебя, Кэти. Только дай мне повод усомниться в твоей ненависти ко мне. Малейший.

Я сглотнула ком в горле, сама не понимая, какие эмоции кипят в крови: страх, желание, ненависть или всё сразу?

В его глазах та самая замёрзшая корка, которая обещала разломиться. Я смотрела на неё и понимала, что боюсь провалиться. Боюсь, что не смогу стоять неподвижно. Почему мне кажется, что вся сдерживаемая им холодная злость ею вовсе не является? И почему в моей голове каждое грёбаное слово, сорвавшееся с сжатых губ, будто имеет второе дно?!

— Катись в Ад, Картер! — прошипела я. — Катись туда, откуда родом! Ненавижу!

Макс выдохнул, напоследок сильнее стиснул в крепких объятиях, но всё же отпустил, позволяя отойти.

Обида, боль и злость. Снова. Снова то, от чего всякий раз бегу. То, что завлакивает глаза влагой. Убеждая себя, что ненавижу этого несносного парня, я всегда забываю истинную причину. Ту, что желчью течёт по венам. Обида.

— Вон из моего дома, — несмотря на слезы, что жгут и вот-вот грозятся обрушиться первой истерикой за долгое время, мой голос звенит от ярости. — Вали к чертовой матери, иначе уйду я.

Он прислонился к двери, давая понять, что никуда не пойдёт, и вскинул бровь:

— И куда же ты пойдешь?

— Сгоняю в кафе к Олегу, дам ему свой номер, — широко улыбнулась, пряча за улыбкой сжигающую дотла горечь. — Хотя, стой, надо ведь соответствовать образу легкодоступной? Поэтому дам нечто большее, для шлюхи это не проблема.

— Кэти, — предупреждающим тоном начал он, сузив глаза.

Я держалась из последних сил. Тело знобило как при лихорадке, а пальцы же покрылись словно слоем инея. Но то мелочи, в душе творились дела похуже. Там царствовал ураган, сметающий все прекрасное на своем пути, начался беспощадный апокалипсис. Мое состояние можно описать одним словом: больно. Везде болит, я сама будто огромная болячка. Оголенный нерв, по которому непрерывно стучат молотком, а затем посыпают солью, чтобы ничего не зажило.

— Убирайся. Из. Моего. Дома. Что в моих словах кажется тебе непонятным? Я тебя выгоняю как хозяйка. Вон. Ты здесь нежеланный гость.

Картер невесело усмехнулся, сунув большие пальцы в карманы чёрных джинс, но промолчал, что способствовало удержанию моего самоконтроля. Парень развернулся, открыл дверь и, не глядя на меня, бросил:

— Три правила, Кэти. И лучше не беси.

— Во-первых, ты не говорил про третьё! Во-вторых, пошел нахер!

Он замер, не оборачиваясь, и ответил в своей манере:

— О третьем я твержу тебе постоянно, Малая.

Макс вытащил что-то из своего кармана и положил на рядом стоящий комод, только когда дверь за ним закрылась, я поняла что белый прямоугольник — ничто иное как платок.

Ярость вскипела с такой силой, что её пары обожгли глотку. Глухо рыкнув, я треснула кулаком по стене, но боль не отвлекла и не отрезвила. Только бегущие по щекам слёзы имели сейчас влияние, рождая во мне очередную порцию ненависти. Она связывала такие моменты в одну болевую точку.

Яд Картера, слёзы, платок — три неизменных опоры, на которых держится вся эта чёртова конструкция и давит на грудь, причиняя боль.

Поздно вечером, сидя в комнате и глядя в пустоту, я получила сообщение от Маси. Отвечать не хотелось, поэтому попыталась сослаться на то, что уже поздно и я легла спать, но... Максим решила пообщаться по видеосвязи, что сразу же меня выдало с потрохами, потому что не увидеть моё зарёванное лицо было невозможно.

— Опять этот придурок?! — вместо приветствия начала она. — Что сейчас?

— Он назвал меня шлюхой, — не стала я скрывать от лучшей подруги истины.

Мася всегда для меня была той девчонкой, которая знает абсолютно все секреты. Я делилась с ней своей болью и радостью, ревела ей в жилетку и лопала по ночам мороженое, заедавая стресс.

Даже удивительно, как мало мы с ней стали общаться, когда разъехались по разным городам. Раньше казалось, что жизнь без её присутствия будет ужасно одинокой, но сейчас я понимаю, что мои будни полны событиями... и Картером, о котором не могла и не хотела ничего рассказывать. Такая тайна заставляла чувствовать себя виноватой.

Мы проболтали половину ночи. Я успела выложить все, что беспокоило меня. Но я не сказала ни слова о клубе, Тамиловой или Игнате, не рассказала и то, как оказалась в квартире Картера, и он навязал мне правила сосуществования с ним на одной территории (и я про институт).

— Кать, не обижайся, но ты дура, — выдала подруга, кривя губы. — Я не понимаю, как ты не замечаешь очевидного. Ты же всегда была единственной девушкой в его окружении, о которой он действительно беспокоился.

Я невольно вспомнила все те разы, когда Картер грубо меня отшивал. Как сегодня. Когда говорил гадости и доводил до слёз. В общем, делал всё, чтобы я никогда к нему не подходила.

— Да он терпеть меня не может, — поморщилась я.

Неожиданно вспомнилось, как жаром полыхнули губы и как после затопило ненавистью и стыдом. Не признать жажды к прикосновению — глупо. Кажется, я совсем тронулась умом, раз ощутила такое к парню, которого ненавижу.

Мася вздохнула и закатила глаза.

— Знаешь, я всегда считала, что твой Макс придурок, но ты-то меня не разочаровывай. Ты должна проанализировать его поведение. Присмотреться.

Пообещав подумать над этим, я пожелала подруге спокойной ночи и поплелась в душ, задёрнув предварительно шторы. Свежо ещё в памяти ощущение *его* холодного взгляда на коже.

После душа, я уже ложилась в кровать, когда на смартфон пришло сообщение по ватсап. Скользнув взглядом по имени отправителя, я свайпнула блокировку и уставилась на странное сообщение от Маси:

“Выезжаем в 7:00. Не опаздывай”

Только секундой позже я посмотрела на верхнюю часть экрана и увидела, что отправитель не Мася, а Макс. В груди тут же колыхнулась былая ярость, но отвечать ничего не стала. Пусть делает, что хочет, как хочет и когда хочет, а мне нефиг указывать.

Завела будильник на пять и улеглась на мягкую подушку, думая, что спать мне осталось всего два часа, а сон, как назло, не шел. В мыслях царил хаос, он-то и мешал мне отдыхать.

Проснулась резко. Будильник во всю имитировал сирену, распространяя пронзительный звук на весь дом. Думая только о том, что должна сделать всё до того, как меня хватится Картер, я собралась за считанные минуты. Нигде в доме свет не зажигала. Он у нас большой и просторный, поэтому утаить чьё-либо присутствие в доме ночью невозможно.

Пробравшись на кухню как вор, я открыла окно и осторожно вылезла наружу. Дом придётся оставить без сигнализации, но тут остаются мои охранники, вот пусть хлеб и отрабатывают.

Выбраться с участка незамеченной тоже не составило труда. Правда, пришлось пробираться по территории соседей, но, думаю, они не будут сильно возражать. Таким образом я выбралась на другую улицу, где не было охраны, и поплелась на остановку.

— Ждать он меня будет, ага. Да после вчерашнего я бы в жизни с ним в машину не села!

В итоге в семь ноль один, когда от Картера пришло сообщение, я уже стояла у входа в общежитие, безумно довольная тем, что удалось избежать совместной поездки и необходимости напрягаться. А напрягаться бы пришлось в любом случае, ведь с Максом иначе никогда не получается.

“Малая, у меня нет времени на утренние разбор полётов. Выходи, я обещаю молчать, если сама не будешь лезть под кожу”

Ничего не ответив, я сунула смартфон в карман куртки и вошла внутрь. Нужно было собраться, поговорить с Соней и, может быть, придумать способ, как избежать встречи с мистером Ледышкой. Картер мне ничего не сделает, но мозг может изнасиловать умело, и это мне совершенно не улыбалось.

— Эй, есть кто дома? — тихо поскреблась я в дверь.

Зная, что у некоторых местных обитательниц может не быть первой пары, я не хотела испортить удовольствие поспать лишний час.

Соня открыла почти сразу и впустила меня, оглядев сонными глазами. Причём эти самые глаза были слегка мутными, а сама она не казалась отдохнувшей.

— Я смотрю, ты вечер воскресенья не коротала в одиночестве. Алёшик?

Девушка улыбнулась в ответ, усадила меня на кровать и принялась допытывать о моём знакомстве с Картером. Ничего особенно интересного я рассказывать не стала. Сообщила только, что он мой сосед, которого я знаю всего несколько лет, но мы особо тесно не общались. Мне казалось неправильным вывалить всё о Максе. Вот только Соня уверенно заявила, что я недоговариваю. Напомнила про платки, но я резко, в немного резкой форме, свернула разговор.

— Я пойду лучше кофе сварю, пока ты собираешься, — поднялась с постели и отправилась на кухню, едва не пожалев о своём решении. Девчонки уже проснулись и заняли очередь у плиты. У кого-то завтрак, у кого-то приготовление обеда.

Залезла в смартфон и написала Массе, что свалила утром от Картера, избежав совместной поездки, на что она ответила гифкой робоцыпа “Вот это поворот”.

“Ему-то ты, надеюсь, написала, что уехала?”

“Зачем?” — я даже бровь вскинула, печатная вопрос.

“А ты не думала, что парень переживать будет?”

“Он же не думал о моих чувствах, когда называл шлю... В общем, мне тоже плевать,

Мась. Он и сам не хочет всех этих встреч. Почему я должна париться?"

"Когда ты уже включишь мозги, Екатерина Котова?! Поступки, а не слова, определяют человека!"

"Мне хватает и слов, и поступков! Ты просто не знаешь всего..." — Я глубоко вздохнула, раскручивая сжавшуюся неожиданно пружину гнева. — *"Я после первой пары тебе позвоню, ок? Пора собираться"*

Я убрала телефон в карман и принялась варить кофе, когда подошла моя очередь. Соня довольно быстро собралась, поэтому и на кухню пришла вовремя. Обсудив планы на день, мы решили сходить после занятий в какое-нибудь тихое кафе, где могли позаниматься. А ещё девушка поведала, что в пятницу намечается праздник для всего ВУЗа, подробности о котором только собираются рассказать сегодня на занятиях.

Ну, если одногруппники потянут меня в клуб, то я пас. Желание посещать подобные заведения отбилась напрочь, к тому же алкогольные напитки из чужих рук у меня теперь стойко ассоциируются с наркотическим опьянением и последствиями, о которых лучше никогда не вспоминать.

На занятия мы отправились в хорошем настроении. Я уже как-то и позабыла о том, что практически не спала этой ночью, и о том, что сбежала от надзирателя, поэтому не сразу заметила чёрную иномарку, стоявшую у самого входа общежития. Подняла взгляд на парня, что, прислонившись к капоту своего авто, курил сигарету и с холодной яростью смотрел на меня, привычно рисуя изморозью узоры на моей коже.

Самое паршивое было в том, что Картер поставил машину в неполюженном месте, у самого крыльца. И, чтобы попасть в институт, мне нужно пройти мимо него, чего делать не хотелось. Сдавать назад тоже не было никакого желания, потому что я не хотела казаться трусихой.

Замедлившись, я всё же решила попытать счастье. Не убьёт же он меня в конце концов. Тут народу столько, что мне свидетелей до конца жизни хватит.

Отчего-то с каждым шагом, ноги тяжелели, будто свинцом наливались. В ушах зашумело, а стук сердца стал настолько громким, что я слышала каждый его удар.

"Ты же ничего предосудительного не сделала, Катя, просто уехала сама", — подбадривала я себя. — *"Ты же взрослый, блин, человек!"*

Следом пришла злость.

Черт! Да я же совершеннолетняя! С какой стати мне отчитываться за обыденные вещи? Я не его собачка и тем более не Тарзан. Если он привык к тому, что ему в рот заглядывают и слушаются безукоризненно, то разочарую.

— Привет, Макс, — я широко улыбнулась парню, едва с ним поравнялась. — Как спалось? Мне вот шикарно, я бодрa и готова к подвигам.

— Что ты вытворяешь, Кэти?! Я сначала ждал тебя, как идиот, а затем, когда направился искать, обнаружил незапертый пустой дом! Скажи, какой вывод я сделал?

Я пожалала плечами и едко спросила:

— Что ты идиот?

— Кэти, — угрожающе протянул парень.

— Льстить тебе будет Таня, а я предпочитаю быть честной. После того, что ты мне наговорил, я не желаю тебя видеть. И мне пора.

Я развернулась, чтобы уйти, но спину мгновенно атаковали ледяные иглы:

— Мы не договорили, Малая.

Вот знаю, что нельзя так, что потом мне аукнется, но произношу с садистским удовольствием:

— Всего тебе плохого, Картер.

И быстрым шагом направилась прочь, оставив недоумевать собравшуюся совершенно "случайно" толпу вокруг нас. Пусть сами остальное додумывают, хватит мне уже осознания того, что теперь поползут новые слухи. Только первый месяц учебы, но я за это время успела вляпаться по самое не хочу!

К счастью, Макс тоже не стал устраивать цирк, и я благополучно дошла до института. А там всех первокурсников радостно огорошили новостью, что в конце недели состоится бал в честь пятидесятилетия со дня основания ВУЗа. Естественно, надо подготовить номер и выучить вальс.

— Слов нет, — возмутилась сидящая рядом Оля, моя одногруппница и староста по совместительству. — Могли бы и в день праздника сообщить!

— Сплюнь! Не подавай идею, а то после такой подлянки я не удивлюсь, если действительно уведомят нас за пять минут до мероприятия, — хмыкнула я.

Оля тяжело вздохнула и кивнула:

— И то верно. Но жизнь боль в кубе, потому что мне всем этим заниматься.

Мне лишь оставалось посочувствовать девушке. Но тогда я и задумывалась, что скоро сочувствие понадобится уже мне, что Картер устроил мне подлянку похуже, чем институтская администрация. Мало мне охранников отца, так он подключил своего татуированного амбала, которого явно повысили — за пару дней от почтальон до личного, мать его, телохранителя поднялся.

Я сначала не подала вида, мало ли, вдруг нам по пути, возможно, и ему срочно нужно в библиотеку, к кофейному автомату или к стенду с расписанием, но когда парень за мной пошел в сторону женского туалета, не выдержала. Наглая и не скрываемая хотя бы ради приличий слежка! Да Макс офигел!

Резко остановившись, развернулась и пошла напрямик к своему "секьюриту".

— Что за фигня? Хватит ходить за мной по пятам!

Парень отреагировал безразличным:

— Не ко мне вопрос, Екатерина. С выяснениями отношений обращайся к Максиму, я лишь выполняю работу.

Просто волшебство! Злая до чертиков, продолжила путь. Старшекурсник как ни в чем не бывало последовал за мной.

Мне захотелось простого и человеческого... убийства Картера. И чтобы я сама нежно и с любовью его и придушила.

Вся неделя прошла словно один бесконечно длинный день. Пары, семинары, куча информации, которую надо зубрить, а после короткого перерыва на быстрый обед, репетиция номера. К тому же нам, как первакам, еще необходимо было написать поздравительную речь. В общем, пятницу я ждала больше, чем новогодние подарки или уже каникулы.

Своего нового охранника я старалась игнорировать. Идти к Картеру и что-то выяснять я не желала. Потерплю как-нибудь.

— Катя, а ты платье купила? — вырвала из размышлений Соня. Я только пришла самой последней репетиции и лежала на постели, не в силах подняться и снять уличную одежду. Устала. Ужасно устала.

— Какое платье? — мозг сгенерировал ответ раньше, чем до меня дошел смысл вопроса. — Черт! Нет, не купила.

— Вот ты даешь, подруга! — весело отозвалась соседка. — Эй, куда ты?

— В магазин, — я сползла с кровати. — Это же капец! Я совершенно забыла про платье. Не знаешь, где тут ближайший...

— Стоп-стоп! — перебила меня Соня. — Не парься, можешь что-то мое надеть. Шкаф открой, а пока открываешь, слушай новый слух.

— Сонь, ты чудо! — я не удержалась и бросилась ее обнимать. — И что бы я без тебя делала? Готова выслушать хоть двадцать слухов!

Девушка обняла в ответ и фыркнула:

— Ну-ну! Топай давай примерять.

Я подчинилась и даже успела вытащить вешалку с зеленым бархатным платьем, как Соня дезориентировала фразой:

— Итак, поздравляю!

— С чем? — вскинула я бровь, повернувшись к ней.

Она улыбнулась и выдала абсурднейшую вещь:

— Тебя без тебя выдали замуж за мистера Ледышку!

— В смысле? — несколько растерянно спросила — я ожидала чего угодно, но только не подобный бред.

— Сейчас, — подруга поудобнее устроилась на своей кровати, подложила под руки подушки и продолжила: — Все болтают о ваших с Максом отношениях. Ты сама посуди: он никогда не ждал девушек у общаги, не утешал никого, не позволял разговаривать с собой... ну, так, как ты с ним в понедельник. И вот, сегодня дошли уже до вашей с Картером тайной свадьбы. Круто, да? — восторженно протянула Соня. — Видела бы ты зеленую морду Тарза... Тани, короче.

Круто?! Да это ужасно!

— Счастлива за Тамилову, но... — я ошарашенно сползла на пол, прикинув масштаб катастрофы. Боже, как народ успеваешь и сплетничать, и учиться?! И еще: у кого настолько извращенная фантазия? Покажите пальцем, я поумерю его пыл. — Но давай будем откровенны: между мной и Картером разве что...

— Искры летают, — нагло перебила меня Соня и мечтательным тоном проговорила: — А какой вы будете эффектной парой...

Я удивленно посмотрела на соседку. Что это с ней? Но к счастью, все с ней было в порядке, просто не упустила возможность поиздеваться над ближним своим:

— Ты его будешь вечно проклинать, а он властно шипеть в ответ "Молчи, женщина!".

— Очень смешно, — мрачно заверила я, рывком сдирая с себя одежду, чтобы наконец-то примерить платье. — Сейчас начну смеяться, только пойду сначала поставлю свечку за свою личную жизнь.

Новость о слухах, конечно, меня жутко расстроила, но, так как я это я, не могло не возникнуть происшествие похуже. Мне написал Костик, и уже по первым строчкам я догадалась: он нереально зол. На меня.

"Привет. Как дела у моей дорогой сестрицы?" — И никакой "Катюхи" или "Малой". Ни

единой шутки или смайла.

Судорожно перебирая в голове, где я успела облажаться, я напечатала ответ:

"Привет, Костик;) Отлично. А у тебя? Как учеба? Когда мне ждать мой обещанный сюрприз?"

"Отлично, говоришь? И почему я не верю?" — сообщение пришло мгновенно.

Похолодевшими пальцами набрала "Потому что что-то знаешь", но нажать на "отправить" не решилась.

Брат же продолжал экзекуцию:

"С каких пор ты мне врешь, Малая? И не договариваешь? Разве я дал повод усомниться в себе?"

Морально порол Костя виртуозно, потому мне стало очень-очень стыдно. Даже стыднее, чем в квартире Макса после осознания случившегося. Я так не хотела, чтобы он был в курсе событий того дня. До ужаса не хотела. Все, но только не Костик, потому что для него я желала быть Малой — девочкой, с которой он возился всю жизнь, в шутку ругался, опекал и вечно шутил над ней, но не взрослой девушкой, почти женщиной, что успела наделать ошибок.

Когда-то я наткнулась в сети на цитату: "Правду больше всего раскрывать своим близким", она мне очень запомнилась, несмотря на то, что звучала несколько странно. Однако только теперь до меня дошло ее истинное значение. Действительно, больше всего говорить ту правду, что самой хочется забыть, родному человеку. Незнакомцу будет плевать, а вот для брата это может стать потрясением. Глупость моя, но рана для него.

Костик для меня всегда являлся всем, для него надо быть лучшей версией себя, а я, кажется, его разочаровала.

"Прости", — других слов я не нашла, чтобы выразить все то, что всколыхнулось в душе.

"Пообщаемся, когда я приеду.

И еще раз: всегда пиши мне. О том, что считаешь мелочами, в том числе, Малая. Поняла?"

Чувствуя себя нашкодившим котенком, ответила:

"Поняла. И прости еще раз"

Я дала обещание, даже не представляя, что уже завтра его нарушу. Что уже завтра из-за моей невнимательности изменится абсолютно все.

Глава 11

— Пить хочу жутко, — Соня потащила меня к накрытым столам. И спросила, рассматривая пакеты с соком: — Яблоко или вишня?

— Яблоко, — особо не задумываясь, ответила, крутя головой и пытаюсь в толпе "поймать" двух странных парней, что я заметила совершенно случайно в толпе. Может, у меня уже глюки? Первый амбал ладно, окей, я с ним уже чуть ли не сроднилась за неделю, но куда еще-то?!

Куда бы я не пошла, меня сопровождали взгляды. Два пристальных, тяжелых взгляда, что будто говорили "не рыпайся и сиди смирно". По их же заслуге однокурсник, который подошёл что-то у меня спросить, уплетал со скоростью света, так и не сообщив, что ему от меня надо. Соня лишь увлеченно переводила глаза с меня на качков и очень красноречиво молчала. Я тоже молчала, но уже очень зло.

Точкой кипения стало то, что мне просто не дали выйти и подышать свежим воздухом! У дверей актового зала караулили еще шкафы в черных костюмах и со знакомой татуировкой на шее.

Выдохнув сквозь сжатые зубы воздух, я вернулась в помещение и, кипя от ярости, написала Масе, чтобы хоть как-то выпустить пар:

"Я больше не могу молчать! Он только что добил меня. У входа дежурит охрана. В зале два телохранителя в татушках, смотрят, как коршуны. Я, мать его, суперзвезда?!"

Пока ждала ответ от Максим, в другом мессенджере активизировалась беседа нашей группы: Оля инструктировала нас по поводу выступления и скидывала в энный раз сценарий.

Телефон запиликал уже сообщением Маси:

"Признай, что он крут. Заботится о тебе. Может, это любовь?))))"

Я не стала выходить из институтского чата и напечатала во всплывающем окошке:

"Да ты не понимаешь, Мась! Он не умеет любить. Постоянно вынуждает беситься от каждого его слова. Да он просто брызжет ядом, лелея мою к нему ненависть. Только не ненависть это нифига(((("

Тем временем староста прислала огромными буквами послание "ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУ ОБЪЯВЯТ НАШ ВЫХОД". Еще время есть, как раз успею успокоиться и закончить разговор с Масей.

Два следующих сообщения пришли почти одновременно, и у меня в голове даже не возникла мысль, что они от разных абонентов.

"Господи, Катюх! Мы с девчонками давно знаем, что ты притворяешься, потому что этот придурок тебя совсем зашугал. Даже невинные шутки воспринимает как подтекст. И я прекрасно понимаю тебя))))"

"Где ты?"

Нажав на "ответить", быстро напечатала:

"Я за сценой."

И что мне делать Мась? Картер не оставляет в покое, не понимая, что я люблю его куда сильнее прежнего. Не понимает, что ненависть — это защита от его агрессивных нападок. Я не знаю, как буду с этим справляться"

К тому же голос ведущего меня отвлек, и я скоренько закруглилась и отправила, чтобы

открыть сценарий и пройтись в последний раз по нему глазами.

Однако следующие сообщение заставило чуть ли не выронить от удивления телефон:

“Я тебя предупреждал”

Мася мне такое пишет?! Я мгновенно перешла в ватсап, чтобы посмотреть наш диалог полностью и...

Вот черт! На меня с иконки аватарки смотрела не улыбочивая Максим, а бесстрастное лицо Картера с глазами холоднее айсберга.

О, Господи!

Сердце прыгнуло в горло и продолжило стремительный стук уже там.

Черт. Черт. Черт!

Дрожащими пальцами удалила отправленные не по адресу слова, но:

“Поздно)”

Улыбочка в конце?! И кажется, что, каждая буква пропитана... предвкушением.

Черт. Черт. Черт. Какая же идиотская ситуация!

Я растерянно продолжала смотреть на экран телефона, чувствуя удушающий стыд и желание убежать. Убежать и спрятаться, чтобы никто меня не нашел. Но мне не дали и минуты передышки:

— Катя! Не стой столбом, идем давай. Нас объявили! Все помнят слова? Леонтьев, только попробуй глупость сморозить!..

У меня тряслись колени, а ладони похолодели, сердце билось с утроенной скоростью, грозясь выпрыгнуть из груди, но я не могла отступить. Просто некуда, потому что на меня надеются люди, я исполняю важную роль в номере, я...

Я просто дура, раз вот так облажалась.

Выступление прошло словно в тумане. Я танцевала, произносила свои слова, улыбалась, после с остальными читала поздравительную речь, но где-то далеко, в другой Вселенной, потому что в моей существовал лишь пробирающий до мурашек взгляд Макса и его ухмылка. Он стоял чуть поодаль сцены и пристально смотрел на меня. Только на меня, словно и для него сейчас существовала лишь я.

Мне было не по себе. Страшно спускаться с подмостка, потому что обязательно столкнусь с Картером, и он опять выдаст все, что обо мне думает. Снова начнется... Я отвлеклась лишь на минуту, чтобы завершить номер, а когда снова повернулась, парня на месте уже не оказалось. Он просто... ушел? Серьезно? Аутодафе отменяется?

— Кать, круто сыграла! — Оля беззаботно болтала, пристроившись рядом.

— Спасибо, — несколько заторможено пробормотала я. Из головы до сих пор не выходил взгляд Макса и его "поздно". Он много раз предупреждал, но что же произойдет на этот раз? Будет бить словами куда больнее? Что он сделает?

— Пойдешь с нами в клуб? Мы с девчонками собираемся тоже отпраздновать, к тому же завтра пар нет, можно расслабиться и выпить.

Меня только от приглашения передернуло. Только тусовки мне не хватает для полного комплекта проблем!

— Нет-нет, — сразу же отказалась я. — Прости, но я не люблю клубы.

— Жаль, — растерянно отозвалась одноклассница. А затем запнулась вдруг и удивленно прошептала: — Офигеть!

— В смысле? — я проследила за взором подруги и мысленно чертыхнулась.

Я ошибалась. Палач не забыл о своей жертве. Макс терпеливо ожидал меня за кулисами, прислонившись к стенке и спрятав ладони в карман.

— Он к тебе, да? — понятно уточнила Оля и, не дожидаясь моего ответа, поговорила: — Тогда я побегу, не буду вам мешать.

Просьба остаться замерла у меня на губах, но произнести вслух я не успела, наблюдая с распахнутыми глазами за тем, как Картер отталкивается и мягко направляется в мою сторону.

Мягко, бесшумно, легко, будто охотник, который загоняет дичь. И нет сомнения, что он догонит, поймает и вцепится в плоть...

Что за мысли, Катя? Ничего он не сделает. К тому же, вокруг много студиозов, которые уже наострили уши.

— Макс, — в горле пересохло, и я сглатываю, — послушай...

Он молча сжал мое запястье и потащил куда-то в сторону. При том в обратную от зала!

— Макс!

Темный пыльный коридор меня отнюдь не радовал. К тому же на мне платье Сони, а здесь не испачкаться просто нереально!

— Помолчи, Кэти, — бросил он мне, не думая останавливаться.

Я прикусила губу и молча пошла за ним, стараясь идти аккуратно. К счастью, через минуту парень остановился у какой-то деревянной двери, распахнул ее, а когда мы вошли, успел запереть раньше, чем я успела даже выдохнуть.

— Макс, что ты творишь?!

Я ждала объяснений, скандала, обидных фраз, но не того, что произошло дальше. Одним шагом преодолев расстояние между нами, Картер рывком впечатал меня в стену.

— Макс...

Прижал меня к себе сильнее, приподняв за попу и заставив обхватить ногами его талию.

— Что ты?..

Мои слова он поглотил поцелуем. Жадным, резким, обжигающе-крепким, со вкусом табака и яблочного сока. Вжался бёдрами, вынудив ощутить его твёрдый член под тканью брюк и усмехнулся в губы, когда я протестующе застонала, упираясь ладонями в его грудь. Но Картер не собирался давать мне свободу. Его язык обвёл мои зубы и толкнулся глубже, словно вызывая на дуэль, желая почувствовать ответную реакцию.

И она была...

О, да. Она определённо была, потому что низ живота стягивало сладким спазмом, когда Макс тёрся о мою киску. Трусики мгновенно намокли, а разум заволокло розовым дурманом, что отравлял благоразумие.

Он мял меня, тискал, гладил и целовал. Делал так, как я всегда мечтала. Заставлял чувствовать его власть над своим телом. Его желание и силу. Вот так просто вскружил голову за какие-то секунды, оставляя метки от пальцев на моих бёдрах. Скользя губами от подбородка к шее и прикусывая кожу зубами.

Я слышала только как стучит моё сердце и шумит рваное возбуждённое дыхание. Хотела его с такой силой, что между ног уже болезненно саднило.

Макс неожиданно опустил меня на ноги, но не отстранился. Его горячее дыхание обжигало моё плечо, пока я потрясённо молчала, совершенно не понимая, что происходит.

— Признаю, это офигенно, — хрипло рассмеялся Картер.

— Что именно? — спрашиваю с одышкой. — Зажимать девушку в тёмной подсобке?

Возбуждение сходило на нет, уступая место разочарованию. Отчего-то в груди разливалась уверенность, что он сделал это мне назло. Ну а что? Другие ведь методы не работают.

— Целовать тебя, Кэти, — его губы снова нашили мои, а сильные пальцы сжали талию. — Целовать, когда захочу, и не сдерживаться, не отталкивать, не сожалеть о каждом произнесённом слове. Ты мне все тормоза сорвала, Малая. Не могу я больше.

Сердце в груди пропускало удары с каждой фразой.

— Я не понимаю, — шепчу я, поддаваясь. — Что ты делаешь?..

— Забираю своё, — его ладони скользнули вверх, оглаживая бока, а после горячие пальцы провели по краю лифа, чтобы резким движением стянуть его вниз, оголяя кожу груди. — Маленькое возбуждённое “своё” с тугими притягательными сосочками и мокрыми трусиками.

— Макс!

Я вздрогнула и попыталась прикрыться, но он мягко перехватил мои запястья и, удерживая, принялся опускаться, покрывая подбородок и шею новыми порциями поцелуев. И не остановился, пока не добрался до острых наконечников груди.

Каждое движение его языка дёргало за чувствительные ниточки внутри, которые натягивались и звонко вибрировали, рождая во мне знакомые чувства. А когда его пальцы коснулись моей киски я и вовсе потерялась. Картер оттянул в сторону влажные трусики тронул клитор, принявшись дразнить его круговыми движениями. И это было не грубо, нет, но и не нежно вовсе. Достаточно, чтобы заставить меня вцепиться в жесткие волосы и умолять не останавливаться.

Макс оставил в покое мою грудь, поднялся и вжал в стену, грозно рыкнув. Его пальцы стали настойчивее, подталкивая меня к пику, губы нашили мои и...

— Скажи, что любишь меня, Кэти...

— Нет!.. — выдохнула, уже подбираясь к своим звёздам.

Я уже привыкла говорить о ненависти. Привыкла к моральным поркам. Если его действия наказание, то ещё раз наступать на те же грабли...

— Скажи, Малая! — прошипел в мои губы, отняв пальцы и спугнув подступающий оргазм.

Он утекал, как вода, но разве я не могу это пережить? С силой закусив губу молчу, ощущая на себе взгляд парня и горячее дыхание, обжигающее щёку.

— “Скажи ненавижу” ты имел в виду? — я старалась, чтобы мой голос не звучал так откровенно жалко, но...

Картер усмехнулся и снова потёр пальцем клитор.

— Я сказал то, что хотел. А теперь повтори.

Одно скользящее движение пальцем вперёд. Туда, где саднит сильнее всего, и я вскрикиваю. Не от боли, нет. А от того, как отреагировало тело. Короткой яркой вспышкой, слабостью и мощным сладким спазмом внизу живота. Всё это словно опрокинуло меня на лопатки.

— Скажи, Малая, — и мягкий укус в шею.

До мурашек...

— Люблю тебя... — полустон-полушепот.

А в ответ обжигающее дыхание и подступающий оргазм, контролируемый сильными

пальцами.

— Ещё раз, — шепчет жарко.

Я балансирую на краю. Кусаю губы, скулю и цепляюсь пальцами в рукава его пиджака. Ещё немножко... Ещё чуток...

— Повтори, — требует хрипло, и я сдаюсь.

— Я люблю тебя!

— Громче, Кэти!

Он творит что-то невообразимое. С каждым его движением, словом, укусом у меня душа в груди переворачивается. Сладко до слёз и жарко до одури. Трудно дышать! Я задыхаюсь в этом чувстве, тону, как в черном омуте, где нет ни лучика света, но...

— Люблю! — взывала, снесённая тугой волной оргазма.

Он разразился во мне фейерверками, даря уже знакомое наслаждение, но также стремительно померк, оставляя после себя лишь затуманенный разум, слабость и приятное чувство удовлетворения.

Картер убрал руку из под моего платья, прижался тесно и коротко поцеловал в губы, давая нам обоим время, чтобы усмирить тяжелое дыхание.

Я не понимала, что произошло и куда делся Макс, который никогда бы не сделал ничего подобного. Всё казалось нереальным. Какой-то глупой фантазией, которая вот-вот растворится и окажется, что я стою одна посреди подсобки.

— Что ты делаешь? — спрашиваю на грани слышимости, но Картер всё равно отвечает.

— Ты меня довела, — привычная усмешка проскользнула в каждом слове. — Теперь не отвертись, Кэти. Даже если сама передумаешь. Назад дороги нет, поняла?

Он провёл пальцами по моим волосам, пока я возвращала лиф платья на место, скользнул на затылок их сжал у самых корней.

— Я ничего не поняла, — ответила честно.

Всё ещё не пришла в себя, чтобы выпытывать подробности. Для меня то, что произошло было шокирующим. Хорошо хоть нашла в себе силы напомнить о том, что мы на мероприятии, и там вроде бы нужно вальс танцевать. Иначе старосты нас живьём закопают.

— Потом объясню, — хмыкнул он и открыл дверь, впуская тусклый свет.

Интересно, мы платье Сони не сгубили? Будет очень неудобно, если все же испортили. Не хотелось бы впасть в немилость из-за какой-то тряпки, будто мало может быть поводов для ссор.

И о чём я, чёрт побери, думаю после “прыжка с парашютом”?

Почему-то, когда оказались за пределами подсобки, мне было... не по себе. Я не могла смотреть ему в глаза. Господи, да мне всё ещё казалось, что у меня мозг распух до размеров футбольного мяча и сейчас стабильно снабжает зрительные органы качественной галлюцинацией!

Картер взял меня за руку и вывел в зал, где отпустить совершенно не собирался, несмотря на то, что партнёры по вальсу уже сбивались в пары. А едва я попыталась отнять ладонь, чтобы найти своего, Макс неожиданно повернулся и посмотрел мне прямо в глаза:

— Никаких парней, Кэти.

Я задохнулась! Даже не знаю от чего больше: от того, каким тоном это было сказано, или от того, что он снова мне указывает.

— Ты серьёзно думаешь, что я буду соблюдать дурацкие правила? — вздёрнула я бровь.

И даже вздрогнуть не успела, когда он обвил мою талию руками и вдавил в себя, не

отводя взгляда.

— Я серьёзно думаю, что ты всё ещё не осознаёшь, что натворила, — он склонился к моему лицу и растянул губы в улыбке. Такой сексуально-притягательной, что я на миг забыла, как дышать. — Ты моя, Кэти. И я откручу голову любому, кто попытается этот факт оспорить.

Я не понимала столь резкую перемену. Он издевается, что ли? Только рот открыла, чтобы задать очередной вопрос, как рядом с нами появляется мой партнёр по вальсу. Он смотрел на нас с Картером несколько удивлённо, но всё же протянул галантно руку. А Макс и не вздумал выпускать из объятий. Посмотрел на него своим убийственным взглядом и тихо сказал:

— Девушка у колонны в розовом платье, — мы с Владимиром одновременно повернули головы в ту сторону, где действительно стояла невысокая брюнетка. — Танцуешь с ней. А теперь убирайся. — И Макс потерял к парню всякий интерес, вернув внимание мне.

— Я ни разу не видела тебя на репетиции, — сказала, провожая задумчивым взглядом своего теперь уже бывшего напарника.

— Неудивительно, — хмыкнул он улыбнувшись. — Староста пытается заставить меня каждый год...

— И ты соглашаешься? — перебила его удивлённо. Ведь такое попросту невозможно. Картер на моей памяти ни разу с девушкой не танцевал на вечеринках. Не любил.

— В этом году да, — усмехнулся он, видя мою реакцию. — На индивидуальных условиях.

Сразу после его ответа заиграла музыка, Картер выпустил меня из плена своего тела, но лишь для того, чтобы отстраниться на шаг, убрать одну руку за спину и протянуть для приглашения другую.

Я коснулась его пальцев, которые он тут же уверенно сжал и потянул меня на себя, делая встречный шаг.

И началось...

Моя ладонь на его плече выглядит так хрупко, что кажется игрушечной. Макс уверенно ведёт меня в танце, будто совершенно не обращая внимания на людей вокруг. Кажется, он даже не смотрит. Шаги в такт, глаза в глаза. Миг... и чуть ближе, чуть теснее, чем нужно, но я чувствую, как рождается пламя внутри. Уголок губ самоуверенно в сторону, и пальцы на талии чуть крепче, чуть жестче.

Выпускает на мгновение, чтобы сделать положенную фигуру, но тут же тянет назад в объятия, чтобы сжать крепче прежнего, улыбнуться и пустить ток по венам одним своим взглядом, на дне которого я сейчас видела талые воды.

И мы снова кружимся по залу, пока нас не застаёт смена партнёров. Картер не выпускает меня из виду. Парень, что вёл меня сейчас, ни на миг не нарушил границ дозволенного, но я всё равно ощущала что-то неправильное. Когда произошла смена, я едва не задохнулась от возмущения. Пальцы стиснули слишком жестко, а рука, вместо того, чтобы лечь на талию, скользнула на бедро.

— Макс! — прошипела я.

— Я больше не собираюсь сдерживаться, Кэти. Ни в чём. Ты примешь меня таким, какой я есть, если действительно любишь.

Мы остановились на мгновение, после чего он взял меня за талию и, приподняв над

собой, описал круг, но вот опустил совсем нетак, как положено — просто поставив перед собой, нет. Он он опустил меня, заставив соскользнуть по его телу, и сполна наслаждался тем, как я напряглась и вцепилась в его плечи. Боже, по ощущением это так, будто я на нём голая сижу. Внутри всё сжалось, забурлило, а самое главное... он смотрел мне прямо в душу и прекрасно понимал, какая дьявольщина там творится.

Остаток танца был более спокойным, но ощущений мне хватило до конца. Кислорода катастрофически не хватало, поэтому, как только вальс закончился и студенты освободились от вечерней программы, я рванула на выход. Понимала, что за мной, если не Картер последует, то охрана, но мне необходимо на воздух.

Оказавшись за дверями, я замерла и вдохнула прохладный воздух. Меня просто колотило от чувств и ощущений. Я не знала, куда деваться и что делать. Напористость Макса не казалась наигранной, но я всё равно не верила.

Он теперь постоянно будет так поступать, действуя от обратного? Я не хочу, чтобы он играл на моих чувствах. Не верю, что он действительно хочет того, что делает.

И это как-то... подло.

Не успела я обдумать своё дальнейшее поведение, как сильные руки обвили талию, а губы Картера коснулись шеи. Я вздрогнула от посыпавшихся мурашек, но Макс будто не заметил. Глубоко вдохнул и потёрся носом.

— Бежишь от меня? — в голосе прозвучало притворное недовольство.

Мне было приятно. Нравилось то, что он делал. Нравилось то, что заставлял испытывать, но я не хотела в этом признаваться. В итоге он всё равно сделает больно, разве нет? Боюсь, в этот раз я не соберу себя по частям как делала раньше. Если Картер таким образом наращивает мощь для удара, то тот будет сокрушительным.

— Чего ты хочешь? — мой голос пропитан горечью, но я даже не собираюсь её скрывать.

Макс хмыкает и закусывает кожу на моём плече, точно грозясь оставить метку, а когда я осторожно его отталкиваю, крепче сжимает руками и отвечает не без усмешки в голосе.

— Что хотел, я получил.

Снова этот лукавый тон. Словно мало мне того, что он так тесно прильнул к моей спине, вынуждая чувствовать поднимающийся со дна пожар. Словно не ощущает, как отчаянно бьётся сердце в моей груди, пытаюсь проломить костяную клетку.

— Не надо играть со мной, Макс. Ты слишком плохой актёр, — солгала я без зазрения совести. Ведь видела, что любовь и обожание он изображает умело.

Картер резко выпрямился и развернул к себе лицом. Взгляд опалил жаром, но твёрдые губы дрогнули, демонстрируя раздражение.

— Малая, не будь душой.

— Я и не хочу! — фыркнула в ответ. — Поэтому прошу тебя прекратить представление. Зачем ты издеваешься? Думаешь, так просто было все годы, когда ты так жестоко меня отталкивал? Не просто, Макс! Чувства не проходят, понимаешь? Чтобы я не делала, они не проходит!

Картер внимательно слушал всё, что я говорила, но с каждым словом его губы растягивались в улыбке, делая взгляд ясным и тёплым. Он поднял руку и заправил за ухо мою выбившуюся из причёски прядь волос, так осторожно, будто боялся это делать.

— Я знаю, Кэти...

И снова понимающая усмешка. Вот именно она меня и вызверила окончательно.

Тыльной стороной руки шлёпнула его по запястью и прошипела:

— Нихрена ты не знаешь, Макс! — внутри завьюжило злостью и отчаянием. — Что нужно, чтобы ты отвалил? Сотню ненавистных тебе признаний? Тысячу?

— Кэти...

— Не надо этих твоих “Кэти”! Просто скажи, что мне сделать, чтобы ты вёл себя как раньше?!

Картер мгновенно сменил маску, опалив мои губы злым взглядом.

— Уймись.

— Да иди ты! Забудь про сообщение! Не было его никогда, понял? И прекрати уже этот цирк, смотреть мерзко!

Я уже не понимала, что несу. Ярость, родившаяся от мысли, что он не разделяет моих чувств, а только насмехается, кажется, убила здравый смысл и отбила чувство самосохранения. Сын дьявола заметно разозлился, но даже не пытался ответить. Только прежде, чем я произнесла ещё несколько десятков злых фраз, он просто наклонился, схватил меня за талию и, не слушая визга, перебросил через плечо.

Потрясённая, я не сразу сообразила, что происходит. В темноте прозвучало резкое “Поведёшь”, бряцание ключей и согласное “Хорошо” чужим голосом.

— Пусти немедленно, — потребовала я. — Опять эти твои дурацкие штучки, Макс! Я не кукла, чтобы таскать меня!

— Не дёргайся. Не буди во мне желание хорошенько тебя отшлёпать, Малая.

На мои жалкие удары в его спину он никак не реагировал. Снял с плеча только для того, чтобы усадить на заднее сиденье своей машины, но даже там из рук не выпустил, преодолевая неожиданное сопротивление в моём лице.

Сама не понимала, что творю. Но каждое его прикосновение казалось отравляющим. Он и без того давно проник под кожу, пропитал каждую клетку моего тела, забрался в самую душу... и дать объяснение, почему ожесточённо сопротивляюсь, я не смогла бы даже себе.

Картер насилу прижал к себе, обвив руками мои плечи. Получилось так, что я оказалась в коконе его рук, будучи обездвиженной. Парень не разговаривал со мной да и вообще старался смотреть на дорогу, я же упёрла злой взгляд в линию подбородка, где обозначалась ямочка.

— Куда мы едем? — не выдержала в итоге.

— Домой, — сухо ответил он, оглядывая окрестности задумчивым взглядом.

Повернув голову, посмотрела на водителя и узнала в нём своего охранника, к которому даже привыкнуть успела за неделю. Мгновенно возникла куча вопросов, но я сжала зубы.

Честно говоря, услышав уверенное “домой”, по приезду я ожидала увидеть двери общежития, а не знакомый подъезд дома, в коем живёт Картер. Заметив, как хмурятся мои брови, тот предупредительно произнёс:

— Будешь истерить, я сдам тебя Косу.

Даже охранник-курьер повернулся, вздёрнув бровь. Я же промолчала, совершенно не собираясь выходить из машины. Но это же Макс Картер, мистер Ледышка, спортсмен, сын дьявола и просто красавчик во всех смыслах. Изобразив равнодушие он встал у открытой дверцы и сунул руку в карман, откуда достал пачку сигарет дорогой марки, и закурил, звонко щёлкнув металлической крышкой знакомой зажигалки. По воздуху тут же поплыл густой горьковатый дым.

— Сань, помоги пока ребятам вещи занести.

Парень тут же кивнул и вышел из машины. Я недоумённо оглянулась назад и увидела, как из серебристой иномарки выгружают сумки. Мои сумки! Резко развернулась и посмотрела на лучшего друга своего брата.

Картер крепко затянулся, пристально глядя на меня, и выпустил в сторону облачко дыма. Я наблюдала, как длинные сильные пальцы сжимают фильтр, как локоть скользит по краю дверцы и как твёрдые губы чуть поджимаются при новой затяжке.

— Малая, пошли домой?

Он действительно издевается. Посмотрев исподлобья, фыркнула и откинулась на спинку сиденья.

— Отвези меня туда для начала. И вещи верни, откуда взял.

Макс какое-то время молча меня разглядывал, заставляя чувствовать изморозь на коже, а потом одним движением пальцев отправил окурок в сторону. Я видела, как он рассек черноту пространства, ударился об асфальт и брызнул яркими всполохами, после чего мгновенно померк во тьме.

— С тобой всегда сложно, — проговорила моя вечная боль серьёзным тоном. — Пошли, Кэти. В общежитие ты больше не вернёшься. Я позаботился об этом.

— Что значит “позаботился”? — недоверчиво спросила я, но вместо ответа парень устало выдохнул, наклонился и, схватив меня, принялся вытаскивать из салона авто, как улитку из ракушки, а когда получилось, снова перебросил через плечо, не обращая внимания на крик.

Из подъезда как раз выходила какая-то пара, которая при нашем приближении отпрянула в сторону и замерла у лавочки. Я увидела их краем глаза, пока Макс пронёс меня мимо.

— Немедленно отпусти!

— Нет. Признайся, тебе нравится. Иначе зачем бы ты меня постоянно провоцировала, м? — в его голосе я не слышала улыбку, но тем не менее он звучал довольно мягко.

— Это не я провоцирую, — шиплю в ответ. — Это ты не хочешь меня слышать!

Макс внёс меня в подъезд и на ноги поставил только когда распахнулись двери лифта. Но вырваться у меня всё равно не получилось. Он загнал меня в угол и ждал, пока тесная коробка двинется вверх.

— Вся проблема в том, что ты говоришь совершенно не то, что думаешь.

— Тебе откуда знать? — с вызовом посмотрела в его глаза, но уже через секунду, отвела, не выдержав давления.

Картер не ответил. Лифт остановился и распахнул двери, являя нам трёх парней. Надо ли говорить, что на шее каждого из них была знакомая татуировка?

Они ничего не сказали. Позволили выйти и заняли наши места. Один махнул рукой, когда кабина закрывалась, на что Макс кивнул и толкнул дверь своей квартиры, таща меня за локоть внутрь. Запер на ключ и сунул его в карман брюк, после чего, не глядя на меня и ничего не объясняя разулся, и пошел вглубь квартиры.

Собранные сумки сиротливо стояли у порога, а я смотрела на них и пыталась представить, как кто-то ковырялся в моих вещах. Покраснела удушливой волной, но не произнесла ни слова как и не двинулась с места.

— Ну и? — обратился ко мне Картер через минуту. — Долго ты там стоять будешь?

— Пока не выпустишь? — с глухим раздражением спросила я, глядя на его пальцы, лениво расстёгивавшие пуговицы на белой рубашке.

Он не ответил. Медленно приблизился ко мне, глядя сверху вниз.

Картер был на полторы головы выше. И в тех редких случаях, когда он вот так нависал надо мной, приходилось сильно задирать голову, чтобы смотреть ему в глаза, в которых сейчас таяли арктические льды. Его близость была в кровь порцией первосортного возбуждения. Аромат знакомого одеколона и сигаретного дыма окутывали, пленили.

Прежнее напряжение вновь вернуло позиции, и каждая секунда пребывания в нём делала меня настоящей слабачкой, потому что моя внутренняя борьба с ситуацией сходила на нет, уступая место другим чувствам.

Макс, ничего не говоря, склонился и тронул меня губами, пока я... не сопротивлялась. Упёр руки по обе стороны от моих плеч и, едва касаясь, замер, очевидно ожидая ответа. Наверняка зная, что произойдёт дальше.

— Кэти, — горячее дыхание опалило кожу. — Я тебя не выпущу. Не отпущу.

— И что мне делать? — спросила, из всех сил сдерживая желание облизнуть внезапно пересохшие губы.

— Живи с этим.

И он чуть подаётся вперёд, чтобы выпить моё дыхание, завладеть разумом и утянуть его в розовые туманы. Мои пальцы скользнули на твёрдый рельефный живот и выше. Очертили мускулистую грудь, в которой мощно грохотало сердце, и обвили крепкую шею. В тот же момент я ощутила, как он подхватывает меня под попу и прижимает к стене. Горячие губы продолжают целовать с упоением, от которого тает рассудок.

Кто бы мне сказал, что происходит?

— Чёрт, — выдохнул он, разорвав поцелуй и глядя в мои глаза. — Нам надо остановится.

— Надо? — зачем-то переспросила я.

Картер несколько долгих секунд неподвижно следил за выражением на моём лице, а потом с силой сжал челюсть.

— Да пошло оно всё, — рыкнул в итоге и снова прильнул в сладком поцелуе.

Он понёс меня куда-то, не размыкая наших губ, а в следующий миг мир перевернулся. Я ощутила, прохладу простыни голой кожей на лопатках и тяжесть Картера, навалившегося сверху.

По телу скользила дрожь возбуждения и предвкушения. Мысли испуганно сбежали, разум предпочёл не высовываться, отдав меня на расправу низменными инстинктам.

Какой я хотела первый раз с парнем? Не помню, чтобы представляла, как это случится. Но точно никогда бы не подумала, что совершенно потеряю рассудок от прикосновений человека, к которому в эту секунду тянется каждая клеточка тела. Макс был и груб и нежен одновременно. Он то сжимал до сладкой боли, то ласкал пальцами, словно пёрышком, пока не добрался до лифа платья и не стянул его уже второй раз за вечер.

— Макс, ты меня убиваешь, — шепчу, терзаемая жаждой наслаждения.

Раньше со мной такого не происходило. Неужели всему виной случайное событие, повлекшее за собой столь бурную реакцию парня?

Никогда не думала, что одно простое сообщение способно перевернуть всю мою жизнь с ног на голову. Просто не та фраза, просто не тот получатель, просто не те чувства.

— Ты сама виновата, — ухмыльнулся он, скользя носом по моей шее. — Я тебя предупреждал, Малая. Я очень много раз тебя предупреждал.

Ответ был таким же горячим, как и его дыхание, обжигавшее кожу.

Он проложил дорожку из поцелуев до груди и осторожно прихватил зубами затвердевшую плоть, удовлетворённо хмыкнув, когда из меня вырвался стон, а я сама сжала бёдра от сладкого спазма, лопнувшего внизу живота, как мыльный пузырь. Он продолжал с наслаждением покусывать и играть языком с сосками в то время, как руки неспешно изучали изгиб талии и бедра, пока не достигли края ткани.

Я же с удовольствием гладила плечи Макса и зарывалась пальцами в его волосы. Мне нравилось, как меня накрывает тёплыми волнами, и даже сладкая саднящая боль пульсирующей плоти приносила удовольствие, пока не стала мучительной.

— Ма-а-акс, — проскулила я, чувствуя, как парень нащупывает молнию на платье и неспешно тянет её вниз.

— Скажи, что любишь меня, Кэти, — хрипло потребовал он, расправившись с несчастной застёжкой.

Помогла ему стащить с меня платье, приподняв бёдра. На мне остались лишь чёрные кружевные трусики, уже насквозь промокшие от его действий.

— Просто возьми меня, — прошептала в ответ.

И, о, Боже! Мне ни капельки не стыдно. Только на краю сознания промелькнула мысль, что в душ он меня не отправил, как должен был сделать по слухам.

Картер приник губами к моему животу и неспешно стал спускаться вниз, но был пойман за волосы, потому что... Ну, потому что я не хочу проводить аналогию.

— Не надо, — выдыхаю сипло.

И в тот же момент накрыл собой, позволяя почувствовать тяжесть его тела и силу желания. Пальцы скользнули по плечам и снова сжали волосы, а губы жадно отвоевали новый поцелуй.

Я знала, чего хотела. И пусть завтра пожалею, но сейчас я сполна наслажусь тем, что давно преследует меня в тайных фантазия одинокими ночами.

Опустив руку, нащупала пряжку ремня, и с удивлением отметила, что Картер замер в ожидании моих дальнейших действий и сейчас лукаво улыбается. Расправившись с препятствием, расстегнула пуговицу и скользнула рукой под ткань плавок, чтобы обхватить пальцами твёрдый, как камень, член.

Честно говоря, никогда не видела ни одного вживую, но почему-то всегда представляла их несколько меньше.

Макс замер в напряжении, когда я погладила его пальцами, не зная, что делать дальше. Приподнялся на локтях и заглянул в глаза, что-то ища в них.

— Ты ведь не была ещё ни с кем?

— Нет, — собственный голос показался чужим, так охрип от горячей жажды, что плавила кожу.

Больше ничего не говоря, он сел в моих ногах и стащил трусики, после чего и сам снял брюки, позволяя внимательно рассмотреть себя. Под кожей перекачивались мышцы, когда он потянулся к прикроватной тумбочке и достал блестящий квадратный конвертик, в котором, как я поняла, был презерватив, и, разорвав упаковку зубами, достал колечко, которое тут же разместил на головке и потянул вниз, следя за моим жадным вниманием. Когда закончил, устроился между моих ног, нависая сверху.

— Будет больно, — уведомил.

— У тебя были девственницы?

Я задала вопрос от себя того не ожидая. Он просто вырвался, пробравшись сквозь ворох других.

— Не было, — усмехнулся он. — Это для нас обоих событие, Кэти.

Картер снова поцеловал меня, но на этот раз все было иначе. Губы горели огнём, кожу пекло то ли от прикосновений, то ли от их нехватки. В какой-то момент Макс потерялся членом о мой клитор, и я застонала от той волны, что хлынула в меня и вынудили прогнуться в спине. Мне казалось, ещё немного и просто взорвусь от нехватки кульминации.

Меня растрепало от этих волн, как бумажный кораблик. Я снова начала скулить и умолять, цепляясь ногтями в горячую кожу.

— Пожалуйста-а-а-а... — стонала в его губы.

— Скажи, что любишь меня...

— Люблю, Макс. Очень люблю...

И он, наконец, прекратил эту пытку. Картер крепко меня стиснул и резким толчком прорвал преграду.

Перед внутренним взором полыхнула кровавая пелена. Жалобный стон проглотил жадный рот Картера, пока его руки сжимали меня в объятиях, оттягивая внимание от источника рези. Макс не шевелился, дожидаясь, пока я расслаблюсь. Только бормотал что-то успокаивающее, целовал нежно и поглаживал затылок, просунутой под мою голову рукой.

Боль утихла, но возбуждение никуда не делось. Через несколько минут я поняла, что чувствую его внутри себя и нетерпеливо сжимаю твёрдую плоть. Макс же не торопился продолжить, но и покидать меня не стремился.

— Ты как?

Вопрос на тысячу долларов. Я и сама не знала, как. Каждая клетка моего тела жаждала его прикосновений, действий, напора.

— Хочу тебя, — отвечаю честно, отчего на его губах появляется улыбка.

— Если будет больно, скажи.

Я кивнула и закусила губу, готовясь к худшему, но когда Макс медленно двинулся назад, а затем вперёд, осознала, что зря опасалась. Меня словно подхватило потоками удовольствия. Картер был чрезмерно нежен. Он плавно двигался, отслеживая мою реакцию, а я не отводила взгляда от его лица, видя, как сложно ему даётся контроль. Дыхание сбившееся, зубы стиснуты, а глаза горят непокорным желанием.

И он такой большой... Внутри, снаружи. Горячий, мощный... И мне мало того, что он

даёт. Я запрокидываю голову, когда понимаю, что меня разрывает от ощущений, и цепляюсь за его плечи.

— Ма-а-а-акс...

— Кэти... — вторит он мне, впиваясь пальцами в моё бедро.

Движения всё такие же плавные, невыносимые. Воздух горячий и влажный, а пространство вокруг незначительное. Только сладость его ласк, только электрические разряды, что лопаются под кожей яркими искрами.

— Быстрее, — скулю я, царапая натянувшуюся на его бугрящихся мышцах кожу. — Пожалуйста!

— Не больно?

— Нет же!

И он немного меняет положение, целует, слегка прикусывая губу и... последующие толчки достали до дна, заставив сжаться от вспышек наслаждения. С губ сорвались стоны, пальцы с силой вцепились в волосы Картера, а он продолжал, сам едва сдерживая голос.

Господи, мне никогда не было так хорошо! Казалось, меня разорвёт от чистого кайфа. А когда я достигла пика, то словно сорвалась с обрыва вверх и взорвалась миллионами искр. Срослась со стратосферой, издав последний победный стон, и обратилась в звёздную пыль, смятую твёрдыми губами Картера.

— Ты невероятная... — прошептал, глядя в глаза.

Он осторожно покинул моё тело и избавился от наполненного спермой презерватива, завязав тот в узел и бросив на тумбочку, после чего лёг рядом и обнял, крепко прижав к себе.

Я всё ещё дышала, как после марафона, когда разум стремительно начал трезветь. И сейчас секс не показался таким уж хорошим событием. Хотелось прикрыть глаза и притвориться, что это была не я. Не я признавалась в любви парню, который всегда меня отвергал. Не я просила взять меня. И уж точно не я получала наслаждение в его руках.

— Макс, я...

— Думаешь, сейчас самое время поговорить? — усмехнулся он беззлобно. — Я могу объяснить тебе в двух словах, Кэти: ты попала.

Развернулась в его руках и поморщилась, когда низ живота прострелило спазмом. Но всё же посмотрела в серые глаза, удовлетворённо блестящие при тусклом свете ночника.

— Я призналась тебе. За сегодня не раз. Это именно то, что ты никогда не хотел слыша...

— Я бы вечность это слушал, — улыбнулся он и, подняв руку, погладил мою щёку. — Ты вообще единственная, кого я готов слушать сутками, если не лезешь мне под кожу.

Отстранилась от его пальцев и посмотрела недоверчиво.

— Ты же меня...

— А ты провоцировала. И доигралась, — Картер схватил меня за плечи и уложил обратно. — С этого дня ты моя. Я тебе это уже говорил, но на тот случай, если вдруг ты всё ещё отрицаешь сей очевиднейший факт, я напомню: ты меня любишь, а я сорвался.

— Но...

— И да, твой брат всё знает, — в очередной раз перебил он. — Знал с самого начала и не одобрял того, как я с тобой обходился. Но все делалось в целях твоей же безопасности, а именно этого хочет Костик.

— А сейчас что изменилось?

— Ты, я, наши чувства.

Прижимаясь щекой к твёрдой груди, я слушала, как грохочет его сердце, и вспоминала весь сегодняшний вечер, после чего обнаружила два варианта ответов на свой вопрос: либо Картер издевается, либо говорит правду, и действительно отталкивал меня намеренно.

“— Целовать тебя, Кэти. Целовать, когда захочу, и не сдерживаться, не отталкивать, не сожалеть о каждом произнесённом слове. Ты мне все тормоза сорвала, Малая. Не могу я больше.”

Из сна вырвал настойчивый телефонный звонок. Не сразу сообразив, где нахожусь, я подорвалась с постели, перебравшись через преграду, и, не сумев разлепить толком глаза, отправилась на поиски гаджета, который оказался в коридоре. Он лежал на комодике и гордо демонстрировал имя звонившего.

Костик.

Хриплым ото сна голосом ответила и тут же напоролась на насмешку:

— Привет, Малая. Как первый день семейной жизни?

В моей мутной голове тут же всплыли воспоминания обо всех произошедших событиях. Жар обжег щёки, и я внезапно осознала, что стою голая посреди коридора чужой квартиры. Взгляд упал на бёдра, где красовалась запёкшаяся кровь, так и не смытая за ночь.

— Кать? — позвал Костик, даже не догадываясь о том, что творится сейчас в моей голове.

А там ядерная война, не меньше! Что я наделала?

— Я перезвоню! — выдала перепуганно и сбросила вызов.

О, Господи! Я и Картер! Серьёзно? Серьёзно?! Да такого быть не могло! Меня наверняка перекинуло в параллельную реальность, а я и знать о том не знаю.

Растрепав волосы, я оглядела сиротливо стоящие на полу сумки и взвизгнула, когда меня обхватили сильные руки и стиснули в крепких объятиях.

— Доброе утро, Кэти, — пришлось приложить усилия, чтобы развернуться и заглянуть в ясные серые глаза. — Надеюсь, ты не продумываешь план побега? В противном случае мне придётся обзавестись парочкой наручников.

Картер тоже не был одет. И тот факт, что он прижимал голую меня к голому же себе, меня невероятно смущал. Такое чувство, что ночью всё произошло не со мной. Ну, или я была вусмерть пьяна и не соображала ничегошеньки. Как это всё случилось? Почему? Я же так долго убеждала себя, что отношения “Котова-Картер” невозможны. Что Макс никогда в жизни не подпустит меня и на пушечный выстрел, что для него мои чувства, как подброшенная дохлая крыса, в смысле, столь же отвратительны.

— Краснеешь, — усмехнулся он, разглядывая моё лицо. — Тоже не веришь в произошедшее?

Я вопросительно вздёрнула бровь, но вместо ответа, он подхватил меня на руки, вынудив обнять за шею и понёс в душ, где поставил в кабину, включил воду и залез следом.

— Макс, может...

— Ты скоро привыкнешь, — улыбнулся он. — Я приложу максимум усилий, чтобы уже через пару дней ты перестала испытывать смущение.

И да, я просто не могла сопротивляться его напору. С недоверием позволяла отвести руки, прикрывавшие грудь. Со смешанными чувствами стыда и страха, разрешала гладить мои плечи и прижимать к себе, слушая тихий шепот, обещавший, что как раньше теперь никогда не будет. И с удивлением отмечала, с каким наслаждением он наносил на меня гель

для душа и шампунь.

Кто этот Картер? Когда его подменили? Таким чутким и нежным он был, пока мне тринадцать не исполнилось.

Когда мы закончили водные процедуры, Макс отправил меня на кухню и усадил за стол. Сидеть мне было больно, поэтому всё время приходилось переваливаться на одну сторону, чтобы уменьшить давление. Картер на мои уловки смотрел очень странным взглядом, но молчал.

Я наблюдала, как он привычно крутится у плиты с переброшенным через плечо полотенцем. Влажные после душа волосы были растрёпаны, и он часто проводил по ним рукой, чтобы убрать падающую на лоб мокрую прядь.

Чувства, которые я испытывала, глядя на него были далеки от тех, что мучили меня раньше. Почему-то Картер перестал бесить. Скорее, мне нравилось, что он ухаживает за мной. Нравилось, как разговаривает и смотрит. Не было больше холодной отстранённости и злых насмешек, ранящих душу до крови. И это заставляло задуматься о причинах его поведения ранее. Я, наверное, никогда не перестану задаваться этим вопросом, несмотря на то, что уже получила частичный ответ.

“— Но все делалось в целях твоей же безопасности, а именно этого хочет Костик.”

Когда передо мной на стол была водружена кружка с кофе и омлет с зеленью, я всё же спросила:

— Почему ты изменил ко мне своё отношение?

Его губы тронула невесёлая улыбка.

— Мы поговорим об этом чуть позже. Костик успел сказать, зачем звонил? — перевёл он тему, взяв в руки вилку.

Я выгнула бровь и повторила его манёвр.

— Нет, я сбросила вызов раньше. К слову, он спросил меня о том, как проходит первый день семейной жизни... — бросила на парня красноречивый взгляд, понимая, что знать он мог только от Макса. Вряд ли те парни, которые выполняют все его приказы, будут разбалтывать подобную информацию и, тем более, докладывать Костику о том, как Картер проводит время.

Макс рассмеялся, глядя в мои глаза.

— Я же говорил, что он всё знает. Тем более, вчера я написал ему, что забираю тебя из общежития.

— И он был не против? — не поверила я.

— Попросил только привезти сегодня домой, — хмыкнул Макс и принялся уплетать омлет.

Я смотрела на его длинные пальцы, сжимающие сталь, и старалась состыковать два пазла, которые прекрасно подходили по размеру, но никак не хотели соединяться. Мысленно махнув на это дело рукой, взялась за завтрак. Голод сжимал желудок с такой силой, что тот уже облизывался на позвоночник.

Как только кулинарный шедевр был потреблен, Картер встал из-за стола и, сходяв куда-то, вернулся с телефонами, один из которых протянул мне. Мой. Он принялся хмуро изучать содержимое гаджета. Сел напротив и просто потерялся для всего мира. А я смотрела на его складку между бровей, пила свой растворимый кофе и думала о том, чего мне ожидать от него дальше.

Макс ясно дал понять, что для него произошедшее — это начало наших отношений, от которых мне теперь никуда не деться. И он не спрашивал. Он поставил перед фактом.

Мне же чисто из принципа хотелось дать ему от ворот поворот, но я понимала, что пойду тогда против своих чувств, чего делать ужасно не хотела, а если и хотела, то это было самообманом.

Разблокировала свой смартфон и открыла ватсап. От Маси висело три сообщения, в которых она спрашивала меня, куда я подевалась, и просила написать, когда закончится праздничный вечер. Не долго думая, я решила поделиться с подругой шокирующей новостью. Прямо так и написала:

“Я переспала с Картером”

Подняла глаза на виновника события и наткнулась на изучающий взгляд. В воздухе определённо заискрило от напряжения. Кожу обдало жаром, а сердце, кажется, ухнуло вниз.

От моего смартфона раздался звук входящего сообщения, и я вернула внимание переписке. Маша прислала потрясённого до глубины души ленивца, изображающего персонажа с картины Мунка. Это не могло не вызывать реакции, и я хохотнула, прикрыв губы ладонью.

“Не может быть! И это после того, как ты уверяла, что он не может тебя любить и делеет ненависть к себе? Как ты согласилась?” — я уже хотела написать ответ, но заметила, что подруга продолжает печатать. — *“Постой! Только не говори, что ты его заставила!”* — несколько секунд и новое: — *“Млять, меня порвёт! *LOL*”*

Я недоумённо уставилась на сообщение, но поняв, что подруга стебётся, просто заблокировала смартфон и уже хотела отложить в сторону, как он разразился мелодией. Согласно надписи на дисплее, звонил отец.

— Алло?

Я снова посмотрела на Макса и едва не прикусила язык, когда его рука легла на моё колено.

— Кать, ты сегодня приедешь? Костя уже дома, мы тебя ждём.

— Да, я скоро буду. Это всё, что ты хотел? — не очень вежливо спросила, но наше общение никогда не было идеальным. Он привык.

— Я вечером уезжаю по делам. Хотел повидаться с вами, вот и все.

Сильные пальцы ласково гладили кожу, а серые глаза пристально отслеживали реакцию. У меня не было ни сил, ни желания ему сопротивляться.

— Я приеду, — ответила коротко и сбросила вызов, чтобы через секунду быть пойманной в горячие объятия.

Картер не сдерживался. Скользнув языком по моим губам, он тут же ворвался в мой рот и принялся целовать жадно, с лёгкой горчинкой безумия, сплетая наши дыхания.

Один миг, и я оказалась сидящей на стойке, а Макс вклинился между моих, не разрывая дикий поцелуй. Поцелуй-клеймо, что говорит: я его. А быть его... оказалось необычно. Волнующе. Невыносимо хорошо.

— Черт... Кэти, тобой насытиться невозможно, — его губы прошли по щеке до уха, оставили укус на мочке, чтобы потом спуститься вниз по шее, а затем... — Я до сих пор голоден.

Из моего рта вырвался хриплый вдох, когда его зубы слегка прикусили по очереди мои ставшие твердыми соски, скрытые лишь тонкой футболкой.

— Знаешь, о чем я думал, когда увидел тебя в твой день рождения? — его бархатный

голос задевает что-то глубоко внутри. Неведомые нити, отвечающие за возбуждение, которыми мастерски играет Картер.

У меня дрожали колени, низ живота налился будто лавой, а тело стало настолько чувствительным, что от каждого соприкосновения с Максом мне сносит крышу. Происходящее я могла бы назвать пыткой, потому что парень не делал ничего, чтобы унять сладкую боль и сменить ее на наслаждение. Он заводил меня сильнее, отстранившись от груди и легко дуя на мокрый след, тем самым пуская по венам электрический ток.

— Что ты охрененно будешь смотреться сзади, — его пальцы обожгли бедра, перед тем как он взялся за края футболки, рывком приподнимая и снимая ее. — До одури хочу тебя, Малая.

Я осталась лишь в простых хлопковых трусиках, уже насквозь мокрых.

— Макс... — тихо протянула я, сжав его ногами и руками, чтобы быть ближе.

А затем... В тишине, что прерывалась лишь нашим частым дыханием, раздался оглушающий рингтон телефона Картера. К несчастью, он лежал совсем рядом, и мы оба увидели имя звонившего.

Костя.

— Он знает, когда звонить, — сконфуженно пробормотала, пытаясь подняться, чтобы натянуть обратно футболку.

Мрачно выругавшись, Макс, не выпуская меня из кольца рук, взял телефон и принял вызов.

— Я забыл сообщить самое важное, — раздался непривычно серьезный голос Костика.

— Что? — мгновенно напрягся Картер.

— Заскочи, плиз, в Мак. Жрать хочу, сил уже нет, а у нас в семье никто, кроме Малой, не знает, как включается микроволновка или мультиварка.

Повисла короткая пауза, которая прервалась громогласным хохотом брата и злым рыком Макса:

— Кос, твою мать, ты не охренел?!

— Ладно-ладно, простите, голубки. Жду вас, — примирительно отозвался Костик, но успел добавить насмешливо раньше, чем парень отклонить звонок: — И мне два бигтейсти и наггетсы! А колу я пью только со льдом!

Прошипев что-то неразборчивое про всяких придурков, Макс отключился, а я, прижавшись к его плечу, все же рассмеялась. Глупая ситуация, очень глупая, но Костик... Я думала, он лишь меня достает своими шуточками и просьбами, но его пыла, оказывается, хватает на всех.

— Кэти, и ты туда же? — недовольно произнес Картер. — Черт, я порой хочу придушить его, но понимаю, что без братана будет слишком скучно жить. — Он погладил меня по волосам, чмокнул в макушку и продолжил: — Ладно, давай собираться. Я украду тебя вечером, и мы сходим куда-нибудь, хорошо?

Кивнула и спокойно подалась, когда Макс стащил меня со стойки, не забыв предварительно сорвать пару одуряющих поцелуев, от которых кружилась голова и в ужасе сбегала пространственная ориентация.

Ехать с Картером в одной машине, будучи совершенно на другом уровне отношений, было гораздо круче. Кажется, мы без умолку болтали обо всем на свете. О музыкальных предпочтениях: так я выяснила, что "Thirty seconds to mars", "Imagine Dragons", "Boyse

Avenue" и "Kodaline" входят в топ десять его музыкальных предпочтений. О фильмах: он признался, что старое американское кино ему куда ближе всех тех ужастиков, что обожает Костик. А вот вопрос о предпочтениях касательно девушек ему не понравился. Он сначала нахмурился, но потом повернулся и чуть хриловатым голосом ответил:

— На самом деле ответ очевиден, Кэти. Взгляни на себя и станет понятно.

— То есть невысокие худые блондинки с не самым лучшим характером? — улыбнулась я.

— Мне нравишься ты, Малая.

На подъездной дороге мы встретились с Павлом Алексеевичем, который добродушно ухмыльнулся, когда я вылезла из машины Макса. Мужчина тоже только откуда-то приехал. И выглядел он очень непривычно. Синие джинсы, черная футболка, вырез которой позволял рассмотреть тату на шее. И я только сейчас смогла рассмотреть её полный рисунок, потому как обычно ворот рубашки закрывал нижнюю её часть. Под последними двумя цифрами “1983” была набита перевёрнутая корона с тремя острыми зубцами. На моей памяти я всего пару раз видела мужчину в свободной одежде. Обычно он надевал только классические костюмы.

— Привет, молодежь, — улыбнулся Павел Алексеевич и пожал сыну руку. — Как дела?

— Здравствуйте, хорошо, — улыбнулась я в ответ. Правда, вышло не так, как того хотелось. Вспомнив, что мужчина говорил в нашу последнюю встречу, я зарделась.

Картер же подошел ко мне, взял за руку и понятливо усмехнулся.

— Беги к своим. Я вечером тебя заберу, — он, совершенно не стесняясь отца, склонился и поцеловал в губы, сжав в своих медвежьих объятиях, а когда отстранился, добавил: — И заказ Костика не забудь. Не хочу, чтобы он от голода тебя съел.

Хмыкнув, я послушно забрала бумажные пакеты с заднего сидения авто. Попрощавшись с мужчинами, убежала в дом. Костик сразу накинулся с объятиями, закружил, и принялся привычно подшучивать. На этот раз о росте, бараньем весе и прочих физических параметрах.

Отец тоже был дома, но с ним разговора не случилось. Его приветливое отношение, как обычно, наткнулось на холодную стену моего. Мы пообедали, Костик рассказал, как у него обстоят дела на учёбе, я поделилась тем, как проходят мои будние дни, а папа внимательно слушал и улыбался на каждую шутку. Нет, он не влезал в беседу, лишь изредка задавая вопросы, которые я упорно не реагировала. Не могла ответить.

Ближе к вечеру приготовила ужин, даже на яблочный пирог расщедрилась. Отец уехал сразу после того, как отужинал, а вот Костик, словно оборотень, мгновенно обратился в крайне серьёзного парня и едва не убил первым же вопросом:

— А теперь, расскажи-ка мне, Малая, какого хрена ты не слушаешь, что тебе взрослые парни говорят!

Я вздёрнула бровь и посмотрела в глаза брата.

— В каком смысле? — не поняла я.

— В прямом, Кать! Я сейчас про ночной клуб, Платонова и твоё непослушание. Макс ясно дал понять, чтобы...

Я нахмурилась, вполуха слушая Костика и искренне недоумевая от происходящего. Он же и впрямь с самого начала всё знал и прикидывался овечкой, непонимающей, что за вопросы ей задают. С какой целью? Почему?

Если подумать, то отношение Картера ко мне резко изменилось, когда мне было двенадцать. Я только приехала из лагеря, в котором находилась аж две смены, пока Костик гонял по походам с одноклассниками, и на всех парах мчалась к мальчишкам точно зная, где их искать. Макс при виде меня тогда мгновенно распрощался с ребятами и просто ушёл. На мой вопрос, что произошло, Костик закусил губу, как делал, когда сомневался в чём-то, а потом развёл руками, мол, у парня просто нет настроения.

И видеться с Картером мы стали крайне редко, но когда это происходило он был

неизменно холоден, будто и не было между нами дружеских доверительных отношений и давнего признания в симпатии с моей стороны. А Костик только ржал над моими вопросами и просил не забивать себе голову.

А сейчас получается, что знал? Ведь Макс сам признался, что отталкивал намеренно.

— ... ты хоть представляешь, что они могли с тобой сделать? Эти люди бандиты, Малая! Повезло, что парни успели, я не представляю, что было бы в ином случае...

— Кто они? — спрашиваю тихо, отпихивая от себя острую, как опасная бритва, догадку.

Костик облизывает губы, но взгляда не отводит. Вижу, что колеблется с ответом.

— Чёрт, ты всё равно узнаешь, — невесело ухмыляется он. — Бандиты, Кать.

Я сжимаю пальцами столешницу и продолжаю прямо смотреть. Чувствую, как всё замирает внутри и задаю последовательный вопрос, на который, кажется, не желала знать ответа:

— А кто вы?

— И мы.

Внутри всё оборвалось, и тихий протестующий возглас застыл на губах, как и слёзы, подступавшие к глазам. Костик смотрел с толикой отчаяния, понимая, как больно мне сейчас.

Я не хотела думать об этом. Не хотела складывать кусочки пазла и смотреть сверху на идеальную картинку. Потому что знала: то, что я увижу, разобьёт мне сердце. Но Костик демонстрировал серьёзность, что так ему не присуща в любое другое время.

— Ты не хотела замечать, — усмехнулся брат. — Мы просто подыгрывали.

— Ты врешь... — шепчу непослушными губами. — Врешь!

— Вот видишь, Малая. Тебе комфортно не верить. А мы с Максом всегда старались сделать твою жизнь комфортной.

Я закусила дрожащую губу, когда почувствовала солёную влагу на губах. Принимать действительность оказалось больно. Больно настолько, что чёрную дыру внутри можно было сравнить с космосом. Она необъятна.

— Как ты мог? — давлю из себя хриплым голосом. — После того, что мы пережили... Как ты мог?

— Я хотел мести, Кать. Я, мать его, спать не мог нормально с того времени, как они её убили! Они лишили нас самого светлого, что было в жизни!

Кадры воспоминаний посыпались на меня, раня острыми гранями. Осколки их были такими же пронзительными, как и правда, что терзала в своей сути, перемалывая кости в порошок.

Я мало что помню из того дня. Вся жизнь разбилась на "до" и "после". На счастливое и беззаботное "до" с тёплыми ласковыми руками, и горькое, наполненное тоской и отчаянием, "после".

Мама в своей жизни и мухи не обидела. Даже папа говорил, что человека светлее он в своей жизни не встречал, хотя всегда крутился среди людей с незапятнанной репутацией. Благотворительность вообще бизнес весьма специфичный, но отцу удавалось вести дела... до тех пор, пока однажды в наш дом не ворвались люди в масках.

Мне было девять. Я помню только страх и её руки, которыми она постоянно пыталась задвинуть нас с Костиком за спину, когда они пришли.

Они ничего никому не объясняли. Схватили её, увели в другую комнату, оставив с нами

мужчину. Чуть позже Костик рассказывал папе, что у этого охранника была странная татуировка на костяшках пальцев. Колбочая проволока в виде тройки за оконной рамой, а рядом нож в виде креста. Сотрудник милиции, один из тех, что вёл допрос, удивленно вскинул бровь и посмотрел на отца, задав вопрос, который клеймом врезался в память:

— *Как вы умудрились перейти дорогу группировке Никитина?*

Когда мама кричала и плакала в другой комнате, мне было всё равно, кто они такие. Я жалась к брату, плакала и просила отпустить её, но всякий раз, как только с моего языка срывались слова, мужчина рычал на брата:

— *Сделай так, чтобы мелкая сучка заткнулась, иначе я выброшу её в окно!*

И Костик успокаивал. Сам плакал, но, как настоящий мужчина, тихо-тихо, говорил, что всё будет хорошо, что они скоро уйдут.

А через несколько часов, а может, и минут, которые казались вечностью, они забрали её. Забрали навсегда.

Маме и без того досталось от жизни. За несколько месяцев до произошедшего у неё обнаружили болезнь, которая всё равно могла её убить. Опухоль головного мозга. Выявили её на ранней стадии, и в тот период она проходила лечение, но... Были моменты приступов головных болей. Мама не могла встать с постели, и мы с Костиком вечно ошивались поблизости, чтобы не пропустить тот момент, когда она нас позовёт. Он обычно смотрел многосерийные мультфильмы в своей комнате, а я тихо играла с куклами у маминой кровати.

Сейчас я понимаю, что тогда ей было безумно тяжело, потому что помню — в тот момент между ней и папой всё было очень непросто. Отец тогда много работал, как мне казалось.

И если ребёнку это кажется нормой, то взрослый понимает, что так быть не должно. О том, почему мама часто была расстроенной, я узнала только через год, когда Костик поругался с отцом и обвинил его в том, что из-за него она страдала. О том, что он нашел себе занятие куда лучше, чем находится дома с больной женой и детьми. Например, возить секретаршу по курортным городам...

Он её предал. Он предал нас. Нашу семью.

И если до той поры я старалась мириться с тем, что бандиты убили маму из-за денег, которые требовали от папы, то после того, как узнала подробности... Я не смогла. Не могла больше видеть в нём человека, который заслуживал любви и доверия.

Она страдала от болезни, прося меня не поддаваться боли. Прося никогда не плакать и не быть слабой. Конечно, в тот момент я не понимала. Не понимала, но обещала, лишь бы мама не мучилась и не смотрела на меня таким выражением, будто не успеет ничего объяснить.

Но она всё равно не успела.

Люди из группировки Никитина забрали её и убили, сбросив машину с больной женщиной в карьер.

Мы с Костей ненавидели их. Засыпали с этим чувством и просыпались с криками в холодном, потому что расставание было столь же ужасным, как и встреча с ними.

Я бы никогда не хотела встречать людей такого сорта. Я бы никогда не хотела связываться с ними и переходить им дорогу. Но всё, что я могла — это закрывать глаза, когда правда вставала перед ними в полный рост. Отрицать её было проще, чем принимать. А сейчас мне просто не оставили выбора, заставив вспомнить обо всём. Заставить окунуться в

омут и признать: мой брат и Макс — бандиты...

— Как так вышло? — задала вопрос, стирая слёзы со щёк. — Почему? Когда?

Костик невесело усмехнулся и нервно растрепал свои светлые волосы.

— Я буду откровенным, хорошо? — увидев мой кивок, он глубоко вдохнул. — Видишь татуировку на шее? — я посмотрела на “2016” на коже и снова кивнула. — У Макса там двенадцатый год. Это дата вступления в семью. Особая метка, если хочешь, — он снова вздохнул. — Блин, Малая, не смотри на меня так! Твою мать, я не думал, что будет настолько сложно.

— Ничего. Я подожду, — отозвалась хрипло, сдерживая бурлящую боль, которая проявляла себя сейчас только тихим потоком слёз.

— Никогда не задумывалась, почему Картера называли сыном Дьявола? У нас была причина. Мы знали. А ты просто подхватила и до сих пор иногда используешь это выражение, не понимая, что каждый раз толкаешь его от себя, напоминая, что ему рядом с тобой не место.

Я не ответила. Поджала губы и молча ждала объяснений. Вспомнила недавно увиденную в подробностях татуировку на шее его отца. Сейчас я примерно понимаю, что она означает.

— Я мог не идти к ним и, скорее всего, именно так бы и сделал, если бы однажды не увидел мудака со знакомой татуировкой на пальцах среди людей, что отдыхали в одном из клубов.

Костик замолчал, опустив взгляд на свои руки.

— Что ты сделал? — горло не поддавалось, и слова выходили всё тише, с болезненным скрипом.

Я уже знала ответ, но хотела слышать от него. Он поднял на меня взгляд и горько усмехнулся.

— Группировки Никитина больше не существует, Малая. Я ждал этого семь лет, а благодаря Картеру и семье, расправился с ними за год. С каждым из них.

Мой мир перевернулся с последней фразой. Сердце пропустило удар, а руки вцепились в подлокотники. Я хватала ртом воздух, больше не чувствуя необходимость сдерживаться. Сдерживаться было невозможно, потому что та боль, что волчком вертелась в груди, в итоге сожрала меня.

— Кать? — Костик дёрнулся ко мне, но я выставила руки перед вперёд.

— Не трогай меня! — на рваном дыхании. — Не подходи!

Поднялась со стула и медленно направилась на выход, дёрнув плечом, когда его обожгло прикосновение пальцев родного человека, растоптавшего во мне все светлые чувства к нему.

— Не трогай! — кричу, не оборачиваясь.

Кроссовки, джинсовая куртка, дверь и вечерний прохладный воздух. Я не знала, куда и зачем шла. Просто брела бездумно по узким улочкам частного сектора и вырывала из сердца куски воспоминаний, навсегда вычёркивая близких людей из своей жизни.

Бандиты... Убийцы, мерзавцы. Он ненавидел их, но стал одним из них. А я? Как я всё это время могла любить Картера? Как могла закрывать глаза на это? Как могла быть такой дурой?!

Мне было больно до такой степени, что я хотела сжаться в точку и навсегда исчезнуть.

Лишиться памяти, забыть...

Словно вторя настроению, начал моросить мелкий дождик, будто пытаюсь отмыть меня от мыслей, что тревожно шумят в голове. Джинсовая ткань довольно быстро намочла, но я не обращала внимания. Не могла и не хотела.

Неожиданно меня стиснули сильные руки и прижали к спиной к твёрдой груди.

— Пусти! — дёрнулась я, чувствуя, как сжимается болезненным спазмом горло.

— Я не отпущу! — уверенным шепотом в макушку. — Я давал тебе хренову тучу шансов, раз за разом сходя с ума от невозможности дотянуться, добраться, забрать своё. Я предупреждал тебя тысячу раз за все эти годы. Я отталкивал! Я боролся с тобой и собой! Но ты каждый раз, как хренов мотылёк на пламя. И мне ничего не оставалось, кроме как, накрыть тебя ладонью и оградить собой от огня. Ты ведь никак не понимала, что я окалина, начавшая весь этот грёбаный пожар. И теперь, когда получил... Думаешь, я способен отпустить? Я лучше сдохну, Кэти...

Я перестала сопротивляться и опустила плечи.

— Вы лгали мне...

Картер зарылся носом в мои волосы и глубоко вдохнул.

— Ты не хотела замечать, Малая. Ты не хотела признавать очевидное. От тебя никто не скрывал правды. Просто однажды Кос упрекнул, что подслушивать разговоры — не лучшее занятие для девчонки. А ты почему-то восприняла эти темы как запретные. Мы просто слишком хорошо понимали глубину твоей боли, чтобы открыто себя вести.

Я ничего не ответила. Слезы всё ещё жгли глаза. В тот вечер, я вообще больше ни слова не произнесла, а входя в дом, не посмотрела на брата. Потому что у меня не может быть брата-убийцы, как не может быть и парня-мерзавца, который ни во что не ставит чужие жизни. Мне нужно избавиться от этого всего. Да только если Костя спокойно отпустит, то Картер уже дал понять, что такой вариант невозможен...

Весь следующий день я провела в своей комнате, предварительно заперевшись. Не могла никого видеть. Не хотела. Не сейчас, когда на меня со всей дури упала реальность, придавив вместе с розовыми очками. Я до последнего не желала верить, не желала, но теперь, когда Костик все рассказал, глаза закрывать глупо и... невозможно.

Из меня будто вытащили стержень и оставили лежать сломанной куклой с вывернутой наизнанку верой. Для меня Костя был кем-то... светлым, ярким, чуть ли не святым. А сейчас его образ потух, покрылся красной пленкой. Я его понимала и не понимала одновременно.

Макс пытался связаться со мной. Мой телефон вибрировал каждые несколько минут от его звонков и писем, которые я сначала оставляла непрочитанными, а затем удаляла, не оставляя себе шанса на слабость. Я его люблю — безумно, исступленно, бескорыстно, но и в ту же секунду ненавижу. Сильно, безусловно и бесконечно. За то? За то, что он связан с бандитами, за свои многолетние страдания и за то, что, несмотря на все, мое сердце его. Мне больно, я задыхаюсь в правде, но все равно дышу с его именем на устах.

Вечером тоже не смогла успокоиться. Я чувствовала себя преданной, обманутой и растоптанной. А ночь прошла в беспокойном сне — мне снился тот роковой день, когда я потеряла маму, только вместо тех мерзавцев преступление совершали Картер и его отец. На последнем кадре, перед самым прохождением, я увидела маленькую себя и Макса, который навел на меня дуло пистолета. Его палец лежал на спуске.

И утро не принесло спокойствия. Я мельтешила сначала по комнате, а потом спустилась, чтобы приготовить что-нибудь на завтрак, только бы занять мысли. Большие часы в гостиной показывали только пять часов, когда я открыла холодильник, чтобы выудить оттуда молоко и яйца для блинчиков.

— Доброе утро, Малая, — голос Костики заставил меня вздрогнуть от неожиданности, и я уронила на пол блин, который я успела только надкусить.

У меня не было для брата никаких слов, кроме как:

— Отвези меня на учебу, — я поднялась, подняла и выбросила выпечку и салфеткой вытерла пол. — Ты, а не Макс.

Костя оглядел меня с ног до головы и неуверенно предложил:

— Слушай, а ты уверена, что не хочешь прогулять денёк? Привести голову в порядок и...

— Уверена, — я устало опустилась на стул и подняла колени, чтобы обнять их. Если бы я могла просто сжаться в комок и исчезнуть...

— Ладно. Твой выбор. И что тут у нас на завтрак?..

Костя пытался шутить, но сдулся уже через десять минут. У нас обоих не было настроения для подобного, а для притворства сил не осталось.

В машине я тоже молчала, а брат, поняв, что лезть ко мне сейчас не стоит, не наседал и не начинал диалог. Разве что у самих ворот института произнес:

— Ты все равно будешь жить с Максом. В ваши отношения я не лезу, но просто ставлю перед фактом: в общежитие ты не вернешься.

— Ты еще добавь, что я сама во всем виновата, — невесело усмехнулась я.

— Что правда, то правда, — пожал плечами Костя. Он тоже выглядел подавленным, хотя и пытался скрыть истинные эмоции под маской привычной беззаботности. — И, Малая,

прошлое не изменить. От того, что ты будешь нас отталкивать, оно не поменяется.

Я прикусила губу.

— Скажи, — отважилась задать вопрос я, — а ты не жалеешь о содеянном?

Брат долго не давал ответ, и я уже собиралась вылезти из машины, как он медленно, выговаривая и взвешивая каждое слова, сказал:

— Нет. Почему я должен был проявить сострадание к тем, кто не пожалел ни нас с тобой, ни маму? Они решили, что имеют право забирать жизнь, а я их за это наказал.

Тоже забрав жизни?

Я не стала спорить и просто ушла.

На парах сосредоточиться на учебе не выходило. В голове, как оголодавшие звери, скребли длинными когтями-крюками мысли, дергали за нити нерв, натягивая их до предела.

К тому же, выйдя из кабинета после последнего урока, наткнулась на Макса. Тот стоял, подперев стенку плечом и, естественно, ожидал меня. Его взгляд — раздраженный, усталый, сразу же вперился в меня, но за секунду потеплел.

— Макс... — только сумела проронить я, когда он одним плавным движением натиг меня и, схватив за запястье, затащил в какую-то нишу. Быстро. Мягко. Решительно.

— Что ты...

Прижал к какой-то двери, заблокировав мне выход своими руками.

— Отпусти! — я положила ладони на его грудь, чтобы оттолкнуть, но замерла, едва почувствовала его пульс. Больше ничего предпринять не успела — его губы накрыли мои злым поцелуем, отнимающим кислород, подчиняющим волю и убивающим сопротивление напрочь.

— Не пущу, Кэти, — жаркий шепот обжег шею, когда он, оставив в покое мой рот, переместился с поцелуями на шею. — Ты просила взять себя, протягивала на блюдечке, из года в год подначивала меня, а когда я сорвался и нарушил все обещания, данные себе, хочешь, чтобы просто отпустил? Черта с два, Малая. Ты желала — ты получила.

И вот она, очередная горькая правда. Я желала. Мечтала. И получила... До сих пор не насытилась, до сих пор желаю, но... Как забыть его суть? Как не видеть на его руках, обнимающих меня, кровь?

— Я готов дать тебе время, но только не свободу. Ты моя, и это был твой выбор, Кэти.

Еще один жаркий, не оставляющий сил на противостояние, поцелуй. Глубокий, откровенный, со сладостью нашей близости, но горечью того непонимания, что между нами. Картер каждым движением языка словно доказывает мне, насколько я принадлежу ему, а судорожными прикосновениями, которые расходятся по моему телу электрическим током, — то, как я его хочу.

— Черт. Соскучился. Безумно по тебе соскучился, Малая... Все, едем домой.

— Нет, — без раздумий произнесла я.

— Кэти, не зли меня...

Зря он дал мне возможность ответить. Очень зря, потому что мои следующие слова стали внезапностью даже для меня:

— А то что? Ты меня заставишь? Хотя чему я удивляюсь? Тебе и подобным тебе не важны чужие желания. Зачем? Есть ваше мнение и ваши решения. Можно скомкать

человека, словно использованную салфетку, и выбросить, растоптать без сожаления и жалости, если есть выгода.

Я не знаю, откуда они пришли, продиктовала ли их злость и обида, или фразы давно вертелась у меня в голове. Не знаю, но удар получился в точку. Макс напрягся, а глаза, что пылали, покрылись холодом.

Оказывается, и я могу бить словом. Его школа. Картер, сам того не ведая, научил.

— И чего же ты хочешь? — спустя несколько секунд, что прошли будто вечность, он отпустил меня, и я сразу же принялась поправлять одежду.

Да ладно! У меня поинтересовались, чего Я хочу! Отлично просто, надо отметить в календаре и праздновать каждый год.

— Сейчас или вообще? — я остервенело застегивала пуговицы на блузке.

— Сейчас, — его голос был холодный, безразличный... злой?

— Хочу в кафе с Соней. Хочу с ней пообщаться. Наедине. Хочу немного спокойствия.

Парень, спрятав ладони в карманах, пристально следил за моими движениями ледяным взглядом. Моя рука дернулась, чтобы коснуться его, но я вовремя отдернула себя.

Мне надо подумать и принять... Если смогу, то что-то будет, если нет... Я не знаю. Я потерялась в огромном лабиринте по имени "жизнь".

Макс кивнул.

— Хорошо. Я тебя подвезу...

— Мы с Соней сами доберемся, здесь недалеко, — перебила я.

— Ладно, — уже явно теряя терпение, раздраженно согласился. — Но вечером заберу тебя я. И это не обсуждается.

Ткнув пальцем в стакан, я рассеянно стёрла с него каплю. Не понимала, зачем здесь нахожусь, и что дальше буду делать, когда настанет время искать ночлег. Возвращаться к Картеру в квартиру я не желала, но если не останется иного выбора...

Соня молча смотрела на мою раскисшую физиономию и тихо бубнила что-то себе под нос. С такой мной даже поговорить не о чем.

— Может, не всё так плохо? — наконец, громко спросила она. — Если мистер Ледышка...

Я подняла на неё взгляд и окатила раздражением.

— Не говори о нём. Я не хочу вспоминать об этом человеке. Не хочу думать!

Подруга примирительно подняла руки, но промолчала даже о том, что не хотела меня обижать. Разговор не клеился. Я слишком подавлена для общения.

Душа словно была объята чёрным пламенем, а в моменты, когда я вспоминала причину её состояния, она стенала в груди ещё громче, призывая унять страдания. Да только я не могла. Казалось, самые близкие люди меня предали и факт давности сейчас роли не играл.

— Кстати, сегодня узнала, что Тарзана и Леру в сауну отправляли не бандитов ублажать, а полы драить, — усмехнулась девушка. — Там же они умудрились подраться и повыдирать друг другу волосы.

Я снова посмотрела на Соню, но та будто и не поняла намёка.

— Теперь у девушек новые прозвища. Технички. В общем, не так страшен зверь, как его малюют, — хмыкнула она, видимо, пытаясь сказать, что Картер не был с ними слишком жесток.

Мне нисколько не было интересно, но признаюсь, что от мысли будто их заставляли спать с кем-то против воли, мне становилось плохо.

Мы даже не успели допить свои безалкогольные коктейли, как на рядом стоявший стул рухнул какой-то парень.

— Привет, красотки! — поздоровался весело и упёр в меня взгляд.

С кожи на его шее на меня звериным взглядом смотрела какая-то бешеная собака. Острые клыки, капающая слюна и сумасшедший мультяшный взгляд. Тату-мастер постарался придать живости зверушке.

Я недоумённо взглянула на парня, не понимая, какого чёрта он себе позволяет, но промолчала, когда ещё трое подтащили стулья и нагло втесались к нашему столику.

Тут же вскочила из-за стола, понимая, что дело пахнет жареным, но придурок с татуировкой ухватил меня за руку и, широко ухмыляясь, дёрнул на себя, отчего я на него упала, но успела упереться в твёрдые плечи. Однако это не уберегло меня от того, что аморальный тип своей грязной пятернёй сжал мою задницу.

— Ух какая, — промычал, зарываясь носом в вырез майки.

— Руки от меня убрал, козёл! — рявкнула, вырываясь.

Меня затрясло от страха и отвращения. К горлу подкатил ком, а тело настолько напряглось, что отказывалось подчиняться, оттого сопротивление выходило жалким.

Соня бросилась мне на помощь, но тоже была перехвачена дружками парня. На всё кафе раздавался идиотский смех.

— Ну куда же вы, девочки? Мы только начали наше знакомство, — донеслось до меня.

Соня замычала, и я поняла, что ей закрыли рот, но мой-то свободен! Однако утырок с тату успел раньше, чем мне довелось закричать. Свободной рукой он с силой сжал мою шею и дёрнул вниз, заставляя согнуться в три погибели, и прошипел:

— Только тьякни, сучка, и твою подружку порежут на лоскуты.

Чуть отодвинув меня, он резко поднялся, а в следующую секунду всё смешалось. Послышался глухой удар и хруст костей. Взвизгнула Соня, а меня качнуло в сторону.

— Отпустите девушек, суки! — крикнул кто-то, но я не смогла обернуться.

Шакал хохотнул (я только сейчас поняла, что за тату у него набито), схватил меня за волосы и потащил вглубь заведения. Я брыкалась, пытаюсь отцепить его руку, но он только сильнее сжимал пальцы. Те немногие люди, что находились в кафе запаниковали, зароптали, но помощи мне ждать было не откуда. Только один мужчина последовал за нами, требуя меня освободить, но и тот, кажется, был моим охранником.

Утырок провёл меня через кухню и выволок на улицу, швырнув за всё те же многострадальные волосы в лапы других парней, которые явно именно этого и ожидали. Не знаю, сколько их было, но каждый протянул свои конечности и попытался содрать джинсовую куртку и оттянуть рубашку.

Я чувствовала себя омерзительно. Звала на помощь и пыталась сопротивляться, но в ответ слышала только мужской хриплый гогот и маты.

— Здесь трахнем или на хату увезём?

— Клиент не говорил, что сучку можно трогать. Нахуй нам проблемы?

— Да ты посмотри, какая аппетитная соска — меня толкнули и поставили на колени, а после сжали подбородок и запрокинули голову, чтобы я посмотрела в глаза Шакалу. — Такой по самые яйца загонять, пока в них не зазвенит!

Он гоготнул и отпустил, чем я воспользовалась, попытавшись сорваться с места. Вот только их оказалось слишком много. Меня мгновенно схватили, а Шакал ещё и полапал, вызывая во мне звонкое отвращение, выражающееся тошнотой.

Довольно продолжительное время они просто ржали на всю округу, следя за тем, чтобы я не сбежала. Их было человек пятнадцать, и по нередким вопросам «Когда он приедет» и «Сколько ещё тут торчать?» я поняла, кого они ждут, и зачем я им понадобилась. Картера, кого же ещё!

И я знала, что он непременно приедет, как только узнает, что со мной произошло. Уверена, уже знает. И, чёрт, мне впервые в жизни было страшно, что он снова примчится меня спасать. Один против этой толпы он вряд ли что-то сделает, а вот меня, судя по разговору, трогать не собираются. Они хоть и глазели плотоядно, но не трогали.

Через долгие минуты ожидания раздался оглушительный рёв моторов мотоциклов и машин. Глаза ослепило светом многочисленных фар, и толпа, стоявшая рядом со мной, ощутимо напряглась и затихла. Шакал ткнул меня в плечо, вынудив повалиться на руки и замереть на четвереньках.

Захлопали дверцы автомобилей, захрустел гравий под чужими ногами.

— Кто такие? — вопрос прозвучал со стороны прибывших.

Я не могла их рассмотреть, но видела, как парни встали перед машинами, частично перекрыв слепящий свет. И их было достаточно много, чтобы разборки превратились в самое настоящее побоище. Я только надеялась, что Картер не пострадает из-за меня в очередной передрыге.

— А кто спрашивает? — насмешливо задал вопрос Шакал.

— Брось прикидываться тупым, ты же меня ждёшь.

От этого голоса внутри всё замерло, а затем радостно забилося. Высокий тёмный силуэт сделал несколько шагов вперёд.

— Девчонку отпустите.

Рывок!

И я снова на коленях, удерживаемая за волосы, а в губы тычется дуло пистолета.

— Эту, что ли? — хмыкнул он и ухмыльнулся, заметив, как меня затрясло.

А меня действительно затрясло, потому что я вспомнила, когда в последний раз видела оружие и точно такую же позу со стороны. Женщину с разбитыми губами, что тихо скулила, прося увести своих детей.

— Не-е-е-ет, — протянуло бешенное чудовище. — Она наверняка неплохо сосёт.

В гнетущий тишине тут же раздался хруст гравия от чужих ботинок, но Шакал дёрнул меня за волосы, сильнее запрокидывая голову, заставив вскрикнуть от боли. Когда это произошло, холодный металл скользнул в мой рот и упёрся в язык. Я судорожно вдохнула, стараясь себя контролировать.

— Ещё шаг и последний минет она сделает моему стволу, чувак, — он на секунду умолк, а затем произнёс страшные слова: — Отмудохайте уроды.

И весь сброд, что ждал здесь, рванул на Картера. Я не видела ничего. Только топот ног, удары, крики. Шакал с широкой ухмылкой наблюдал за происходящим несколько минут, но в какой-то момент его лицо перекосило и он, вытащив дуло из моего рта, прицелился прямо в орущую толпу парней.

Оглушающий хлопок, от которого зазвенело в ушах, вырвал из меня душу. Страх! Он просто взорвался с невероятной силой, и я вцепилась в руку ублюдка, выжигая в себе мысль,

что он попал в Макса. Он не мог! Никак не мог!

Зубами вонзилась в его конечность, не обращая внимания на то, что он пытается за волосы меня оторвать от себя. На язык брызнула кровь, а утырок, выпустив волосы, замахнулся для удара.

— Ах ты, сука! — прошипел, но сделать ничего не успел.

Удар. Хруст. И Шакал заваливается назад. Я вынимаю зубы из прокушенной руки и потрясённо смотрю, как мой Макс, которого я всегда чуть ли не боготворила, кидается на этого придурка, седлает и начинает ожесточенно бить кулаком, совершенно не замечая, что с каждым ударом лицо парня превращается в кровавое месиво, которое невозможно распознать.

И мне не жалко Шакала, нет. Я просто стояла и взирала на перевоплощение хорошего парня в ожесточённого дьявола. Он просто тупо и методично превращал голову морального урода в кашу.

Удар. Удар. Удар.

Он забивал его. Убивал.

А я смотрела и не имела возможности даже пошевелиться, понимая, что вижу его истинное лицо. Он тот, для кого чужая жизнь ничего не значит. Тот, кто способен её отобрать.

На улице стало тихо, за исключением продолжающихся звуков, от выбивания которых Картер даже не устал. На мои плечи легли руки, осторожно принялись меня разворачивать, и я не могла не видеть ужасной картины, пока Соня не позвала меня:

— Кать!

Обернулась и посмотрела на неё, пребывая в шоке. Чувствуя, что дыра в груди становится всё глубже, всё страшнее, совершенно не собираясь затягиваться.

Желая уйти от всего, шагнула в сторону и мазнула взглядом по людям, что столпились у черного хода в кафе и заметила среди них подругу Тарзана. Та стояла в странной чуть согнутой позой, но понять, что не так, мне мешали несколько человек, закрывавших её от меня.

Обернулась ещё раз, но увидела уже не Картера, нет. Повсюду валялись тела. Стонали, стенали. Глаза были прикованы к одному неподвижно лежащему парню в серой футболке с красным пятном в районе груди. Уже дёрнулась, но внезапно поняла, что он находился среди тех, кто меня лапал, пока они ждали Макса.

Сжала зубы, желая отвернуться, но вместо этого тихо попросила:

— Кто-нибудь, вызовите скорую. Здесь человек с огнестрелом.

И зеваки словно очнулись. Закопошились, заспешили, зашептались. Никто и не подумал оттащить Картера. Даже я. Такого его я боялась. Он бил того, кто засунул мне дуло пистолета в рот, но ввиду своей деятельности, возможно, делал вещи куда хуже. Возможно, под его руками ломались кости невинных...

— Давай уйдём, Кать, — попросила жалобно Соня. — Я не хочу здесь находиться, когда приедет полиция.

Я согласно кивнула и шагнула в сторону припаркованных машин, потому что там находился единственный выход из тупика, но уже отойдя недалеко услышала хриплое:

— Кэти!

Обернулась, и мороз прошелся по коже вслед за глазами, которые внимательно меня

осматривали. Картер подошел практически вплотную и замер, нависая. Опалая кожу обжигающим дыханием. Краем сознания отметила, что он цел и невредим, отчего испытала облегчение. Мне хотелось уткнуться в его грудь, обнять и расплакаться, но...

— Идём домой, Кэти... — прошептал он.

— Мой дом не рядом с тобой... — ответила, всё ещё чувствуя во рту вкус чужой крови. — С «сыном дьявола», — выделила я прозвище, — я ничего общего иметь не хочу.

Картер усмехнулся и неожиданно зло выдал:

— Это ты дьявол, Кэти! Истинный Сатана во плоти!

— Что? — непонимающе спросила, сглотнув комок в горле.

На дне серого взгляда треснула ледяная корка. Картер протянул свои окровавленные пальцы к моим губам и растёр красную влагу. Я не дёрнулась, потому что этот вкус меня не отпускал с того момента, как я укусила Шакала.

— "Only a devil like you, could make me sin like I do"* — процитировал Картер строчку из хорошо знакомой мне песни.

И я внезапно вспомнила мальчишку, которого он избил в семнадцать лет, когда мы были на речке. Дамира, впавшего в кому. Николая, которому кто-то выбил зубы. Игната, которого я больше не видела в институте, и о судьбе которого никому ничего неизвестно. Вспомнила трупы, что показывали по новостям, когда я проснулась в его квартире. И он всё это делал из-за меня? Ради меня?

В груди что-то сжалось и затрещало. Расползлось чёрными трещинами, причиняя невыносимую боль. Если до этого момента я не думала о его мотивах, то сейчас осознала сполна. Сполна окунулась в болото, чувствуя себя частью его преступного мира.

Хотела ли я быть убийцей или человеком ради которого убивают? Нет! Но по его словам, если бы не было меня, он никогда бы не пошел на подобное преступление. По его словам, я — причина.

— Ты чудовище, — сорвалось с непослушных губ. — Хочешь сказать, что это я виновата в том, что ты вытворяешь? Считаешь вправе меня винить? Всё, что со мной произошло — прямое следствие вашей деятельности!

Картер замер. Холод сменился растерянностью и чувством, которое невозможно было угадать. Я не стала дожидаться ответа. С трудом переставляя ноги, просто ушла, радуясь и рыдая внутри от того, что Макс не стал меня останавливать. Потому что мне тоже больно и трудно. Потому что я сама себя разрушаю, разбирая внутреннюю крепость по кирпичику. От неё вот-вот ничего не останется.

Строчка из песни "Devil like you" Gareth Dunlop

"Only a devil like you, could make me sin like I do" — Только такой дьявол, как ты, мог заставить меня грешить, как я грешу.

Несколько дней я пребывала в состоянии протрации. Я не понимала, что происходит, и кто вокруг все те люди, что задают извечный вопрос “Ты как?”.

Никак.

Я никак.

Меня выжали, словно лимон, а потом снова наполнили, но уже какой-то грязной водой. Я была настолько рассеянной, что несколько раз на занятиях теряла ручку, которая лежала перед носом. Не обращала внимания на одноклассников, что со мной вежливо здоровались, а порой не слышала входящих звонков от папы и Костика. Или не хотела слышать?

Тараканы в моей голове были заняты самобичеванием. Да-да, именно они отравляли мою жизнь и решали, как я должна вести себя дальше. Снова закрыть глаза и поверить, что всё это просто какой-то кошмар, который никогда больше не повторится, или уже принять как данность тот факт, что близость с Картером опасна для моей жизни? Если приму, то мне придётся от него избавиться, но я... я просто не могу. Я сама себя уничтожу. Но забыть, кто такой Макс Картер, я не в силах. Моя душа воет при мысли, что он такой же бандит, как и все они. Что он точно так же в любой момент может похитить чью-то девушку, жену, мать и, как настоящий мерзавец, переломать чужие жизни.

И Костик? Зачем он позволил ему вступить в их группировку? Ему не было места среди них, а сейчас... его руки в крови, а душа в грехах.

Эти мысли и вопросы терзали постоянно. В постели, в душе, за завтраком, в автобусе, в институте. Мало что могло отвлечь, но в один из дней меня попросту вышибло из колеи.

— Кать, ты что-то знаешь?! — едва я вошла в аудиторию, ко мне подбежала Оля, наша староста.

Я удивленно посмотрела сначала на нее, а затем на столпившихся вокруг одноклассников.

— Что знаю? — спокойно села на свое любимое место, вытащив предварительно необходимые тетради.

— Как это "что"? — Кира, лучшая подружка Оли, вытаращилась на меня как на идиотку. — Подробности про задержание Картера и его друзей!

— Вы же пара, не? — раздалось сбоку.

— Может, он ее уже и бросил...

— Пацаны говорили, что всех уже в СИЗО загнали...

— Но за что?

— Его точно подставили! Макс не такой! — послышался девичий визг.

— Угу, — хмыкнул какой-то парень, — настолько не такой, что силовики скрутили прямо в баре.

А я замерла еще при фразе "задержание Картера и его друзей", с силой сжимая в похолодевших ладонях пенал. Разум затуманился, накрылся дымкой страха, и я просто не могла понять, что мне сейчас делать. Сидела, слушала слухи — каждый был ужаснее предыдущего и бил жестко по сердцу, причиняя едкую боль.

Из состояния оцепенения вывел вопрос, снова заданный старостой:

— Так ты не в курсе, да?

Я резко поднялась, нащупала в сумочке телефон и хотела уже выйти из кабинета,

оставив собравшихся без ответа, как в спину прилетело:

— Ясно, он ее бросил. Наверное, она бревно в постели...

Остановилась, чувствуя, как злость затмевает все мое существо. Бесцеремонность, с которой действовали одноклассники, всегда бесила, а сейчас и подавно. Возможно, Макс и, быть может, Костику сейчас плохо, а они? Думают о том, как бы побольше узнать, чтобы затем обмусолить эту тему. Они не волнуются и не сочувствуют, им просто скучно.

— Прости, дорогой мой Павлик, — я даже вспомнила имя говоруна, — что не позвала свечку держать. Но ничего, завтра принесу тебе целую корзину грязного белья, пороешься и сделаешь выводы, большой уже. Как я поняла, это твоя единственная страсть... делать выводы, а не рыться, конечно.

Не став дальше тратить время попусту, быстрым шагом направилась в коридор. Там дрожащими пальцами нашла номер Костика и...

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, — зачитал женский механический голос.

Написала несколько сообщений, затем набрала его снова. Итог был неутешительный. Письма остались непрочитанными, а робот продолжала безразличным тоном резать меня на части.

Неужели правда?..

Не хочу в это верить. До крика, до боли, до слез. Не хочу и не буду.

Отправив еще парочку посланий брату и попросив его срочно со мной связаться, я решила позвонить Макс. Несколько секунд готовилась, чтобы столкнуться с полнейшим разочарованием:

— Абонент временно недоступен, перезвоните позже.

Тревога усилилась. Страх тонкими лианами оплел мою шею, не давая сделать спокойно следующий вздох. И причем я боялась не за себя — за себя не так страшно как за близких. Только от мысли, что брата и Макса могут посадить в тюрьму, становилось тесно в груди, а сердце билось где-то на уровне щитовидки, оглушая меня своими ударами.

"Все будет хорошо, все будет хорошо", — уговаривала я себя весь оставшийся день.

Я сидела на паре, рассказывала заданную тему, но в то же время была абсолютно далека от учебы. Мою голову занимала не грамматика и не история языков, а совершенно другое. Мой мозг, словно обезумев, перебирал в голове лица, увиденные несколько дней назад в кафе. Вдруг кто-то из них доложил в полицию? Вдруг кто-то снял на телефон? Вдруг кто-то...

До гостиницы, в которой временно проживала, я дошла в совершенно разбитом состоянии, не переставая звонить брату.

Ни вечером, ни утром следующего дня, он не ответил. Ни он, ни Макс. Если до этого я старалась не общаться с ними, то теперь казалось, что они добавили меня в свой черный список.

Первая две пары вымотали меня до невозможности. Мне хотелось спать, голова просто разрывалась от перенапряжения, а сердце — от тревожных дум, так что я уже третий раз бегала к автомату с приторным и невкусным кофе, но хоть таким. Он гораздо лучше того растворимого суррогата, что подают в столовой. Но и кофе уже не действовал: ни спокойствия, ни бодрости он не приносил.

— О, вот и она, — прошипел кто-то зло мне в спину. — Смотрите, кофеек пьет, пока парни из-за нее проблему расхлебывают!

— Легкомысленная и доступная сучка, — добавил второй женский голос. — Мне противно ее видеть. И она еще делает вид, будто ничего не случилось! Прекрасно! И как только Максик мог допустить подобное?

— А она прячет лицо в песок, словно страус, — ухмыльнулась первая. — Блондинистый лживый страус!

Я медленно развернулась. На меня с высоты своих каблуков надменно взирали две девушки — брюнетка и шатенка. И если вчера целью моих одноклассников являлось умножение сплетен, то этих девушек — высмеивание. Им надо выместить свою злость и под их горячую руку попала я.

— Очень рационально начать беседу с оскорблений, — делано спокойно отозвалась я. — Еще рациональнее разве что идея говорить с моей спиной. Что вам от меня нужно?

— Своими умными словечками будешь разбрасывать потом, когда Макс достанет тебя и твоих любовников, Катенька, — и бровью не повела шатенка. — И накажет за предательство.

— Думала, сможешь и дальше радоваться жизни и продолжать сливать всю инфу левым? — усмехнулась брюнетка. — Тебя сдали со всеми потрохами, детка.

Что за чушь? Я едва сдержала нервный смех. Бред на постном масле и ни капли адекватности. Что за "инфу" я "сливала"? Каким "левым" и "любовникам"? У меня такое ощущение, что две подружки о моей жизни больше знают, чем я сама, иначе как объяснить свою неосведомленность?

— Вы закончили? Я могу идти? — терпеливо поинтересовалась я, когда повисла пауза. Девушки явно передали слово в этом абсурде мне, ожидая отрицаний и впоследствии конфликт. Но у меня не осталось сил ни на первое, ни на второе, да и смысла я не видела. Зачем? Их претензии звучат глупо и необоснованно.

— Ну-ну, иди. Побудь еще немного овечкой, пока твою паскудную шкурку не содрали! — бросила одна из девушек мне вслед.

Хмыкнула и пошла на третий этаж, чувствуя... бешеную усталость. Устала от разборок. Когда-нибудь в моей чертовой жизни наступит уже штиль? И когда Костя поднимет трубку?!

Даже отцу набрала, но тот заверил, что Костя на учёбе, они разговаривали утром. Предположил, что телефон выключен потому что важная лекция или батарейка села. И я понимала, что такое возможно, но страх за брата и Картера всё равно не отпускал.

После пар одна из первых поспешила покинуть нутро института, чьи стены начали давить на меня. Быстрым шагом пересекла двор ВУЗа и успела отойти на пару метров от ворот, как заметила до боли знакомую фигуру.

Макс смотрел прямо на меня и курил. Сизый дым мягкой волной окутывал его, перед тем как рассеяться в воздухе.

Я еле сдержалась, чтобы не побежать к нему и не обнять, дабы удостовериться — с ним все в порядке. Хотелось прижаться к его твердому телу, впитать в себя его тепло и просто закрыть на глаза на реальность. Этого хотела душа, а мозг же подкидывал картинку за картинкой, главными героями которых являлись смерть и жестокость Картера.

Когда поравнялась с ним, он потушил сигарету и выбросил бычок в урну.

— Макс, — мое сердце застучало где-то в горле, а пальцы начало покалывать от

желания прикоснуться, — как Костик?

Из целого вороха вопросов и слов я сумела найти и озвучить лишь этот. Сказала и замерла, вглядываясь в серые, скованные льдом, глаза.

— Я вам двоим звонила, очень волновалась... — встретившись с его равнодушием, сконфуженно замолкла. Что не так?..

— С ним все отлично, — короткий ответ и странная, крайне странная просьба: — Кэти, дай, пожалуйста, свой телефон.

Я очень удивилась, но не стала перечить — его бесстрастный тон навевал на не самые оптимистичные мысли. Что-то действительно произошло! Только что именно?

Достала из кармана смартфон, разблокировала экран и отдала парню. Он взял его из моих пальцев так, чтобы при этом не коснуться меня. Сразу же открыл поочередно несколько мессенджеров, прошелся по ним, затем зашел в почтовый ящик.

Что за?..

То письмо, что он открыл, мне не было знакомо. Я могла даже поклясться, что точно не писала его. И файлы, прикрепленные к нему, я видела тоже впервые. Но рассмотреть ничего не успела — Макс вышел из приложения и вернул мне телефон.

— Макс... — я чувствовала напряжение, что висело между нами, всеми клетками тела. Оно давило, мешало говорить и сосредотачиваться. — Ты мне расскажешь, что творится?

— Не сейчас, — его голос немного смягчился. — И тебе пора, Кэти.

"Тебе пора", — эхом вторил внутренний голос. Я ничего не понимала и, пока не найду истину, не собиралась ехать в гостиницу. Ни за что!

Обвинения девушек, слухи о СИЗО, странное письмо, которое я не отправляла... Это ведь не случайность. Нет, отнюдь не случайность, а продуманный до мелочей план.

Я только успела собраться с мыслями, как Макс, бросив на меня еще один взгляд, попрощался и направился к своей машине, припаркованной чуть дальше обычного. Он ушел первым. А я осталась — с роющими в голове мыслями, тараканами, бьющими тревогу, и с отчетливым чувством подставы.

А когда сама открыла почту, все встало на свои места. Части пазла, будто намагниченные, притянулись, образуя неприятную картинку реальности, где я предала Картера и своего брата.

"Я их боюсь. Как только Картер и его шайка окажутся в СИЗО, я дам показания. У меня есть все доказательства его вины в смерти..."

Огромными от шока глазами я перечитала строчку, написанную от МОЕГО имени.

"Вот видео с того вечера. Это еще не все материалы, что у меня есть."

Дрожащими пальцами нажала на "открыть файл", уже представляя, что в нем может быть запечатлено... как мой мир снова зашатало от ужасных событий.

Началось все внезапно. Резкий визг шин, запах бензина, жженной резины, порывистый ветер!

Машина остановилась прямо рядом со мной, оттуда выскочил здоровенный амбал и налетел на меня, схватив за руку и плечи. Скрутил, как какой-то спецназовец.

Я не успела ничего предпринять. Телефон выпал из рук, упав на асфальт куском разбитого стекла, как и сумка, из которой высыпалось всё содержимое.

— Помогите! — я делаю отчаянный рывок и, вдохнув обжигающий воздух, кричу: — Помогите...

Слова застревают у меня в горле — мужчина прижал свою пахнущую чем-то отвратительным ладонь к моему рту, запечатывая его.

— Держи шлюшку, — прошипел второй головорез, подоспевший на помощь первому, когда я умудрилась ударить его ногой в колено.

Перед тем как меня втащили в душный салон машины, я, сквозь подступившие слезы, увидела Макса. Он тоже не успел. Водитель внедорожника нажал на газ раньше, чем Картер добежал до места, где я стояла.

Мне так страшно. Настолько, что все внутри дрожит, покрывается коркой холодного отчаяния. Пытаюсь вырваться из лап этих ублюдков, но меня с силой вжимают головой в стекло и крепко стискивают запястья до такой степени, что они хрустят.

— Больно! — шиплю сквозь зубы, но подонкам нет до этого никакого дела.

— Не рыпайся, дрянь!

Сердце колотилось, как отбойный молоток. До боли.

Не понимала, что происходит и куда меня везут, а как только хватка ослабла, я вцепилась в водителя, думая о том, что если вывести его из строя, то мы не доедем до места назначения. Но, когда ногти уже впивались в чужую кожу, а грубый голос взвыл на высокой ноте, моего виска настигла острая боль.

Тьма вспыхнула и закрыла собой весь мир.

***

Из переписки:

“Блять, где тебя черти носят?! Включишь телефон — позвони!”

“Возьми трубу, мать твою!”

“Чё за кипишь? У меня лекция, я перезвоню минут через тридцать”

“Кос, они Малую похитили!”

Из разговора абонентов:

— Кто? Какого хера?! Ты, блять, войско охранников рядом с ней держишь!

— Бегом сюда. Как получилось, потом разберёмся. Они мне уже сообщение прислали. Им нужны банк и я.

— Делёжка зон? Да мы же их разье...

— Сестрой собираешься рисковать? Арбат давно ищет болевую, а я, придурок, дал возможность. Короче, лети сюда. Не знаю, кто у них там на задаче, но последний манёвр от Яцушко был. Бери людей и найди эту тварь, я хочу знать, откуда вся эта херня пошла.

— Так Арбат же...

— Ты реально веришь, что эта мразь будет играть? Кто-то с почтового ящика Малой письмо отправил с видео, где я Шакала разделяваю. Из текста сообщения ясно, что она меня слила, но я в эту хуйню никогда в жизни не поверю.

— То есть у нас крыса...

— Рад, что мозги у тебя ещё работают.

Сначала в нос ударил какой-то затхлый запах, а в голову боль. Висок саднил невыносимо. Затем до меня донёлся звук шкрябающего металла и неприятные ощущения от затёкшего тела. Открыв глаза, обнаружила перед собой мужчину. Он точил два сверкающих в приглушенном свете ножа с таким взглядом, будто был далеко отсюда.

Душа умчалась в пятки, и организм начал стремительно вырабатывать адреналин, от которого сердце в груди загрохотало, требуя больше кислорода. Дыхание сбилось и стало тяжелым, что не укрылось от бритого мужика.

Я никогда ранее его не видела, но точно могла сказать, что передо мной очередной головорез. Скорее всего, сидевший, потому что его руки и пальцы были испещрены многочисленными татуировками, коих я немало видела, когда нас с Костиком опрашивала милиция. Сразу после смерти мамы.

Будучи слишком напуганной, я даже вопроса задать не смогла. Голос словно отняли. Только руками шевелила, пытаюсь ослабить верёвку, что очень сильно стягивала запястья. Видимо, когда меня, бесчувственную, привязывали к жесткому стулу, никто и не думал позаботиться об удобстве.

— Надеюсь, ты не будешь орать, Кэти? Так он тебя называет? — от звуков тяжелого, неприятного голоса я вздрогнула и метнула взгляд в лицо мужчины. — Красивое имя. Сладенькое такое...

Не ответила. Принялась наблюдать, как он точит ножи. Очень хотелось, чтобы он не проверял их остроту на мне.

— Знаешь, Кэти, мы обычно стараемся не втягивать в разборки шлюх. И мне, блять, неприятен тот факт, что приходится использовать тебя, чтобы добраться до Картера.

Я молча слушала. Слушала и смотрела, как он с силой проводит лезвием одного ножа по другому, вызывая неприятный скрежещущий звук.

— Молчишь? Тем лучше. Ненавижу бабские сопли.

«— Сделай так, чтобы мелкая сучка заткнулась, иначе я выброшу её в окно!»

Эта фраза застыла в голове вместе с кровью. Хотела бы сказать — не смогла бы сказать ничего. Будто кто-то сунул в горло кусок тряпки.

Я осторожно осмотрела комнату и с ужасом отметила, что здесь не было ни мебели, ни окон. Бетонные стены и дверь. Подвал?

Я выла внутри. Я не понимала, почему всё это со мной происходит. То есть понимала, конечно, но за что Вселенная так со мной? Я больше не желаю бояться. Не могу думать, что со мной в любую минуту что-то могут сделать. Меня переполняет практически непреодолимый ужас, но я всё равно сижу с каменным лицом, потому что страх — это одна из форм боли. Страх — слабость, которую я не собираюсь показывать никому постороннему.

Мне плевать, кто этот человек. Я вижу перед собой очередного ублюдка, который может всадить меня ножи в любую секунду, и я ведь даже пикнуть не успею.

— У тебя и твоего ёбыря так много врагов, что нам даже в очередь пришлось встать, а Яцушко и вовсе прогнуть, — он бросил на меня косой взгляд, пытаюсь отследить реакцию, но наткнулся на деланное равнодушие.

Я не понимала, зачем вообще мне что-то рассказывать. Чтобы задеть за живое? Так ничего такого он не поведал. По крайней мере, пока.

И словно прочитав мои мысли, бритоголовый продолжил:

— Малец и сам не понял, как оказался под нами. Бывшая шлюшка Картера, кстати, неплохо в этом подсобила. Она же наркоту им дала, чтобы тебя в клубе отодрали, но вот парню конкретно досталось. Причём, и пальцем тебя тронуть не успел, а был отправлен в кому.

Я вспомнила Тарзан и её ненависть. Всё то время, пока она крутилась рядом с Максом, Таня, похоже, видела истинное его отношение ко мне. И что? Пыталась за счёт Дамира убрать меня с дороги?

Как же... мерзко.

На краю сознания мелькнула мысль, что со мной в ту ночь был Макс, а не Дамир, раз последний утверждает, что не трогал. И да, я даже поверю, потому что поведение парня больше соответствовало Картеру. И это приносит каплю облегчения, которая тут же рассеивается в застывшем в крови ужасе.

Этот ублюдок хвастался тем, что знал обо всём, что касается меня!

— Я не понимаю, чего вы хотите, — продавливаю в горло через силу.

Но головорез будто и не слышит, продолжает разговаривать как ни в чём не бывало, затачивая блестящую в полумраке сталь:

— Яцушко сам рассказал обо всём, когда вышел на нас. Как думаешь, кто дал ему контакты?

Я не представляла. И мне было абсолютно всё равно, если честно. Куда больше занимали вопросы, как выбраться отсюда и что он со мной сделает.

— Всё та же бывшая шлюха твоего ёбыря, Кэти. Сука слишком обиделась, а бабская месть... ну, в общем, тебе уготовили хреновую участь. Шавку нашу, Игната, она уговорила действовать тем же методом, да только пацан в курсах был, что я давно уже выходы на Картера ищу, он же пытался пролезть в их херову "семейку". Я отдал своим приказ хорошенько отодрать тебя, чтобы сосунок не смел больше лезть не в свои дела, — мужик прекратил точить ножи и с силой сжал рукоятки. — А эта гнида ещё и моих людей вальнула!

— А те парни в кафе... — просипела я, вспомнив Шакала, которого по всей видимости нет среди живых.

Странное дело, но я несколько не мучаюсь совестью от осознания непростого факта.

Уголок губ на неприятном лице дёрнулся в сторону.

— А это инициатива Яцушко. Думал просто завалить Картера, наняв мелкий сброд, да только такими методами с «семьёй» не совладать. К тому же, его снова сучка науськала. Осознавала, что нихрена у Дамира не выйдет, невзирая на деньги и братков в кругу друзей его отца. Дрянь хотела видеодоказательства, чтобы тебя подставить, что неплохо у неё получилось. Ведь твой ёбарь обиделся? — я вспомнила отрешенное выражение на лице Макса, когда он просил телефон и мягкость в голосе, когда отдавал его. Он не поверил. — Она-то знает, что у Картера крыша негибаемая, — головорез перевёл на меня суровый взгляд и выдал то, отчего волосы на голове зашевелились: — Только мне нахер такие игры не нужны. Я раздавлю их шайку. Отожму банк и раздавлю. Начну именно с сосунка.

Я сидела, ошеломлённая услышанным. Все мои приключения начались именно со дня рождения. И это не просто совпадения, а подстроенные Тарзаном события. Она же ни перед чем не останавливалась! И я неожиданно для себя поняла: проблемы не из-за Картера. Во

главе всего стоит Тамилова. Что наводит ужас, потому что молодая девчонка просто одержима Максом, который уже раз предупреждал её. На что ещё она готова пойти, чтобы устранить меня как соперницу?

В звенящей тишине раздалась телефонная трель. Мужик поднял трубку и ответил жестким тоном, который требовал говорить только приятные новости:

— Да, — голоса собеседника слышно не было, но я осознала, что это ожидаемый звонок уже на следующей фразе: — Выдави тварь, понял? Я порежу его суку, если не притащит тебе банк. Я давал шесть часов, время на исходе! И проверь Яцушко, он должен быть на месте.

Я хотела спросить, что происходит, но меня сковал страх. Ощущение зацикленного ужаса, заключённого в вены, который никак не рассеивался. Будто снова попала в детство, но на этот раз Костика нет рядом, чтобы меня успокаивать, а для бандитов цель не жертва, уведённая в соседнюю комнату, а я.

— Мне нравится, что ты молчишь, — обратился он ко мне. — Не ревьешь, как другие сучки. Есть опыт подобного общения?

Я не ответила. Рассказывать о тяготах своей жизни человеку, собирающемуся меня прирезать, не хотела. Да и едва ли я была способна разговаривать. Страх не прекращал сжимать горло крепкой хваткой.

В этот момент в деревянную дверь постучали и внутрь сунул голову какой-то парень.

— Арбат, у нас гости! — нервно выдал он и тут же скрылся обратно.

А я вспомнила. Вспомнила отвратительное состояние и голоса.

«— Трофимыч сказал, что Арбат отдал чёткие распоряжения. Катю должны были выбросить утром у института».

«— С-сука... Найди мне его, Саня»

Из-за дверей раздалась хлопки. Слишком знакомые хлопки, чтобы не понимать, что огнестрельное оружие.

Меня скрутило от страха. Не за себя, нет. Я очень испугалась, что там Макс. Что его могут ранить или вовсе убить. Дёрнулась, безуспешно пытаюсь освободить руки, но только хуже себе сделала. Кожа на запястьях невероятно горела.

Просить Арбата о помощи — верх идиотизма. Я и не стала. Сжала зубы и продолжила издеваться над собственными руками, пытаюсь их высвободить. Сердце стучало как сумасшедшее, а я сама вся обратилась в слух, потому что оттуда разносились не только выстрелы, но и крики, среди которых я пыталась распознать голос Картера.

Арбат вскочил с места и каким-то звериным взглядом посмотрел на меня.

— Блять! — выдохнул он, поднял руку и с силой сжал пальцами свою лысую макушку. — Хренов сосунок. Он не здесь должен находиться.

Мужик схватил телефон и быстро набрал чей-то номер, а когда ему ответили, рывкнул в трубку:

— Ты кто? Где Яцушко?!

И ответ слышала даже я, потому что он раздался слишком близко.

— Я твоя казнь, ублюдок, — дверь приоткрылась и в помещение с ухмылкой и пистолетом на перевес вошел Макс. Мой Макс!

От охватившей паники я попыталась вскочить, но едва не рухнула вместе со стулом. Арбат не стал вести светских бесед, он, словно одичавший зверь, даже не взглянул на оружие. Взяв поудобней клинки, он бросился на Картера. Выстрел! Арбат не отреагировал,

острый металл летел прямо в цель, но Макс успел. Перехватил его руки и провернул какой-то приём, отчего один нож со звоном упал на бетонный пол, а бандит оказался прижатым к стене с воткнутым в его шею кончиком второго. Я видела, как на его футболке увеличивается в размерах кровавое пятно, но была откровенно рада случившемуся. Что Макс смог.

Ровно в этот момент в комнату влетел Костик. Он взглянул на Арбата и бросился ко мне, чтобы развязать тугие верёвки и внимательно осмотреть.

— Кэти, цела? — спросил Картер хрипло, продолжая держать головореза.

— Д-да, — выдала дрожащим голосом, чувствуя, как подступают к глазам слёзы. Как только верёвки были развязаны, Костик сжал меня в объятиях и выдохнул на ухо:

— Всё хорошо, Малая. Уже всё хорошо.

Я попыталась подняться, но тело едва ли слушалось. Оно было перенапряжено и трудно поддавалось контролю. Костик, заметив это, подхватил меня на руки и понёс прочь. Только и успела, что глянуть на Макса. Понимала, что всё позади, но продолжала переживать, как бы не произошло чего плохого.

— Он остаётся? — спросила я, когда брат вынес меня и прикрыл ногой дверь. Внимание тут же было обращено на толпу, что стояла у дальней стены тёмного широкого коридора. Помещение оказалось подвалом, как я и предположила.

— Да, Кать. Нам нужно разрешить это недоразумение.

— Малая, ты как? — тут же услышала знакомый голос Даника. — Нигде не болит?

Сильные пальцы пустились ощупывать руки и ноги, не слушая заверений, что всё в порядке и ноют только запястья из-за тесного контакта с верёвкой. Костик передал меня ему в руки и потребовал, чтобы увёз домой, но я клещом вцепилась в его руку.

— Костя, нет! Я с вами останусь!

Брат потрепал мою макушку и улыбнулся.

— Кать, ну мы тут почти закончили. Сейчас уладим кое-какие вопросы и тоже домой поедem. Даник тебя развлечет.

Я не хотела, чтобы Даник меня развлекал. Не хотела, чтобы Костик и Макс оставались в этом ужасном месте, но кто бы меня спрашивал. Друг пронёс меня мимо татуированных парней, толкнул дверь и умело закрыл мне обзор, прижав к своей груди.

— Не смотри, Катюх. Здесь не прибрано.

Я догадывалась, о чём он, поэтому не стала сопротивляться, зная наверняка, что всё увиденное, может и будет преследовать меня в ночных кошмарах. Друг вынес меня на улицу, и я поняла, что находилась во дворе многоэтажного дома. Быстро усадив на пассажирское сидение своего Субару, Даник пристегнул и быстро занял своё место.

— Поспи, пока мы едем, Кать, — попросил меня верный друг. — У тебя гематома на виске. Вижу, что ударили сильно. Отключалась?

— Угу, — ответила заторможенно. — С ними же всё в порядке будет?

Не отпускала мысль об опасности. Как-то всё разом навалилось, сдавило, зажало в тиски. Меня всё ещё потряхивало, но я старалась держать себя в руках.

Я не знала, чем парни занимаются. ОПГ — это всегда что-то противозаконное, а учитывая, что Костя так спокойно признался мне в убийстве целой банды... Я просто понимала, что Арбат не единственный, кто хотел бы с ними разобраться. И если меня признали слабым местом Картера, то покоя не будет. Не будет до тех пор, пока я его слабое место. И это тот вопрос, перед которым я сейчас стояла. Могла ли отпустить Картера после

стольких лет безответных чувств? Могла ли забыть о том, что моё сердце бьётся только для него? Одно я знала точно: решить сейчас я была не готова.

Если не тревожить затянувшуюся недавно рану, она перестаёт саднить. Так же и с чувствами. Если убрать источник их раздражения, они стремительно черствеют.

И я чувствовала себя каким-то биороботом. Существом, которому выключили способность осознавать себя как живое. С Костиком на контакт особо не шла, но игнорировать факт его существования не могла. Что бы он не сделал в своей жизни, он мой брат. Человек, который большую часть своего времени, пока мы росли, посвящал мне, оберегал. И мне проще сдохнуть, чем оттолкнуть его окончательно. А Макс... возможно ли вообще отказаться от человека, которого безоглядно любишь на протяжении многих лет?

Нет.

Но и переступить через себя всё равно что свободно войти в болотную жижу и позволить ей поглотить, сомкнуться над головой и навсегда утanutь на дно.

Сняв джезvu с плиты, я в тысячный раз прогоняла перед глазами сценарий наших дальнейших отношений, но никак не видела белого света в конце тоннеля. Чтобы всё было хорошо, чтобы я не была подвержена опасности. Но для этого ему нужно выйти из игры. Но как выйти из состава «семьи» тому, кто являлся сыном основателя банды?

Я вздохнула и разлила кофе по кружкам.

— *Сегодня утром стало известно о смерти главы организованной преступной группировки, Самохина Николая Степановича по кличке «Арбат». Напомним, что два дня ранее на Большой Тульской на полной скорости вылетел с моста на парковку автомобиль «Митсубиси Паджеро». В машине обнаружены два тела: мужчины и молодой женщины. Личность девушки была установлена на месте. Тамилова Татьяна Викторовна, уроженка города Подольск, студентка института международных отношений. Личность водителя была опознана только сегодня. Экспертиза выявила, что оба находились в состоянии наркотического опьянения, что и стало причиной неосторожного вождения и аварии впоследствии...*

Обернулась и посмотрела на Костика, а тот на меня. И не было в его взгляде ни чувства вины, ни триумфа. Просто взгляд. Ничего не выражающий и абсолютно спокойный. Увидишь этого парня в толпе и никогда не подумаешь, что он приложил руку к убийству Арбата и Тарзана.

И нет, я не винила. Совесть кусалась и бесновалась, что я жестокая сука, но... Тарзан ведь столько «добра» мне и другим людям сделала. Страшно подумать, что могло случиться не будь Макса рядом в день моего рождения. Дамир бы меня использовал, растоптал. Смогла бы я после смотреть Картеру в глаза? Никогда. И я могу сколько угодно убеждать себя, что рассказала бы всё Костику, но... я бы никогда не рассказала о том, что произошло за закрытыми дверьми чилаут-зоны. Потому что Костик и Макс нашли бы Дамира и расправились. Меня бы остановила угроза их наказания за месть.

А если бы Картер не успел, когда Игнат меня на блюдечке предоставил ублюдкам, которые выполняли приказ Арбата? Утром меня нашли бы у института. Раздавленную и... возможно, мёртвую.

Так должна ли я мучиться совестью за то, что мне не жалко Тамилову? Я знаю, Костик с Максом защищают меня. Всегда защищали.

— Осуждаешь? — спокойно спросил брат, когда я поставила на стол его чашку с

крепким свежесваренным кофе.

— Нет. Как ни странно, я понимаю.

Я села на стул и снова посмотрела в глаза парня. Костик выглядел уставшим и даже подавленным.

— Ты собираешься что-то делать с этим? — спросила, даже не надеясь на положительный ответ.

Но, к моему удивлению, он был. Брат склонил голову на бок и улыбнулся так, как улыбался с утра после ночных гулянок в клубах. Совершенно удовлетворённо.

— Не я, но все будут довольны. Ты тоже.

— И о чём ты говоришь? — хмыкнула я, действительно пытаюсь понять.

Вот только Костик промолчал, одарив меня новой загадочной улыбкой, которую поспешил спрятать за кружкой.

— Макс расскажет, — Костя сделал паузу, задумчиво взглянув в окно. — Наверное. А если нет, то это сделаю я, но несколько позже.

Я промолчала, с новой силой осознавая, как же сильно вляпался мой брат. Ведь если их поймают, то это срок. А я не смогу подобное пережить. Моё сердце разорвётся от боли.

Неожиданно раздалась трель телефона. Я взглянула на часы, пока брат доставал мобильный. Было семь вечера. То время, когда он обычно уходил из дома. Но я знала, что сегодня, как предыдущие дни, он никуда не пойдёт, потому что я всё ещё управлялась от событий.

— Да, — резкое, как всегда. — М-м, уверен, что стоит?

Я подняла на него взгляд, догадавшись, кто собеседник, и Костик протянул мне смартфон. Сердце ёкнуло, но я... да, я взяла гаджет.

— Алло, — произнесла тише, чем хотела, словно боясь, что услышит.

— Кэти... мы можем поговорить?

— Говори.

— Не по телефону, Малая, — хмыкнул Макс в трубку.

— Тогда где?

— Выходи, — сказал и сбросил вызов, будто был уверен, что выйду.

Но я и впрямь вышла. Машина Картера стояла у наших ворот, а он сам курил, прислонившись к пассажирской двери. Знакомый табачный запах ударил в нос, когда я приблизилась, и парень тут же двумя пальцами отшвырнул окурок на дорогу, рассыпав искры в сумерках.

Он замер, глядя на меня, и не торопился усадить в тёплое нутро автомобиля. Просто смотрел. Будто запоминал.

— Будешь здесь говорить? — я отвела от него взгляд, потому что не хотела видеть его таким грустным и задумчивым. Я хотела обнять. Прижаться к крепкой груди и ещё раз услышать, как громко стучит его сердце, когда я рядом. — Я думала...

— Садись в машину, — Макс отстранился и открыл мне дверцу.

Кивнула и заняла пассажирское сидение. Пристёгиваться не стала, рассчитывая, что мы никуда не поедem. И мы действительно остались на дороге. Картер молчал, сжимая руль до побелевших костяшек, а я не знала, что говорить. Да и нужно ли что-то говорить? В салоне тихо играла «Deer end» от певицы Ruelle, и я повторила про себя три короткие строчки из припева, соглашаясь с каждым словом:

I'm slipping into the deep end. I'm in over my head. I can't catch my breath.*

— Как ты? — спросил всё же, нарушая безмолвие.

В воздухе витало густое напряжение, от которого можно было телефоны заряжать. И я даже не знаю, с чем это связано.

— Только что услышала из новостей про Тамилову, — ответила тихо.

И Макс в очередной раз доказал, что он лучший друг моего брата:

— Осуждаешь?

Я вздохнула, собираясь с силами и всё же развернулась, чтобы смотреть ему в глаза. Макс тоже повернул голову и... мы оба замерли, попав в ловушку взглядов. В груди мгновенно сжало тоскливым спазмом, а горло засадило. Макс сглотнул, но продолжал смотреть на меня потемневшей от голода коркой льда.

— Не осуждаю, — выдохнула я наконец. — Знаю, ради кого и ради чего. А ещё знаю, что, несмотря на всю мою доброту, чувствую уверенность: она того заслуживала.

— Ты не представляешь даже насколько, — усмехнулся он, и мы снова погрузились в напряженное молчание.

Прямо здесь и сейчас, наверное, решалась наша судьба. Я не была готова сделать выбор, а Макс... он не мог сказать мне то, зачем позвал. Мы оба оттягивали тяжелый момент разговора. Оба варились в котле мыслей и тяжелых чувств. Картер любил меня. Я уверена, любил своей странной любовью. Чего стоит вспомнить только такую мелочь, как гель для душа на полке в его ванной. И это не вызывало отторжения. Мне приятна мысль, что он мучился ещё хуже, чем я. Ведь сам отталкивал, зная, что может притянуть.

Горько улыбнулась, осознав масштабы лжи в своей жизни. Крайне неприятное чувство, что тугой верёвкой стягивало душу.

— О чём ты хотел поговорить?

Макс снова сжал руль, вздохнул поглубже и потянулся к внутреннему карману куртки. Я не против, когда он курит. Мне всегда это нравилось, поэтому спокойно смотрела, как он обхватил губами фильтр, подкурил и знакомо щёлкнул зажигалкой, отчего я мгновенно вспомнила, как лежала на кожаном диване и умирала от возбуждения.

Тут же пошла удушливой волной смущения, но взгляда от его губ не отвела.

— Почему ты не показался мне в клубе? Я... догадывалась, что тогда был не Дамир.

Картер снова растянул губы в усмешке и сделал новую затяжку.

— Я до сих пор помню твой вкус, Кэти... — произносит таким низким голосом, что я тут же сжимаю бёдра от прострелившего возбуждения. — Твои стоны, мольбы, милые угрозы и досаду, когда не получалось кончить.

О, Господи!

Мне стало невыносимо жарко, и я поспешила открыть окно со своей стороны, а он, словно издеваясь, продолжил:

— Помню твёрдость твоих сосков на языке и мягкость тела.

— Прекрати, — прошептала, чувствуя невыносимый жар в низу живота.

Картер обернулся, посмотрел в моё красное лицо и ещё раз усмехнулся. Невесело.

— Ты же моя, Кэти. Моя с самого начала, неужели не понимаешь?

— Это ты не понимал этого очень долго, Макс. Почему? — с трудом проговорила я. — Откуда такое рьяное желание защищать то, что тебе никогда не принадлежало? Я ведь...

— Посмотри, что сейчас из нашей близости получилось, Малая.

— Ты мог ещё тогда отказаться от «семьи», — уверенно заявила я. — Мог ведь. Сколько тебе было?

— Пятнадцать, Кэти. И я не мог.

И я только сейчас поняла, что ничего толком о Картере не знала. О том парнишке, что однажды появился на баскетбольной площадке. О том, кого я возненавидела в первую же встречу, лишь бы не признавать, что он способен затрагивать мои чувства. О том, кому в итоге принесла их на блюдечке с голубой каёмочкой.

Мы снова замолчали, разделяя напряжение, ставшее уже привычным, а потом...

— Сегодня ночью я улетаю. В Америку. Насовсем.

От этой фразы внутри всё стынет.

И я не спрашиваю почему. Не могу спросить. Мне не хватает сил.

Макс поворачивает голову, ожидая ответа. Или хоть какой-то реакции, а я понимаю, что не получается и слова из себя выдавить. Я умерла. Меня не хватит даже на вдох.

— Промолчишь? — усмехается он.

И словно в насмешку в салоне заиграла песня "Say something" в исполнении Boyce Avenue. Но я не попрошу остаться. Это его выбор. Его желание. И я не уверена, что так не будет лучше для нас обоих. Ведь я не могу быть с преступником. Не могу, даже если люблю его больше всего на свете. Я не выдержу. Не выживу. Сама себя уничтожу, разобрав остатки того кирпичного нечто, что ещё выполняет функцию внутреннего стержня. Выполняет функцию меня.

Киваю и на автомате дёргаю ручку двери. Молча встаю, но Макс резко хватается за пальцы и дёргает на себя так, что я валюсь обратно на сидение.

— Я могу забрать тебя с собой! — говорит он с глухим отчаянием, которое разрывает моё сердце.

— Я не хочу, — отвечаю тихо. — Отпусти.

И он отпускает. Мы оба понимаем, что это самое ужасное прощание, но я не могу находиться рядом с ним ни секунды, потому что... Я не хочу признавать, но мне больно. Мне так больно, что я дышать не могу. Что-то царапается в груди и рвёт душу на ошметки. Что-то, что способно оставить меня пустой.

Захлопнув дверцу, я разворачиваюсь к дому и тону в звуке срывающейся с места машины. Задние фары пропали из виду уже через несколько секунд моего бессмысленного взирания на них.

Я дура... Я дура, которая только что убила нас обоих.

В дом я вернулась, пребывая в состоянии... прострации? Скорее всего. Я чувствовала себя никакой. От меня будто отодрали все, что возможно, и я осталась лишь с пустотой и болью. Даже крови не осталось — мое сердце уже давно не мое, я вырвала его еще давно и отдала в руки человека, который через несколько часов просто покинет мою жизнь.

Все правильно, все верно, все так, как должно быть. Макс взял ответственность на себя — уехал сам, не стал давить или устраивать конфликт, но...

Почему же мне плохо? Ощущение, словно творится что-то неправильное, ирреальное.

Когда зашла на кухню, увидела Костика, что-то делающего у плиты. Он, подпевая какой-то мелодии, льющейся из беспроводных наушников, жарил... Пошла, дабы глянуть,

какой продукт мучает брат. Настолько не повезло яйцам.

— О, ты вернулась, — он вынул из уха один наушник и широко улыбнулся. — Я сегодня повар. Смотри, чему я научился за годы студенческой жизни! Это еда богов, то, чего ты еще никогда не пробовала, Малая!

— Подгоревшую яичницу я действительно не пробовала, — кивнула я, открывая форточку пошире. — И что-то даже не хочу приобщаться к твоему деликатесу. С желудком мне еще жить как минимум лет сорок, я еще про пенсию молчу.

— Вот потому ты и не богиня, — не обиделся Костя, ловко орудуя лопаточкой. — Ладно, тогда будешь жевать тоскливо бутерброды. Кажется, я где-то видел столетний лоток с нарезкой колбасы. Надо отвоевать ее у плесени... И выйдет самый шикарный студенческий бутерброд!

Я улыбнулась, но улыбка вышла жалкой и ненастоящей. Я сама себя чувствовала ненастоящей, созданной из пластика и пустоты.

— Костик, — осторожно позвала я, до сих пор взвешивая свое решение. Разбирая то, что хочу произнести, по кирпичикам, которые раскладывала затем на "да" и "нет". А потом... Разве уже может быть хуже того, как сейчас? — Расскажи мне все. Абсолютно все.

Брат, который до этого шинковал сыр, чтобы посыпать свою "пищу богов", замер и спросил:

— В смысле?

— Хочу знать правду. Чем вы занимаетесь? Ты, Макс, Павел Алексеевич, остальные?

Он молча отложил нож, затем поставил свою тарелку с яичницей на стол. Заговорил Костя лишь тогда, когда завершил делать мне горячие бутерброды и сел за свое место.

— Понимаешь, Малая... Люди бывают разные. Есть те, кому достаточно того, что они имеют, а есть те, что с каждым разом желают большего. Люди второго типа познали вкус власти, и потому они ни перед чем не остановятся, чтобы расширить свое влияние. Им плевать на обычных граждан, у них свои ценности и свои правила. А мы задаем планку, выше которой подниматься нельзя. Так сказать, сохраняем баланс. Мы не герои, конечно, но и не отморозки, которые идут по головам невинных.

Я слушала молча, и только когда брат закончил, задала волнующий вопрос:

— А полиция? Это ведь все равно не законно. А вас не могут вдруг...

Даже не стала договаривать. Я до ужаса боялась, что однажды кто-то из них окажется на скамье подсудимых. Что услышу стук молотка и жестокий приговор, разбивающий их судьбы вдребезги.

— Закон? — Костя усмехнулся. — Иногда, чтобы соблюдать закон, нужно его нарушать. И ешь, Малая, иначе заставлю съесть мой шедевр: я в него слишком много приправ добавил, а выбросить жалко.

Больше Костя ни о чем не стал рассказывать. А я не стала спрашивать, сделав вывод, что об остальном быть осведомленной мне не положено. В любом случае я узнала то, что дало мне спокойно выдохнуть.

Выдохнуть и попытаться начать новую жизнь, раз мое прошлое раздробили на осколки. Первым делом я забрала документы из института. Я чувствовала себя там чужой, а находиться в окружении подлых и потерянных людей я не желала.

Если жить по-новому, то с чистого листа, перед этим выбросив старые наброски. Или так, или никак.

Потому, не став долго раздумывать, решила на переезд в Санкт-Петербург. К Костику.

Ни в Москве, ни в Подольске я не сумела бы остаться. Слишком много всего связано с этими городами: столько любви, боли, страсти, слез и грязи. Плохое надо оставлять за спиной. Соня, к моей искренней радости, поддержала мой выбор. Поддержала и подала бумаги на перевод в питерский филиал нашего ВУЗа. К тому же, после того, что произошло в кафе, она долго не могла прийти в себя, а смена обстановки как раз должно было помочь ей.

Я начала новую жизнь и работу над собой, чтобы стать лучшей версией себя — более мудрой и рациональной Кати, однако...

Я смогла оставить все, кроме чувств. Чертовых чувств, что горели во мне ярким пламенем. Зря я думала, что если мы с Максом будем далеко, они угаснут. Нет, любовь окрепла, расправила крылья... но не смогла взлететь. Лишь изранила мою грудную клетку, безуспешно пытаюсь выбраться. Но как выбраться оттуда, откуда выхода я сама не нашла?

Возможно, дело еще в том, что я никогда не умела прощаться с людьми. Отпускать их. Оставлять. Вредное качество, верно. Но как отдавать свое? Того, кого я уже зашила хирургическими нитями в свою душу? Как?

И как просыпаться и знать, что с *ним* встретиться будет невозможно. Нельзя случайно столкнуться, встретиться взглядами, коснуться нечаянно ладонью и понимать: мы дышим одним воздухом, ходим по одной земле, по одному городу, передвигаемся в одной координате и видим одни звезды. Пускай мы далеко, но при этом... Мы близко. У нас есть шанс.

Это больно. И каждый из прошедших сто восьмидесяти двух дней было больно. Я пыталась заглушить боль как могла. Но разве станет легче, если заклеить открытую рану пластырем и выпить активированный уголь?

Апрель выдался на удивление теплым и солнечным. Я с улыбкой раскрыла шторы, пропуская лучи в свою комнату, и спросила у замолчавшей Сони, с которой мы общались по телефону:

— Ты все?

По ту сторону раздался какой-то шум, а затем я услышала веселый голос подруги:

— Агась. Спихнула племяшку на Лешика. Пусть тоже страдает.

— Жестокая, — хмыкнула я. — Ты его так экстренно готовишь к новости?

— Конечно! И заметь: совершенно бесплатный экспресс-курс по знакомству с отцовской долей, — я даже через смартфон ощущала ту нежность, что исходила от девушки. Они с Лешей недавно поженились. Я очень рада за подругу, но в то же время... Костер в груди разгорается каждый раз сильнее, вспыхивает именем единственного мужчины, которого я люблю. И который находится на другом материке. — Кстати, я завтра уже скажу. Торт заказан, осталось пару деталей и в целом... Очень страшно и волнительно!

— Сонь, выше нос. Все будет окей. К тому же, тебе надо храбриться. Я оставляю на твоём попечении машину и коллекцию кактусов, не забыла?

— Как это забыть? — хохотнула подруга. — Стану сразу многодетной мамочкой! Буду главной мамочкой на дороге, когда...

— Эй, только ты осторожно, моя малышка недавно только покрасилась, — напомнила я шутливо. — Ну а если серьёзно, то береги себя, хорошо?

— И ты мне про здоровье, — отмахнулась она. — И вопрос: а для чего ты и кактусы ко

мне перетаскиваешь? Я думала, они неприхотливы. Разве нет?

Я погладила пушисто-колючие шапочки своих крошек, которые еще стояли на подоконнике, и пожаловалась на брата:

— Оставить их Костику? Ни за что! От бедных растений даже горшка не останется — у него вседохнет, глина и пластик в том числе.

Теперь смеялась Соня, а затем задумчиво протянула:

— Наверное, слишком сильная аура властности...

— Говорила я, Сонь, не читай ты фэнтезийные романы! Вон уже ауры видишь, — закатила глаза я. — А дальше что? Разглядишь у меня совесть?

— Совесть? — делано удивилась Соня. — Я сама ее у себя пока не разглядела. Под дозой очередного томика тоже наблюдала. И вообще, я тут тако-о-ое читаю!

Разговор пошел о книгах? О, это будет долго и интересно, потому, прежде чем уточнить, что же "тако-о-ое" читает подруга, я бросилась на свою почти разобранную постель:

— Рассказывай!

— Итак, там плохой парень и вообще последний мерзавец влюбляется в...

Она никогда не узнает, что была для меня единственной в каждый момент времени. Была моим якорем. Моей точкой опоры. Она не узнает, что мне хватало одного взгляда в её небесно-голубые глаза, чтобы заполнить сосущую пустоту внутри. Не поймёт, что весь негатив — неосознанная попытка завладеть вниманием. Оттолкнуть, но не отпустить.

С первой встречи привязан, как цепной пёс. Мокрый, голодный, побитый, но верный всей своей сущью. Решать за неё? Если речь идёт о защите, то безоговорочно и несмотря ни на что. Я готов рвать зубами. Готов душу вывернуть, лишь бы цела. Ведь она мой Атон*, к которому я всегда слепо тянусь. Мой дьявол, держащий в руках все соблазны, за которые я давно продал душу.

Уйду, если прогонит. Останусь, если попросит. Раньше было не так. Раньше, казалось, я знал, как должен поступать, а сейчас я разобран до основания. Мир перевернулся, и в нём сместились полюса, накренив планету под ногами. Куда не иди — везде бледным призраком она, но, протянув руки, я так и не коснусь нежной кожи. Мне не доведётся ощутить её запах. Не случится обнять.

Ещё не так давно это не было так больно. Я улетал на несколько месяцев, свободно оставляя её под круглосуточной охраной. Я всегда знал, где она, и мне не приходилось сходить с ума, когда вечерами она не возвращалась домой. Я мог кутить с братвой и развлекаться, но всегда знал, где моя Кэти и что делает.

Моя...

Проклятое слово из трёх русских букв, которое я повторял себе на протяжении многих лет. Повторял и ненавидел, потому что это было не так. Потому что по-настоящему моей она была лишь в ту ночь, когда я заставлял её говорить, что любит меня.

Но, как выяснилось, её любовь не смогла приспособиться к тому, кто я есть.

Мерзавец.

Так она называла тех, кто отнял у маленькой девочки её маму. Так она называла людей из ОПГ Никольского, которую впоследствии мы разорили и истребили подчистую. Потому что именно этим занимались, а не вымогательством и шантажом не совсем порядочных бизнесменов.

В стане кровососов всегда найдётся паразитирующее на них существо. Наша семья была из этой касты, что не отменяет факта — руки каждого из нас по локоть вымазаны кровью мертвецов. Да, у нас существенное отличие и договорённости на высшем уровне о том, что мы, словно Баффи*, убираем с улиц нечисть и жестко контролируем уровень преступности. И именно за это мы являлись врагами для всех. Но не каждый отважился идти против нас напрямую. Они всегда искали слабые места.

Так убили мою мать. Здесь, в Финиксе, когда мне было четырнадцать. Второй удар нанесли, когда мне стукнуло шестнадцать. Они каким-то образом выяснили о существовании у отца любовницы, которая продолжительное время работала у нас горничной. Я находился дома в тот день. Прекрасно помню, что они сделали с несчастной женщиной. И да, Кэти стала той девчонкой, что оказалась в моём списке номером один. Никаких близких отношений, несмотря на то, что я всегда от неё тащился.

Для отца это стало ударом. В особенности, что его сын повзрослел за несколько часов, ведь встреча с ублюдками и для меня не прошла бесследно. Мы зачистили ту группировку,

как и многие другие до них, но та месть была актом устрашения. Безнаказанным актом устрашения.

Нашу семью посадить невозможно. Даже то проклятое видео, где я до смерти раскурочил морду уроду, посмевшему прикоснуться к святому, неспособно упечь меня за решетку. И дело вовсе не во вседозволенности и безнаказанности, а в том, что нужные люди понимают, что без нас будет хуже. В выборе между такими уродами на улицах и нами, они выберут нас. Потому что знают: законные методы работают, откровенно говоря, плохо.

Но, как бы мы себя не оправдывали, мы были теми, кем были.

Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Поэтому штамп “мерзавец” для Малой находится прямо у меня на лбу. Поэтому я никогда не буду тем, с кем она согласится улететь из России в жаркий климат Аризоны. И поэтому не стану тем, с кем она посчитает возможным строить своё будущее.

Я не знаю, как мне удавалось держаться всё это время на плаву. Не знаю, как не утонул в пучинах собственного внутреннего ада. Потерять её — всё равно что оставить где-то свою душу. Моё сердце не спокойно. Он обливается кровью и слезами, не принимая никаких альтернатив. Девушки? Раньше срабатывало. Словно чёртов извращенец, вымазываешь очередную куклу до боли знакомым ароматом, но... руки уже знают, что это не то. Суррогат.

Спасала работа. Легальный бизнес дался очень трудно. Это отцу хорошо, у него ничего не изменилось, продолжает отсиживаться в Подольске и руководить. А мы... Странное дело, но махать кулаками оказалось проще, чем пролезать через этих бюрократишек, готовых последние соки из тебя выжать.

К жизни в Фениксе приходилось прикипать долго. Климат, от которого я отвык, другой менталитет и... отсутствие привычных инструментов управления. Но я справлялся. Закусив удила, делал своё дело, шёл на пролом и через четыре месяца был вознаграждён за мучения. Филиал русской организации и местные сотрудники, что с гордостью принимали свою должность. Да и платили мы им хорошо. Очень хорошо. Но и требовали как от космонавтов. Начиная с ежедневных тренировок, заканчивая обязательным ежемесячным психологическим обследованием.

И да. Татуировка всё ещё входила в обязательный ритуал. Если сотрудник на начальном этапе отбора отказывался метить себя таким образом, он отправлялся нахрен. Никто не знал, что именно тату — гарантия того, что они никогда не будут брошены. В распоряжении парней было всё. Даже личная свора адвокатов на случай проблем.

И нет, всё являлось законным. Свод правил висел на почётном месте под толстым пуленепробиваемым стеклом и в золотой оправе. Десять правил. Десять заповедей нашей «семьи», которые переиначили её основатели. Жаль, дожил до этого момента только мой отец. Мне было бы интересно узнать, что они думают о кардинальных изменениях в их детище, ведь семейство собрало уже более тысячи “братанов”.

— Макс, твой мобильный разрывается и разрывает мне мозг, — прогундосил Поль, привлекая моё внимание.

Оторвал взгляд от окна и обратил внимание на смартфон. С экрана смотрела родная, скалящаяся во все тридцать два, морда. Тапнул по дисплею, принимая вызов.

— Ты про девушку мою не забыл там? Её встретят?

— Не делай из меня урода, Кос. Я уже в аэропорту. Фотку скинул?

— Чё, офигел? Ты своей смазливой мордой у меня её отобьёшь! — внезапно возмутился

он. — Отправь парней. Узнаю, твою мать, что она на тебя запала...

Не выдержав, хохотнул.

— Ты надо мной смеёшься? — тут же услышал серьёзный вопрос. — Макс, я тебе девок своих боюсь доверять. Мне одного раза, блять, хватило, еле вытащили из депрессняка.

Всё веселье мгновенно сошло на нет, а в груди больно сжалось. Каждый раз узнавая, что мой Атон потускнел, я готов вырывать себе вены.

— Как она?

— Она? Трубку дать? — хмыкнул Костик. — Или ещё недостаточно времени прошло, чтобы поговорить? — брат откровенно издевался, задавая эти вопросы.

Я способен душу продать для того, чтобы услышать её голос, по которому жутко истосковался. Но уверен, что она не готова вести со мной пустые беседы. Мы все знаем, как больно позволять чувствам проникать глубоко внутрь, а потом вырывать их с корнями. Это не проходит бесследно.

— Нет. Ладно, я пошел за твоей драгоценной. Куда её потом-то везти? В отель?

— Издеваешься? Я тебе адрес минуту назад скинул. И смотри мне там, Макс. Я за свок девочку тебе голову откушу!

— Ты серьёзно, что ли? — удивился я. — Слушай, я сейчас себя отъявленным уродом чувствую. Откуда недоверие? Ты же знаешь, что я лучше себе руки по локоть отрублю, чем на твоё позарюсь.

— Однажды уже позарился, придурок, — беззлобно выдал он. — Иди встречать, а то проворонишь.

С этой проклятой конференцией какой-то там ассоциации по лазерной медицине и хирургии он мне плешь проест. Согласился же на свою голову приютить на недельку. Чувствую, ревность будет над планкой его самоконтроля. Лучше бы сам сопровождал, мать его. Хотя куда там? У него тоже три филиала под контролем. Отец убьёт, если тот всё бросит.

Я поднялся со скамьи, когда он скинул вызов, и бросил взгляд на Поля. Он сегодня выполняет роль водителя. Парень после разборок с братками Арбата ещё несколько месяцев восстанавливался в больнице, а после приехал ко мне. И я был ему благодарен за это.

— Идём, Поль

О посадке самолёта уже давно объявили, но до встречи оставалось достаточно времени, чтобы неспешно выпить ещё пару чашек свежесваренного кофе и вспомнить вкус другого. Того, что варила Кэти. И да, Костик прав, потому что руки у неё золотые, а приготовленные ими напитки и блюда вообще шедевры кулинарии. По крайней мере, мы с ним так считаем. И этого она тоже никогда не узнает.

Не видать мне того кофе как и своих исполненных мечт. Пришлось довольствоваться тем, что подают в кафе. И только после мы отправились в зал ожидания. Открыв сообщения в ватсап, я почему-то обнаружил только один адрес. Свой. И фото девушки. Симпатичной блондинки вполне во вкусе Коса.

«Белая футболка, голубые джинсы, белые кеды, красная дорожная сумка. Пропустишь — прибью!»

Неужели я был таким же придурком, когда дело касалось Малой?

Усмехнулся, проходя в зал ожидания. Нужная девушка нашлась мгновенно. Она стояла у колонны с красной дорожной сумкой. Сердце пропустило удар, когда увидел эту фигурку. Она чем-то похожа была на неё, только худее. Девушка переступала с ноги на ногу в

ожидании нас.

Приблизившись, я осторожно тронул её за плечо, но захлебнулся собственными чувствами прежде, чем на меня взглянули небесно-голубые глаза.

Мираж?

Не веря собственным глазам, дрожащими пальцами коснулся нежной скулы. Сердце в груди таранило рёбра, а душа, кажется, перевернулась.

— Я уже забыл, какая ты красивая...

Не внешность, нет. Кэти всегда излучала какую-то внутреннюю красоту, и это проявлялось во всём. В сиянии глаз, в запахе проклятого инжира, который неустанно преследует меня изо дня в день. В движениях, в голосе, в манере речи. Она красивая даже в молчании. Мой сверкающий Атон. И я никогда ей в этом не признаюсь.

— Только полгода прошло, а ты уже меня забыл, — укоризненно покачала она головой, но тут же прильнула к моей груди, в которой продолжало неистово грохотать сердце.

Я сжал её в объятиях, зарылся носом в мягкие волосы и вдохнул аромат своей любви. Истинной любви. И... я не верил в происходящее. Ни в тот момент, ни когда она сказала, что везти её мы должны по тому адресу, который выслал мне брат. И я отчего-то искренне надеялся, что Костик не говорил, в чьём доме она будет жить целую неделю.

Не выпущу. Не отпущу. Пусть меня демоны раздерут, но... Я уже не отдам и пусть оно всё к чёрту катится! Я достаточно наглотался горечи, пока её не было.

Поль понимающе улыбался, когда я сбрасывал вызовы «братьев» и сам звонил, чтобы выяснить, в чём дело. А она... она сидела рядом и с интересом разглядывала дома, мелькавшие за окнами бронированного Мерседеса. Только руку протяни. Но я наслаждался даже её запахом и теми короткими вопросами, что она изредка задавала.

И смотрел...

Я постоянно на неё смотрел, потому что не мог иначе. А она частенько ежилась, будто от холода, хотя я точно знал, что причина иная. Во-первых, на улице двадцать градусов. Во-вторых, климат-контроль. В-третьих... она всегда так реагировала, потому что чувствовала.

Когда мы подъехали к моему дому, а Кэти выбралась из машины, я неожиданно понял, что боюсь оставаться с ней наедине. У меня же крышу сорвёт!

Но Малая окинула просторный дом довольным взглядом и обернулась, демонстрируя улыбку, от которой перехватывало дыхание. Счастливая. Как раньше. До того, как я испоганил её жизнь своими чувствами.

И до меня внезапно дошло, что Костик мне врал. Зачем? Вот ублюдок! Приеду — все кости переломаю!

— Ты здесь один живёшь? — донеслось до меня, отвлекая от тихой злости.

Достал её сумку из багажника и отпустил парня. Поль махнул рукой и тронулся с места. Я лишь несколько секунд наблюдал, как дорогой автомобиль скрывается за ближайшим поворотом.

Один...

Я действительно жил один все эти полгода, хотя и таскал время от времени девушек. Блондинок с голубыми и серыми глазами... Скрипнул с зубами от отвращения к самому себе и направился к невысокой калитке.

— Да, один. Зачем Костик устроил весь этот спектакль с девушкой?

Небесно-голубые глаза посмотрели на меня.

— С какой девушкой? О чём речь?

То есть ещё и девушки никакой нет... Вот урод!

Не стал ей ничего говорить, не уверен, что ей это понравится.

Я пропустил её внутрь двора, отмечая, с каким любопытством она рассматривает всё. Прошел по насыпной дорожке и, достав ключи, открыл входную дверь. В доме было, как обычно, тихо и уютно. Когда покупал его, представлял с какими эмоциями она могла рассматривать светлое просторное убежище. Я знал почти все её предпочтения. Во всём. Она же неустанно щебетала, гуляя со мной и Костиком. Делилась мечтами и фантазиями. А затем и Даник сливал, ведь он являлся близким другом в отличие от вечно колючего меня. И любил конкретно поиздеваться.

Кэти восторженно осмотрела все комнаты на первом этаже. Я видел, что ей нравится. А мне нравилось, как она гладит пальцами стены. Как рассматривает картины и книжные полки в гостиной. Такая вся нежно-бесцеремонная... любимая.

Комната, которую я ей выделил, была обычной. Ничем не примечательной. Не жилой. Кровать, шкаф, стол, телевизор. Она забрала у меня свою сумку и, бросив её на заправленную кровать, принялась вытаскивать из неё вещи, пока я таращился на неё, не веря, что это на самом деле происходит и Кэти здесь.

— Я приму душ с дороги, не против? — улыбнулась она.

Молча указал на нужную дверь в коридоре и чертыхнулся только, когда прошмыгнула мимо меня. Распахнула дверь и замерла возле полки с гигиеническими средствами...

Да. Я продолжал покупать эти проклятые склянки с запахом любимой женщины. Их накопилось достаточно, чтобы её шокировать, но она и в первый раз промолчала, когда увидела в Москве. Я сомневаюсь, что сейчас она не сочтёт меня каким-нибудь маньяком или ещё чего хуже.

— Это... моей девушки, — брякнул первое, что пришло на ум.

Я мгновенно пожалел о своих словах, потому что она вздрогнула и посмотрела на меня с чистым чувством, которое меня самого отравляет изо дня в день.

И прежде чем я смог забрать свои слова назад и вырвать свой никчёмный язык с корнем, она усмехнулась и тупо закрыла дверь. Закрыла... Закрылась... Отрезала меня от себя.

А сердце в груди продолжало вырываться из костяной клетки, желая пасть к ногам единственной женщины, которую боготворило.

Чёрт побери, какой же я идиот!

Кэти не было минут пятнадцать, и я не находил себе места, просто не зная, что делать дальше и как себя вести. Я должен как-то сказать, что девушки у меня нет или...

Тихий хлопок двери выдернул из паники, и сердце зашлось с новой силой. Я слышал, как она тихой поступью прошла к своей комнате, но не остановилась в ней. Медленно шла ко мне, будто знала, где нахожусь, чувствовала.

Мой взгляд мгновенно прикипел к её ногам. Это казалось таким естественным, что она в моём доме, в коротком синем халате, цвет которого сильнее оттеняет её глаза, босая... Последний факт особенно сильно будоражил.

— Я хотела спросить у тебя... — она подходит чуть ближе, и меня настигает тот самый запах, которым я грезил шесть грёбанных месяцев, пытаюсь найти среди бутылочек с жидкостью хотя бы отдалённо похожий. У меня дрожат руки от желания прикоснуться, сжать своё в крепких объятиях и вспомнить, что в действительности можно испытать от

близости с ней. — Ты действительно считаешь... — ещё ближе, уже встав напротив. Только голову склонить и коснуться губами. — ...что я поверю в бред про девушку?

— Не поверишь? — тихо спросил, лишь бы спросить. Я хотел слышать ее голос снова и снова.

— Почему ты не интересуешься, зачем я здесь? — вопросом на вопрос.

— Ты приехала на конференцию? — и до меня внезапно дошло, что ей конференция по медицине нахрен не нужна. На кой она лингвисту?!

Ну Костик!

— Конференция? — она улыбнулась с лукавым блеском в глазах и положила ладони на мои плечи, пока я гадал, есть у неё что-то под халатом или только?.. — Что ещё наплёл этот болван? Я приехала к тебе, любимый...

Вдох полной грудью и выдох с невероятным ощущением, будто внутри сорвало пружину. Хлынула потоком жадная тоска, разорвавшая преграду и добравшаяся, наконец, до той, по кому стенала всё время, истязая мою душу.

Я смял её губы прежде, чем понял, что творю. Сжал на идеальных бёдрах ткань халата, едва ли позволяя себе дышать. От этой близости больно, но так хорошо, что даже в мыслях слов подобрать не смогу.

— Я так скучал... — шепчу в эти сладкие губы, которые снились мне каждую проклятую ночь, кусками выдирая из меня всё светлое, что я питал к Малой и выставляя мне же на обозрение, мол, наслаждайся, сука, знай, что оставил на далёкой русской родине. — Почему так долго... Почему так долго, Кэти? — спрашиваю, запуская пальцы в обожаемые мною волосы.

Моя девочка-кайф, моя девочка-наслаждение, девочка-безумие... Я столько эпитетов забыл с её отсутствием. Столько нежности спрятал на дне тёмного сундука, что таится в забытых частях души, куда не проникает свет обычной жизни.

Нет...

Подхватываю свою малышку на руки и несую в комнату, где не раз, предаваясь мечтаниям, воображал, что она рядом. Половину грёбаного года...

Не знаю, как достиг цели ни разу не запнувшись. Прижал Малую к простыням и принялся покрывать поцелуями доступные участки кожи, а те, что были недоступны, открывал, стягивая синюю ткань и продолжал целовать, задыхаясь в чувствах, что разрывали меня изнутри.

— Не тяни-и-и... — стонет тихо, задевая каждую мою нервную клетку этим будоражающим звуком.

Я хочу её. Боже, как же хочу её!

Стискиваю крепче, когда тонкие пальцы скользят по моей руке и плечу, вжимаюсь бёдрами в свою сладкую девочку, ощущая, что на всё-таки не надела белья. Не надела, потому что знала, чем всё закончится.

И я не выдерживаю. Просто не могу больше. Расстегиваю ширинку и достаю член, чтобы с нескрываемым в выдохе наслаждением провести головкой по влажным складкам. Но прежде, чем все произойдёт, я хочу слышать главное.

— Скажи это, Кэти, — прошу я и тут же скользну языком по твёрдому соску.

Мне нравится щекочущее ощущение. Оно возбуждает сильнее.

— Ма-а-а-акс... — уже откровенно скулит.

— Скажи мне.

— Я люблю тебя! — её ногти впиваются в мои плечи, немного отрезвляя, но меня только радует сей факт.

— Ещё, — требую и медленно скольжу членом по тугой горошине, прикосновения к которому заставляют её вздрагивать.

— Я люблю тебя! — шепчет хрипло, задрав голову и доверчиво подставляя шею. — Люблю. Возьми уже, наконец-е-ец...

И я слушаюсь. Плавно втискиваюсь в тугое горячее и нежное пространство и закусываю мягкую кожу на подбородке, потому что знаю, что ей нравится острая ласка ровно как и мне.

Протяжный стон прорвался в пространство, высвобождая наружу скопившуюся за долгие месяцы страсть. Я брал свою девочку медленно. Старался растянуть блаженные моменты, но чем дольше это длилось, тем больше понимал, что меня не хватит. Что я хочу торопиться и брать её снова и снова. Хочу постоянно пребывать в наивысшей точке наслаждения. Целовать сладкие губы и сжимать упругие бёдра. Никого и никогда я не хотел так же сильно, как свою Кэти.

Девочка-кайф снова заскулила, умоляя дать ей кончить. Я чувствовал, как она сжимает меня. Прогибается в спине и хватает пальцами простыни. И тем сильнее я оттягивал пик. Хочу, чтобы было сильно. Хочу, чтобы она навсегда запомнила этот миг.

— Ты моя, Кэти, — заявляю, поймав затуманенный взгляд.

— Твоя, Макс, — подтверждает хрипло. — Пожалуйста... Пожалуйста!

И я даю ей наслаждение. Врываюсь быстрыми толчками и сам не выдерживаю силы оргазма, что накрывает на миг с головой, сдавливает горло и выгибает дугой. Малая тоже испытала звёздную бурю. Нахваталась яркой пыли и лежит сейчас едва живая.

Это было даже лучше, чем в мечтах. Гораздо лучше, чем в воспоминаниях. Разве могу я отпустить её теперь? Только через собственный труп.

Хмыкаю и целую её в губы, но уже через миг ложусь сбоку и сжимаю в крепких объятиях, чтобы просто сказать то, чего раньше не говорил, не желая, чтобы она знала:

— Я люблю тебя.

И меня плющит от щемящей нежности, что льётся изнутри. Она моя.

Моя...

Атон — солнечный диск, божество, зримая форма Ра или Ра-Хорахте

Баффи — «Баффи — истребительница вампиров» (англ. *Buffy the Vampire Slayer*) — американский молодёжный телесериал с Сарой Мишель Геллар в главной роли о судьбе американской девушки, обладающей сверхчеловеческими силами.

Полгода спустя. Осень.

— Слушайте, а если я сейчас по-тихому пройду по коридору, выйду через задний двор и...

— Ты невеста! — заключила в который раз Соня, крутясь вокруг меня и поправляя прическу. Другими "очень" важными мелочами занимались остальные девчонки, потому что у Соньки живот уже довольно сильно выпирал и ей было неудобно. В голову закралась мысль, что скоро я сама буду ходить с арбузом вместо привычного плоского животика...

Поджав губы, я посидела еще немного, слушая обсуждение девочек и их радостные возгласы, а потом не выдержала:

— На кухне у нас широкие окна, и если я сию же минуту побегу к ним, открою и затем...

На этот раз Маша смерила меня тяжелым взглядом и напонила:

— Ты невеста! Тебе нельзя.

— Ну вот почему мне нельзя, а? Я передумала! Не хочу замуж! Развожусь... нет, это еще рано... броса... в смысле кольцо отдаю обратно, — затем задумалась и поняла, что кольцо отдать все же не смогу. Сроднилась. И история его появления на моем безымянном пальце была тоже такая, что это воспоминание я ни за что и никогда не забуду и ни на что не променяю.

Почти два месяца назад мы с Максом крупно поссорились. Мне не понравилось то, как на него смотрела его новый партнер по бизнесу. Началось все колкой фразой с моей стороны, а закончилось все... Бурным примирением, когда Картер, не вытерпев, заткнул меня самым интересным способом на свете — поцелуем. В общем, очень хорошо мы тогда помирились. Настолько хорошо, что совершенно забыли про контрацепцию.

И настолько хорошо, что спустя три недели я держала тест на беременность с двумя полосками.

Моей первой мыслью тогда было "О Боже" и второй "У нас детской нет", а третья...

Ребёнок! Наш с Максом ребенок. Наша частичка, наше, только наше чудо.

Ребенок...

Я долго не могла прийти в себя. Просто до этого я совершенно не задумывалась о детях, а теперь... Теперь голова пухла от различных дум из серии "А если мы из-за имени с Картером подеремся?" и "Куда бить, чтобы парень согласился на все?".

Было весело и круто, пока до меня не дошло, что надо как-то теперь обрадовать папашу. Тут же, пододвинув радость, втесался страх, шепчущий, что он может быть против малыша. Я походила денек, снедаемая тысячами эмоций, а затем не выдержала.

— Как прошел твой день, Кэти? — вечером Макс привычно обнял меня, едва скинул туфли. Склонился к моим губам за поцелуем.

Я его обняла в ответ, чмокнула и, сгорая от нетерпения, выпалила на одном вдохе:

— Отлично! Я беременна, а ты станешь папой. Поздравляю!

Картер замер. Окаменел буквально. Медленно выдохнул и, побелев до состояния альбомного листа, попросил:

— Повтори.

Я несколько растерянно посмотрела на него и решила второй раз не травмировать

нежную мужскую психику. Мало ли.

— Макс, давай ты не будешь нервничать, а? — осторожно начала я.

— Повтори то, что сказала, — каким-то постным тоном произнес Макс.

Сглотнув, выполнила его просьбу:

— Я беременна.

— Еще, — он смотрел мне прямо в глаза.

— Я беременна.

— Еще...

— Когда ты успел оглохнуть? Не буду я больше повторять! — вспыхнула, но затем испугалась за еще более белого парня. — Эй, милый, Макс... Ты же не собираешься падать в обморок? Макс?

Картер несколько очень долгих секунд молчал, а затем, обняв меня сильнее, ответил, щекоча дыханием мою шею:

— Кажется, я оглушен. Счастьем. Повтори в самый последний раз.

Ух! Какое облегчение! А то я успела двадцать раз мысленно родить, сто двадцать раз стать матерью-одиночкой и еще столько же раз воспитать дитё напару с кошками и котами.

— Ты станешь папой, — улыбаясь, сказала я. — А я вроде как мамой. Ты рад?

— Я рад и чуть ли тону в радости, но на будущее, малышка, — в любимом голосе отчетливо читалась усмешка, — говори подобного рода новости не с порога, пожалуйста. Башкой удариться о порог от счастья как-то не предел моих мечтаний.

— На будущее? — мой мозг из всех его слов выделил лишь это.

— А ты думала, что так просто отделаешься? — ухмыльнулся Картер.

Действительно так просто не отделалась. Уже на следующий день Макс "напугал" меня тем, что все, я его вынудила и не оставила ни единого шанса. Что теперь прям все-все, никаких обходных путей, потому что я буду совершенно его. И надел на мой палец кольцо.

— Ты сама виновата. Я тебя предупреждал, Малая, — и горячие ладони скользнули на мой пока плоский живот, мягко погладили.

Из воспоминаний вырвал голос недовольной Сони:

— Девчонки, смотрите на нее и не учитесь. Что за бракованная невеста? То бежать планирует, то сидит и с места не двигается.

— А? — рассеянно отозвалась я.

— Нас ждут, Катя. Поднимай свою задницу и идем!

— И никаких окон с задними дворами! — предупредила Нэля.

— У нас еще подвал есть, — не растерялась я, пожав плечами. — Если запереться на пару часиков...

— Катя! — недовольный хор из пяти голосов.

Я закатила глаза и успокоила подруг:

— Шучу я, шучу! Честно!

Они явно не поверили, но ничего не ответили. А я, улыбаясь, пошла впереди всех. Мне нестерпимо захотелось увидеть Макса. Обнять, запустить пальчики в его темные волосы, скинуть туфли и залезть к нему на колени. Но чем ближе я подходила к дверям, ведущим во двор, тем сильнее нервничала. Не знаю, почему. На свадьбу были приглашены лишь самые близкие: наши с Картером отцы, Костик, Даня, мои подруги и еще несколько друзей Макса.

У самого выхода моих суровых конвоиров заменил папа. Девочки, перед тем как уйти,

бросили на меня взгляд типа "из-под земли достанем, но замуж выдадим".

— Пап, они мне угрожают, — пожаловалась я родителю. — Я волнуюсь, а им, бессовестным, все равно! И с кем я дружу?

Весь путь до алтаря меня немного потряхивало и мутило. Я уж думала, что красная дорожка, покрытая белыми лепестками, никогда не закончится. И как же хорошо, что со мной в эти минуты был папа, который поддерживал и подбадривал.

У самой беседки, увитой цветами, папа передал меня Костику. Тот, как всегда, не мог не бросить шпильку:

— Ты лучше так не улыбайся, а то Макс подумает, что ты пришла по его душу, а не сердце.

— А я сейчас по твои нервы приду, — огрызнулась я в ответ.

— Мне стало страшно, — в таком же полуиздевательском тоне произнес он, а затем мягко и как-то нежно добавил: — Я дам тебе совет, нет, даже попрошу тебя. Будь счастливой. Всегда.

Я еле сумела сдержать слезы и лишь выдохнула:

— Спасибо.

— А теперь улыбнись. Вот так! Чтобы Макс мне позавидовал, — перед тем как вручить меня жениху, изрек Костик.

А я замерла... Увидела *его* и пропала. Картер, одетый с иголки, смотрел на меня своими серыми, сияющими глазами, которые согревали получше солнца и светили ярче луны. Я бы хотела, чтобы всю жизнь мне освещали дороги будущего его глаза. Чтобы он был моим ориентиром. Чтобы только он стал моей путеводной звездой. Маяком среди бушующего океана.

— Ужас. Какой ты после этого друг? — хмыкнул Макс, услышавший слова брата, устраивая мою руку на своем локте.

Дальше мир просто перестал для нас с ним существовать. Я не могла оторвать взгляда от своего почти что мужа, а он от меня. Все недомогания ушли, оставив после себя легкость и хорошее настроение, а еще...

— Милый мой, — прошипела я, только сейчас заметив кучу мужчин из охранной фирмы, собственно, благоверного, — настолько педантично даже президента не охраняют! Что ты устроил? Почему твоих амбалов больше, чем гостей?!

— Я не мог не пригласить своих работников на свою первую и последнюю свадьбу. Как понимаешь, событие масштабное и единственное в моей жизни, — с легкой улыбкой ответил он.

Еще б была не первая и не последняя!

— Ладно, — выдохнула я. — Скажи, а все твои сотрудники ходят на свадьбы в полном обмундировании?

— Напряженный график у них, — нашелся почти муж. — Сразу после торжества на пост.

— Макс! — не выдержала я.

— Ничего не знаю, — нагло ответил он. — И вообще, слушай, что говорит батюшка. Мы как раз дошли до горя с радостью и печалью.

— Макс...

Нашу перепалку прервал священнослужитель, спросив, действительно ли мы готовы вступить в брак.

— Всегда об этом мечтал, — сверкнув улыбкой, сообщил Макс.

— Куда я денусь? Конечно да, — тяжело вздохнула я.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Я повернулась к мужу и улыбнулась, оценивая его уже не как парня, на которого в детстве устраивала охоту, нет. Я смотрела на Картера как на супруга. В полной мере осознавая, что теперь-то этому мерзавцу никуда от меня не деться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net